

А.Н.ГАРКАВЕЦ

Тюркские
языки
на
Украине

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ ИМ. А. А. ПОТЕБНИ

А.Н.ГАРКАВЕЦ

**Школьные
языки
на
Украине**

(РАЗВИТИЕ СТРУКТУРЫ)

КИЕВ НАУКОВА ДУМКА 1988

В монографии на большом историческом и современном материале освещается социалингвистическая и внутрилингвистическая проблематика тюркских языков на территории УССР в эпоху интенсивных языковых контактов. Устанавливается комплекс наиболее существенных факторов, определяющих то или иное направление развития их структуры в данных условиях. Конкретизирован характер соотношения между тенденциями взаимообогащения и саморазвития при контакте с языками другой типологии и с родственными языками и диалектами.

Для языковедов, историков, этнографов, преподавателей и студентов гуманитарных факультетов.

Ответственный редактор Э.Н.Наджип

Рецензенты

М.А.Хабичев, Н.Ф.Клименко, В.С.Рыбалкин

Редакция языкознания

Монография

Александр Николаевич Гаркавец

ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ НА УКРАИНЕ

(Развитие структуры)

Утверждено к печати ученым советом
Института языкознания им. А.А.Потебни АН УССР

Редактор О.А.Дитель
Обложка художника Л.В.Максимчук
Художественный редактор Л.А.Комяхова
Технический редактор Т.М.Зубрицкая

ИБ № 9319

Подп. в печ. 21.12.87. Формат 60х84/16. Бум. офс. № 2. Офс. печ.
Усл. печ. 10,23. Усл. кр.-отт. 10,46. Уч.-изд. л. 10,86. Тираж 570 экз.
Зак. 8-72. Цена 2 р. 20 к.

Оригинал-макет подготовлен в издательстве "Наукова думка". 252601
Киев 4, ул. Релина, 3.
Киевская книжная типография научной книги. 252004 Киев 4, ул. Релина, 4.

Г 4602000000-173 КУ-7-10-88 © Издательство "Наукова думка", 1988
М221 (04)-88

ISBN 5-12-000137-8

ВВЕДЕНИЕ

Одной из наиболее актуальных в современном мировом языкознании является проблема межъязыковых и междиалектных контактов, в частности - вопрос развития структуры языка в результате этих контактов. Необычайно богатый для исследователя данной проблемы материал представляют изолированные от основного ареала распространения, немногочисленные по количеству носителей так называемые островные тюркские языки, функционирующие в иноязычной среде. К ним принадлежат урумские говоры Северного Приазовья - Мариупольщины [Гаркавец 1981б], армяно-кыпчакский язык, зафиксированный письменными памятниками XVI - XVII в. из Каменца-Подольского, Львова, других городов Украины, Польши, Молдавии, Румынии, Крыма и Малой Азии [Григорян 1964; Deny, Trujarski 1964b; Абдуллин 1974; Гаркавец 1980; 1981a], гагаузский язык Молдавии, Румынии, Болгарии и Одесской области УССР [Дмитриев 1962: 202 - 281; Покровская 1964; 1978; Гайдаржи 1973; 1981] и караимский язык Галича на Ивано-Франковщине, Луцка на Волыни, Тракая и Паневижиса в Литве, Бахчисарая и других населенных пунктов Крыма [Мусаев 1964; 1977]. Гагаузский и караимский языки описаны достаточно полно в указанных монографических и многих других публикациях, в том числе в аспекте языковых контактов (библиографию см. в указанных работах). Наше исследование посвящено урумским говорам Северного Приазовья, изучение которых развернуто в последние десятилетия, и малоизученному армяно-кыпчакскому языку. Внимание сосредоточено на трех узловых вопросах развития строя этих языков: выявление, социалингвистическое и лингвистическое объяснение новогреческих элементов урумского языка; уяснение принципов становления и развития урумской песенной речи и характера соотношения между строем песенной и разговорной речи; определение общих тенденций развития грамматической структуры урумского и армяно-кыпчакского языков в планах их саморазвития, междиалектных и межъязыковых контактов. Решение последнего вопроса осуществляется интенсивным способом - путем показа эволюции грамматической системы сквозь призму развития

глагола как эволюционно наиболее динамичной сферы грамматического строя. Роль исторического фона отведена языку памятника XIII - XIV в. "Кодекс Куманикус". В качестве сравнительно-исторических использованы данные перечисленных близкородственных языков, крымскотатарского, турецкого и при необходимости - других тюркских языков. Исчерпывающий перечень источников в данной работе представлен в виде списка сокращений названий источников и населенных пунктов.

Урумские говоры Северного Приазовья (юг Донецкой области и п.Новомиловка Запорожской области) характеризуются кыпчакско-огузской диалектной пестротой, типичной для крымскотатарского языка, говоры которого лежат в основе языка урумов. В порядке убывания кыпчакских и нарастания огузских элементов выделяется четыре группы урумских говоров: 1) кыпчакско-половецкие с незначительным количеством огузских элементов: Великая Новоселка, Старобешеве (также выселок Новобешеве), Першотравневое; 2) кыпчакско-огузские говоры с заметным числом огузских элементов: Старомиловка (также Георгиевка, Малый Керменчик, Новомиловка), Богатырь (отчасти Раздольное), Улаклы (отчасти Раздольное); 3) огузско-кыпчакские говоры, где количество огузских элементов довольно значительно: Гранитное (также Андреевка, Каменка, Новомаринка, Новоселовка I, Новоселовка II), Староласпа (также Белокаменка, Новоласпа), Комар (также Днепроэнергия, Запорожье, Новый Комар, Червоная Зирка, Ялта), Старогнатовка (также Григорьевка, Малогнатовка); 4) огузские говоры с заметным кыпчакским субстратом: Жданов, Старый Крым. При подаче групповых ссылок на несколько говоров либо называется целая группа (диалект), либо дается сокращенный перечень - говоры, занимающие в перечне промежуточное положение, подразумеваются, напр.: ВН - П (при такой ссылке черта приписывается и промежуточному говору СБ); ВН - СК (при этой ссылке речь идет о принадлежности явления всем говорам).

Распределение новогреческих элементов по урумским говорам неравномерно, что обусловлено как конкретным для каждого из них уровнем мощности исходного румейского субстрата, так и интенсивностью последующей ретюркизации того или иного урумского говора. Сам новогреческий субстрат в диалектном отношении тоже неоднороден. Поэтому при обсуждении этого аспекта структуры урумских говоров должно внимание уделено результатам диалектологического и сравнительно-исторического изучения румейских говоров Северного Приазовья, являющихся прямым живым продолжением крымского новогреческого массива, часть которого составила в свое время субстрат урумских говоров. В соответствующем разделе приводятся имеющиеся классификации румейских говоров и наиболее удачная из них привязывается к территории Крыма.

Соответствующая классификация новогреческих элементов урумских говоров тоже проецируется на территорию полуострова, благодаря чему оказывается возможным не только решить проблему исторической интерпретации новогреческих заимствований урумского языка, но и подготовить почву для более широкого сравнительно-исторического и диалектологического рассмотрения собственно румейских говоров, выходящего за рамки настоящего тюркологического исследования и относящегося уже к прямой компетенции новогреческой лингвистики.

Армяно-кыпчакский язык в диалектном отношении сравнительно однороден и может рассматриваться как один из наиболее показательных кыпчакско-половецких языков: в его системе отмечается лишь незначительное количество огузских элементов. Однако в кыпчакских пособиях по армянскому языку (Мат.2267 и особенно Мат.3522), а также в кыпчакском переводе армянского судебника (Вроц.1916 и другие списки) наблюдаем резкое возрастание числа огузских элементов, обязанное, очевидно, происхождению составителей.

Спецификой материала, задачами исследования и, несомненно, стремлением к лаконичности обусловлена композиция работы. Вначале анализируются чисто урумские особенности, а затем внимание сосредотачивается на общем для куманского (фонового), армяно-кыпчакского и урумского языков. В первом разделе речь идет о специфических чертах урумских говоров, обусловленных новогреческим влиянием в области лексики, фонетики и грамматики, а также о связанных с ними явлениях ретюркизации. Во втором освещены лексические, фонетические и морфологические особенности урумской песенной (и отчасти письменно-литературной) речи, резко отличающие ее от разговорного языка каждого из говоров. Поскольку их возникновение и устойчивое существование исторически связано с ходом формирования и развития урумского фольклора и, в частности, его песенного жанра, с эволюцией эстетических принципов словесного творчества в условиях интенсивного междиалектного и межязыкового влияния (переход межтюркского билингвизма во внутриязыковую диглоссию), с изменением статуса отдельной личности в фольклорном речетворчестве, в этом разделе соразмерно обсуждены и данные аспекты. Предварительное освещение указанных чисто урумских процессов и их результатов освобождает от необходимости включения в последующее системное описание общих тенденций развития тюркских языков, функционирующих в славянском окружении (основной, третий раздел работы), дополнительных пространственных пояснений по двум названным проблемным аспектам.

Развитие строя исследуемых языков во всех разделах работы обсуждается комплексно - с точки зрения формы, значения, употребления, со-

четаемости и позиционных свойств единиц, их связи с другими компонентами языковой структуры и исторической обусловленности. В третьей главе работы в плане композиции предпочтение отдано формальному (парадигматическому) подходу. Тем самым обеспечено последовательное рассмотрение конечного перечня производных глагольных форм и их дериватов с обращением надлежащего внимания на связанные с ними в указанных аспектах другие компоненты языкового строя. Глагольная формообразовательная и словоизменительная морфология оказывается, тем самым, своего рода ключом к лабиринту внутрисистемных зависимостей и корреляций, видоизменяющихся от одного исторического периода к другому по многим параметрам. При реализованном в монографии [Гаркавец 1979] семантико-функциональном подходе, явное преимущество которого - возможность эффективного учета взаимодействия разнотипных языковых единиц армяно-кыпчакского и славянских языков, неминуемо отодвигался на задний план принцип полноты. Такой подход был оправдан преимущественным вниманием к проблеме конвергенции и наличием описания парадигматики армяно-кыпчакского языка Т.И.Грунина [Документы 1967: 343 - 380]. Урумский материал, которому здесь отведено главное место, пока не описан даже в таком сжатом виде. И поэтому исчерпывающее описание глагольной парадигматики и связанных с этим парадигматический подход к обсуждению результатов языкового взаимодействия и саморазвития в настоящей работе более оправдан. Понятно, что при других подходах за рамками обсуждения остались бы многие компоненты языковой структуры, об историческом развитии которых из-за скудости данных (единичные или чисто синхронные фиксации) судить очень трудно. Избранный подход позволил учесть и такие явления. Практически то же самое можно сказать и об армяно-кыпчакском и фоновом куманском материале, относящемся к глагольной периферии, а также о формах, не попавших в поле зрения предшественников или получивших ложное истолкование. Выбор парадигматического подхода к построению описания обусловлен и общей диахронической направленностью настоящего исследования как преимущественно тюркологического.

Описываемый материал освещен не везде с одинаковой полнотой, что вызвано ограниченностью объема работы. Однако, по мнению автора, это не должно сказаться на получении о предмете цельного и пропорционального представления: сжатое, обобщенное обсуждение имеет место тогда, когда по определенному частному вопросу есть специальная публикация автора. В других местах изложение ограничено регистрацией той или иной редкоупотребительной формы с импликацией ее деривативного отношения к форме производящей. Такие случаи касаются периферийных форм, засвидетельствованных считанными примерами и не заняв-

ших в эволюции языкового строя сколько-нибудь заметного места.

Принимая во внимание имеющиеся в литературе расхождения в транскрипции куманских и армяно-кыпчакских текстов и чисто субъективные разночтения публикаторов и исследователей, в своих иллюстрациях автор стремился использовать только примеры из текстов, доступных в оригинале или по факсимиле, — последнее относится к зарубежным коллекциям. Для каждого примера из письменного источника указывается шифр по списку сокращений, страница и строка, чем обеспечивается возможность критической оценки данного прочтения специалистами. Для воспроизведения тюркских текстов принята тюркологическая транскрипция на базе русского алфавита. К транслитерации автор прибегает при воспроизведении нерегулярных обозначений оригинала: латиница для куманского языка; арменистическая транслитерация на базе кириллицы для армянского и армяно-кыпчакского языков. Оригинальные греческие обозначения передаются адекватно.

Автор считает своим долгом выразить признание за многолетнюю помощь в его разысканиях профессору Эмиру Наджиповичу Наджипу, благодаря редакторским предложениям которого были разрешены многие не совсем ясные вопросы. Автор признателен также своим рецензентам за замечания и пожелания, способствовавшие доведению изложения до необходимого уровня ясности и доказательности.

НОВОГРЕЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ УРУМСКОГО ЯЗЫКА

В лексике, фонетике и грамматике языка урумов Северного Приазовья выделяется ряд элементов, которые возникли в результате румейского (новогреческого) влияния и которые формально отличают урумские говоры от крымскотатарских диалектных ответвлений, лежащих в их основе. Характер современного расселения урумов и румеев в пределах Донецкой и отчасти Запорожской областей не отражает тех территориальных отношений, которые исторически существовали между новогреческим и турецким диалектными массивами и следствием которых оказался указанный слой новогреческих элементов в урумском языке, как, соответственно, и слой турецких элементов в румейском языке, не одинаковый в разных говорах. К последним, судя по фактическому материалу, введенному в научный обиход, следует, вероятно, отнести, помимо избытка лексических заимствований (среди них множество глагольных основ), появление фонемы дж, сокзов ед'ір "если", уксум "или", модального слова бет'им "возможно", оформляющих соответствующие синтаксические конструкции, углубление дифференциации глагольных основ по переходности / непереходности, сокращение количества глагольных времен, утрату предлогов и приставок, ослабление дифференциации существительных по роду, развитие парных глагольных конструкций характера и способа действия, а также активизацию глагольной конструкции «хыво + имя действия, атрибутивная словоформа, имя качества или инфинитив» (см., напр. /Чернышева 1958: 11, 15, 16, 17, 20, 21, 46-48/).

Целям сравнительно-исторического исследования румейских и урумских говоров, в том числе в плане их взаимовлияния, соответствует выдвинутая И.И.Соколовым /1930; 1932/ и Д.Спиридоновым /1930/ и в целом поддержанная М.В.Сергиевским /1934/ классификация румейских говоров "по фонетическим признакам в меру удаления от современного греческого литературного языка" с разделением их на пять групп: 1) Ялта, Приморское (Урзуф); 2) Стыла, Великая Новоселка, Константинополь; 3) Раздольное (Большая Каракуба), Красная Поляна (Новая Каракуба), Максимовка (Бугас); 4) Приморское (Сартана), Заможное (Черма-

лык), Македоновка; 5) Кремневка (Чердаклы), Куйбышево (Малоянисоль), Новоянисоль. Т.Н.Чернышева, которая вслед за А.А.Балецким /1970/ предлагает говор Стылы выделить в самостоятельную группу, ко второй группе относит также говор села Анадолъ (Анатолий), принадлежащего переселенцам из Турции (1829 год), что объясняет его понтийский диалектный характер.

Крымские населенные пункты, выходцы из которых основали перечисленные румейские поселения Северного Приазовья, на территории полуострова, как это в свое время было продемонстрировано картой А.Л.Бертье-Делагарда /1914: 8-9/, образовывали определенные локальные группировки, соотносимые с приведенной классификацией. Приблизительно в такой же последовательности они размещались по направлению с юго-запада на северо-восток на протяжении от Гаспры до Феодосии.

Урумские населенные пункты в Крыму занимали преимущественно северо-западные склоны Крымских гор, а поселения, где жили румеи, - их южные, юго-восточные и восточные склоны. Исключение составляли урумские южнобережные Карань и Ласпи. На северо-востоке румейского диалектного массива в окружении других румейских говоров находились "чекающие" говоры, составившие основу приазовских румейских говоров Кремневки и Куйбышево и с урумскими говорами тесно не контактировавшие. Из числа румейских сел на северо-западных склонах Крымских гор было только два - Стыла и Салгирбаши-Ени-Сала, где жили носители "текающих" говоров. Ближе всего к Стыле размещались села, выходцы из которых основали приазовские урумские Богатырь и Старомлиновку: Богатырь, Лака; Албат, Керменчик, Улу-Сала, Вяз-Сала, Щурю. И действительно, говоры Богатыря и Старомлиновки характеризуются наибольшим количеством новогреческих элементов. Вместе с тем, села Улаклы и Мангуш, где отмечается одинаковое с Богатырем и Старомлиновкой количество новогреческих элементов, на территории того же Бахчисарайского кадылыка занимали местность, более отдаленную от румейских населенных пунктов, чем Бешев, а Большая Ени-Сала соседствовала с Салгирбаши-Ени-Салой, хотя в приазовском урумском говоре Великой Новоселки число исторически устоявшихся новогреческих элементов сравнительно невелико. Чтобы надлежащим образом объяснить причины наличия отмеченных явных закономерностей и мнимых противоречий, остановимся отдельно на заимствованиях разных структурных уровней.

Лексические заимствования

Заимствования лексического уровня относятся главным образом к церковно-религиозной сфере (уруми - православные христиане, как и

румен), где во всех урумских говорах и нарицательные, и собственные новогреческие названия представлены в принципе равномерно (1). Отличия наблюдаются в фонетическом оформлении отдельных слов - в соответствии с нормами говора (2). К данной лексико-семантической группе примыкают школьные термины, связанные с деятельностью церковно-приходских и частных школ с греческим языком обучения (3). Хозяйственная и нейтральная лексика по говорам распределена неравномерно (4); ее общее увеличение видим в Великой Новоселке, где урумы проживают совместно с румейми, образуя две части одного населенного пункта (5). Примеры: 1) нарицательная лексика - ай "святой" (новогр. ἅγιος), айос "святой; ангел" (ἄγιος), айазма "святая (вода)" (ἁγιασμα, ἁγιασμα), акона "икона" (εἰκόνα), д'ирйалеш (по реконструкции Н.Ф.Клименко: κύριε ἐλέησον "господи помилуй" - фраза, сопровождавшая обряд) - обряд вызывания дождя, арту - вид коровая, выпекаемого на проводы (ἄρτος "хлеб; просфора"), дйако, дйако "диакон" (διάκονος), йордан - прорубь в виде креста, вырубаемая на иордань (Ἰορδάνης - Иордан, река в Палестине), йорту "престольный праздник" (ἵορτή), калата "крестный отец" (новогр. καλός "добрый" + тюрк. ата "отец"), кальна "крестная мать" (новогр. καλή "добрая" + тюрк. ана "мать"), кандиль "лампада" (κάντιλ), клірос "хоры, клирос" (κλήρος "духовенство"), колва "кутья (поминальное блюдо)" (κόλυβα), нама - обряд поминания умершего на протяжении трех первых дней - причастие хлебом, смоченным в вине (νάμα "вино для причастия"), пангар - прилавок в церкви, где продают свечи (παγκάρ[ον]), пападйа "попадья" (παπαδιά), папаз "священник, поп" (πάπας), пендарты - кусочек священного хлеба, которым священник благословляет устроителя панаира, общественного гулянья по поводу престольного праздника (πεντάρτος "просфора (с пятью верхушками)" < πέντε "пять" + ἄρτος "хлеб" /Марков 1892: 408-409/), псалмос "псалм" (ψαλμός), псель ет - "петь псалмы" (ψάλλω, ψέλλω "петь"), псатыр, псатыр - вид печенья, выпекаемого в виде креста, звезды или решетки во второй половине великого поста (вероятно, из ψαλτήρι[ον] "псалтерион (вид музыкального инструмента); псалтырь"; предполагается также σωτήρ "спаситель" /Марков 1892: 412-413/; возможна связь с ψάω "плести"), ставроз (// старвоз Ж) "крест; нателный крестик" (σταυρός), т'инон'а ал - "разговляться" (κοινωνία "причастие"); собственные названия - самоназвание урум "грек" (Ῥώμη "Византия"); Ай-Йан - святой Иоанн (Ἰω-Γιάννης) (отсюда аййан, аййен "шалфей, цветок святого Иоанна"); Ай-Йорйу(баба) - святой Георгий (Ἰω-Γεωργιος), панайа ЖМ 408 - богородица (Παναγία), панайана - богородица (Παναγία + тюрк. ана "мать"), Хртос, Хртос-баба - Христос (Χριστός + тюрк. баба "отец"); "Аведес" - название пасхального хора-

ла (вероятно, вокатив существительного κύριος, ἀφένης "господин, господь" - "господи"), "Алексійος" - название хораля о великомученике Алексие (Ἀλέξιος); айазма "иордань", арту "провода", ванд'елізма "благовещение" (Εὐαγγελισμός), паска "пасха" (πάσχα), паска-д'а "пасха; счастливое время" (Πάσχαλα); все без исключения христианские имена людей, исходные формы которых ввиду общезвестности не приводим: Анань, Антош, Аньта, Дімітр, Дімітр, Нітіт, Т'ірт'а, Тодур, Тодур и др.; отдельные ритуальные фразы: Хртоз анесті! "Христос воскрес!"; Анестез анесті! "Воистину воскрес!" и под.; 2) ваба ет-СГ-СК, фетіз ет-, федіз ет-ВН-К, изредка педз ет-СЛ, лаптіз ет-СМ "крестить" (βαπτίζω, βαπτισμα "крещение"); кілсе ВН, СВ, кісле П, СМ-У, т'ісле К, т'ісе Г, СЛ, СГ-СК (// хісе Ж) "церковь" (ἐκκλησία); панайур СВ, НК, панайур ВН, П, СМ-СЛ, СГ-СК, также панайер К - общественное гулянье с конными скачками, борьбой и обедом на престольный праздник (πανηγύρι "собирать" /Марков 1892: 407 - 408/; πανηγύρι "праздник; народное гулянье; ярмарка"); стефан ал-ВН, СВ, СМО, стфан ал-П, СМ, сван ал-В-СК "венчаться" (στέφανο "брачный венец") и др.; 3) скол'а "школа" (σχολείο[ον]), даскалі, даскал "учитель" (δασκάλος), даскальца, даскальче, даскальча, даскаліца "учительница" (δασκάλισσα); 4) ангурия ВН, СВ, СМ-У, К (αγγούρι[ον]) // хйар П, Г, СЛ, СГ-СК "огурец"; варель, варіль "ушат" (ραβέλι[ον]); кальчін (// кельчін СВВ, калчын ВН) "шерстяные носки, чулки" (κάλτσα); катран "деготь" (κατράνι); кофа "мазница, ведро для дегтя" (κόβα "корзина"); каравіт К // хысхач "рак" (καράβιδα "рак, кровать"); кулук // клокша ВН, клукуша СВ "квочка" (κλώτσα); кукуц "семечки; косточка" (κουκκ(κ)ούτσι); лест'ер "деревянная лопата; совковая лопата" (λιστέρι "лопата, заступ"); дохса (// лухса СВВ) "роже-ница" (λόχιος "родовой"); мараз "болезнь" (μαρasmus); мезе "закуска" (μεζές); папу "дед" (παππούς); пачавра "тряпка" (πασσαρούρα); пес-мет, пісмет "сухарь" (παξιμάδι); піта "лепешка, пирог" (πίττα); прон "вилка" (προύνι); пусур, посур "плохой" (ψώρα "чесотка"); скам-ле, скамлі ВН-П, СГС, скамне, скамні СМ-У, скемне СМО, скаме, ска-мі, скамні Г-СК "скамейка" (βκαμνύ, βκαμνί[ον]); т'іраміт (// т'іре-міт СВВ) "черепица" (κεραμίδι[ον]); тула "обожженный кирпич" (τούρ-λο); туфек "ружье" (τουφέκι); фырын, фурун "течь" (φούρνος); хоран теп- "танцевать (группой)" (χορός "танец"); хората - в составе фраземы шаха шаха хората СВ "шутки-шутки и всерьез" (χωράτα "шутя", χωράτο "шутка"); ткачество: курват ВН, курватын "ткацкий станок" (καρ(ρ)άτος, κρεβ(ρ)άτα, κρεβ(ρ)άτι "большая деревянная кровать"; κρεβ(ρ)άτινα "подпорка под виноградную лозу; беседка, обвитая вино-градом"); масур "шпилька" (μασούρι), сайта "челнок" (δαίτη(τ)α),

мітер, метер "навой" (mitári), кувар, кварі К, СМО, квар К "моток ниток, пряжи" (κουβάρι); 5) анд'ерезма - вид пончиков (вероятно, из Εὐαγγελισμός "благовещение"); камі, камія "когда-то" (καμιά); канав// т'ендір "конопля" (καυκάρι); капа "ковер" (κάπα "бурка, тулуп"); мана "мама" (μάνα) "мать", маніца "матушка" (μάντζα); тата "папа" (τάτα); пукушар "сваты" (византийско-греческое ἀποκρισιάρης "вестник, посол" [Чернышева 1975: 54]); прупапу "прадед" (πρόπαππος); філл'а "гнездо" (φωλιά) и др. Новейшие новогреческие заимствования в урумской речи жителей Великой Новоселки употребляются параллельно с их турецкими эквивалентами, пока не вытесняя их, и потому могут рассматриваться лишь в плане интерференции.

Фонетические инновации

Самой важной чертой урумской фонетики, принадлежащей новогреческому субстрату, является переход к, г перед гласными переднего ряда (в отдельных случаях и после них), преимущественно перед і, е в ћ, ђ, а рефлекторно - в т', д', й, ч, дж. С.И.Марков, осуществивший первым запись урумской устной речи, отметил данную особенность, очевидно, на этапе ее рефлекторного утверждения. Воспроизводя слова, в которых засвидетельствован этот переход, С.И.Марков обращается к своеобразной транскрипции и обозначает обнаруженные им новообразования через т(к), (ћ), тк, (г), д(г), дг, г(д) (1), специально оговаривая: "Помещенные в скобки буквы показывают, что при произношении слов слышен звук, заключающий почти среднее между двумя рядом стоящими согласными" [1892: 419]. В ряде других случаев автор записей на месте переходных (начальных) модификаций дает окончательные т', д' (2) либо исходные звуки к, г (3). Отсутствие последних в современной живой речи урумов Жданова, Старого Крыма, Першотравневого (некоторые пословицы, как явствует из их внешнего облика, морфологического и лексического состава, записаны именно от жителей Мангуша-Першотравневого) и других урумских населенных пунктах в соответствующих позициях наталкивает на мысль, что использование вместо вероятных переходных либо окончательных модификаций их исходных инвариантов обязано нормализаторскому стремлению С.И.Маркова, ориентировавшегося, очевидно, на крымскотатарскую фонетику. Последнему в немалой степени способствовало и практическое применение в урумской песенной и письменно-литературной речи заведомой стилистической субституции т', д' > к, г, о которой речь пойдет в следующей главе настоящего исследования. Примеры из записей С.И.Маркова: 1) т(к)итерсин ЖМпр.: 17 "пойдешь", (ћ)итими ЖМ: 426 "пошел ли он", Дгелін (ткитер >) т(к)итер озуйлан ЖМ: 420 "Невеста идет сопровождаемая

(подругами)", (^Гделин >) д(Г)елин ЖМ: 419 "невеста", дгелъдигине ЖМ: 423 "его приходу", iенг(д)елерин ЖМ: 419 "твои тетки"; 2) тefими алмышым ЖМ: 436 "я получил удовольствие", т(д)iова ЖМ: 421 "жену", идит "юноша", делин "невеста" ЖМ: 420, дельмес "не придет", дечерсин "проходишь", д'явурун "гяура" ЖМПр.: 10; 17; 37; 3) в пословицах: Хызганчин эки китер "У скупого пропадает вдвое", Зенгинин гойну хопса (олунджа) гарибин джаны чихар "Пока у богатого появится желание, у бедного душа вылетит" ЖМПр.: 23; 35; в песнях: Нерель ерден нерель эре китен турнам? ЖМПр.: 8 "Откуда и куда летите вы, мои журавли?", Гель, аглетме мены ЖМ: 424 "Приди, не заставляй меня плакать".

Наблюдение С.И.Маркова оказывается особенно ценным в свете последних исследований румейской фонетики и наших разысканий в области урумской фонетической системы, для которой характерна замена отдельных специфически тюркских звуков на другие, такие, которые распространены в языках окружения (например, вулгарный н последовательно замещается переднеязычным н; вместо е (ä) имеем е или 'а и т.п.). По данным Т.Н.Чернышевой /1958: 11 -12/ и Е.Ф.Журавлевой /1980; 1981; 1982/, в приазовских румейских говорах Урзуфа - Ялты, Сартаны и Красной Поляны в качестве самостоятельных фонем представлены согласные т, т. Вместе с согласными н', д', й они образуют среднеязычный средненебный (палатальный) ряд. При этом согласный т "легко отграничить от к, но трудно отличить от т', поскольку артикуляция т продвинута вперед /Журавлева 1980: 58; 1981: 68, 70, 84/. В то же время, т не является переднеязычным палатализированным типа русского т'. Это же касается и согласного т по отношению к г и д', в том числе к русскому д'. Например: хунону "лю"; туфан "ружье"; врапí "брюки"; хирдан "подбородок"; хирданис "дрожит"; крыпí "сережка" - в Красной Поляне; в Урзуфе - Ялте хифаль, в Сартане хфал и Куйбышеве (Малоянисоле) чвал "голова"; т, т из сочетаний тй, дй, кй, гй, где й образовался из í перед гласным: мапа (мáтá) "глаза"; скулапа (сáкóл'хá) "черви"; донпа (дóт'á) "зубы"; мирмíпа (мíс'р'т'уá) "муравьи" и под. /там же/.

В настоящее время мы еще не располагаем таким обобщающим сравнительным исследованием, в котором по всем румейским говорам были бы определены структурные условия и количественные характеристики перехода к, г в т, т и ч, дж. Классификация И.И.Соколова и Д.Спиридонова, в целом поддержанная М.В.Сергиевским и развитая А.А.Белецким и Т.Н.Чернышевой, в которой учтено эту фонетическую особенность таврорумейских говоров, позволяет допустить, что ее усиление непременно имеет место именно в той последовательности, в которой румейские на-

селенные пункты (говоры) в ней перечислены. Однако сопоставление румейского и заимствованного (тюркского) словарного материала великоновоселковского и стильского говоров, преимущественно по данным словарей Г.П.Чердакли [ВНр.4: 67 - 122] и Т.В.Кусти [Ст.К: 64 - 126] соответственно, показывает, что в говоре Стылы эта черта выражена намного явственнее, чем в говоре Великой Новоселки. Так, в стильском говоре переход к, г в х, г последователен как в анлауте (1) и в начале слога внутри слова (2), так и в конце слова или морфемы (3). В великоновоселковском румейском говоре данный переход имеет место в значительно меньшем количестве лексем и преимущественно в начале слова, реже - в начале внутреннего слога, а в конце слова (слога) такой переход не отмечается. Примеры:

Стыла	Вел.Новос.	Димотика	Примечания
1) <u>h</u> ipí "свеча"	<u>h</u> ipí	keri	
<u>h</u> imané "скрипка"	<u>h</u> emené		перс. каманэ
<u>h</u> iphi "воскресенье"	<u>h</u> iphi	хуряхкы	
2) ahi "там, туда"	ahi	эхí	
кальһер "лето"	кальт'ерс	καλοκαίρι	
туһан "магазин"	туһан		араб. дуккан, кр.-тат. тукаян
diһəvris "декабрь"	dikeyris	Δεκέ(μ)βρης	
крыһí "бережка"	кырынгí	κίργγι	
ihiжа "близнецы"	igisja //		урум. eгіз ВН - СВ, ед'із П - СК
	igiska ВНр.4		
цангі "сапог"	цангі	σαγκάρις "сапожник"	
3) piһaһ "миска"	piһak	πιγάκα	
miзih "рожь"	miзik	Μιζίκι "Египет"	
кутуһ "полено"	кутук	κουτούκι	
туфаһ "ружье"	туфак	τουφέκι	
чи́чаһ "цветок"	чи́чак		урум. чичек
берджимеһ - мн.ч.	берджимék - мн.ч.		урум. берджимек
берджимеһа	берджиме́кһа		
"чечевица"			

Неожиданное звонкое начало в слове hihi "воскресенье" в Стыле свидетельствует о том, что этот говор был подвержен более сильному огузскому влиянию, чем румейский говор Великой Новоселки. Ср. также дылбóвһа Ст.К - тыльбóвһа ВНр.4 "вожи".

Как можно заключить уже из данного сопоставления, в румейских говорах переход к, г в х, г не одинаково последователен. Еще более

разнообразно развитие данного явления в урумских говорах. В целом можно утверждать, что здесь переход к, г в ћ, ђ, а затем в т', д, й, ч, дж охватывает и корневые, и аффиксальные морфемы. В корневых морфемах он характерен для их начала, для начала их внутреннего слога, и в наименьшей мере - для исхода корневой морфемы. В аффиксальных морфемах данное изменение наблюдаем лишь в их начале и в начале внутреннего слога производной морфемы.

Описываемый переход в начале слова осуществлялся на фоне диалектного противопоставления производящих основ по признаку глухого (кыпчакского) / звонкого (огузского) начала. Группу слов с устойчивым начальным т' на месте к образуют лексемы: т'амиль "способный", т'ар "прибыль, польза", т'афир "неверный, иноверец", т'ебек ВН - У, т'епек Г - СК "отруби; перхоть", т'ебен СМ, В "копна", т'евіш-, т'евце- "жевать жвачку", т'еге ВН, т'ега СВ, т'ейй П, т'ед'ев// т'ед'ей СМ - У, т'ед'ев Г - СК "спица (в колесе)", т'елеп "моток (ниток, пряжи)", т'едінчек "хорь", т'еліче, т'ельче "мизинец", т'ельбері "рогач; лопата (сажать хлеб)", т'емене, т'емане, т'імене, т'емече "скрипка", т'емік "кость; позвонок; спинной хребет", т'емір- "глодать, грызть", т'емірчек "хрящ", т'енар "край, берег", т'ендір "конопля", т'ендек "пупок (куриный)", т'ен ВН - Г, т'ен СЛ - СК "широкий", т'ер- "тянуть", т'ераміт, т'іраміт, т'іреміт "черепица", т'ере, т'ерет "раз", т'ерем "благородный", т'ересте "осанка, фигура", т'ері "серый (масть)", т'еріш "балка (потолочная)", т'еріез, т'ір-йес "паслён", т'ермен "крепость", т'ерпеден, т'ельпеден "клещи, кусачки", т'ерпіч "кирпич-сырец", т'ерт- "чеканить, зубрить", т'ертме "дикая груша", т'ертенд'еле СГС "ящерица", т'ес- "резать", т'есе, т'ісе "кошелек, кисет", т'етен "полотно", т'еф "хорошее настроение, удовольствие", т'ефін "саван; одежда покойника", т'і "что", т'іат, т'аат, т'агат, т'агыт "бумага", т'ій- "одевать", т'ійев, т'ійов ВН - СЛ// кйов СЛ, куйев Г - СК "жених, зять", т'іійіз "кошма, войлок", т'іійк "дикий", т'ілім "ковёр", т'іліт "замок", т'ім "кто", т'імерде "иногда", т'інон'а "разговение, причастие", т'ір "грязь", т'іра "извоз", т'ірпі "ёж", т'ірпік "ресница", т'ітап "книга", т'ер, т'ор "слепой". Кажется, только в двух словах (т'ез- К - СК// чез- "распускать, развязывать", т'ембер К, чембер СГ, СК, джербер ВН "головной платок"), а также в частице т'і (// -чы, -шы) побудительного значения начальный согласный т' на месте исконного ч является рефлексом обратного порядка: псевдокорректирующее выравнивание по аналогии с действительной реабилитацией чер > т'ер "слепой", чечініш > т'ечініш "жизнь". В производных основах продемонстрированная фонетическая черта сохраняется.

Диалектные противопоставления т' / д' (1), т', д' / й (2) и д' / й (3) дополняются вторичным, рефлексивным чередованием т' / ч, развившимся за счет регрессивной ассимиляции (4). Корреляция, вызванная действием различного новогреческого диалектного влияния: т', д' / к, г (5). В некоторых словах начальный г дал й во всех говорах (6). Например: 1) т'элы ВН-К, д'е(д)ы СГ-СК "приходить"; т'елин ВН-К (// кэлін СВБ), д'елин СГ-СК "невеста, невестка"; т'ерек / д'ерек "надо", т'ерчек / д'ерчек "правда", т'ет-, т'ит- / д'ит- "уходить" ВН-К / СГ-СК; т'ібік, т'ібі (// СГ), д'ібі, д'ібік СГ-СК "как"; т'ір- ВН-К, д'ір- СГ-СК "входить"; 2) т'ері ВН-СГ, йері П, Г-СК, д'ері СГ-СК "назад"; т'ече СВ, йедже ВН-СК (// д'едже Ж, СК) "ночь" (но вместе с тем везде бегедже, бугедже "сегодня ночью"); т'ізлі СВ, д'ізлі ВН, СВ, йізлі ВН-СК "скрытый"; 3) йебер- / д'ебер- "дохнуть", йез- / д'ез- "бродить, гулять", йеми / д'еми "корабль" ВН-К / СГ-СК; йірім, йірі ВН-СГ / д'ірім Ж, СК // д'ірі(і)-ми СК "двадцать"; 4) т'епче, чепче ВН-СК "половник"; чірт'ін П-СК // чірчін СМО, СЛ-К, т'ірчін СМО (с метатезой) "уродливый, скверный"; т'еч ВН-П, т'еч ВН-П, т'еч // чеч СМ-К, д'еч СГ-СК "поздно"; т'еч- ВН-СВ, йеч- П, т'еч- // чеч- СМ-К, д'еч- СГ-СК "миновать"; 5) кекір- ВН, СВ / т'ет'ір- П-СК "отрывать"; кекірік, кекірок ВН, СВ / т'ітірік, т'ет'ірок К "гребень (петуха)"; келін СВБ // т'елин ВН-К "невеста, невестка", но в парном сочетании обобщенно-неопределенной множественности везде употребляются две формы вместе: т'елин-келін де мені бахаджах? К "невестки (и тому подобные) будут за мной присматривать?"; кеклік ВН, СМ, Ж, СК / т'еклік В-СГ "куропатка"; керат ВН, СВ, Ж, СК / т'ерат П-СГ (// СК) "скакун"; 6) йердан "шейка, второй подбородок"; йунах "грех"; Йорйу, Йору - Юрий, Георгий.

Начальный к отличается стойкостью в позиции перед і, е в словах: кельчін (// кальчін) СВ "чулок; носок" (< καλτσά); кестане "каштан" (< καστανό); кід СМО "глина" (< перс. رَدل "грязь; глина"); кіда СМО "грыжа" (< κήλη); кіселек ВН, куселек СГС, кусала К "щенок"; кічі, кічік П-СК (// кучук) "маленький"; кішен "путо"; кішене "ржать"; кіші "человек". В одних из этих слов (в заимствованиях) фонетическая адаптация еще не получила развития; в других, собственно тюркских, гласный і по своим артикуляционным свойствам (несколько отодвинут, открыт и краток) не создает предпосылок для достаточной палатализации предшествующего к. В то же время, сохранение согласного к в его исходном виде способствует именно такой артикуляции последующего гласного і.

Для начала слога внутри корневой морфемы междиалектное противо-

поставление по глухости/звонкости урумским говорам не свойственно. Поэтому в данном конкретном случае они отличаются друг от друга по объему групп лексем, в которых произошел переход к, г в т', д', й, а также - вследствие ассимиляции к шипящим окружения - в ч, дж. В определенной группе слов один и тот же результат имеем во всех говорах (1), в других наблюдаем новообразованные корреляции диалектного характера к, г / т', д' (2) и д' / й (3) и ассимилятивное колебание т', д' / ч, дж (4); отмечаются и случаи сохранения исходных к, г (5). Например: 1) альд'и, анд'и Г-СК "тот, указанный", аст'ер "войско", бед'ит-У, бед'ет- "укрепить; удержать", берет'ет "урожай", бет'им "вероятно", богазт'ер, богазт'ир "обжора", далапт'ер, далапт'ир "умелец" (персидский аффикс деятеля -т'ер в этих словах урумами не вычленяется), имт'ан "возможность", инт'ар ет- "отказываться", йенед'е "опять" СМ-У, мемлет'ет ВН-П, мемнет'ет СМ-СК "государство", мерет'еп "чернила", санта'им "считай, оказывается" (этимологически: сан ким "полагай, что"), сет'из // сегиз СЛ, секиз СК) "восемь", сирт'е ВН, П-СК, сирт'а СВ "гнида", талет'е "телега", тут'ан ВН-СК (// т'ут'ан ВН) "лавка, магазин", тенет'е "жест", фит'ир "мысль", эфт'ар "мысли", хызметт'ар "слуга", шет'ер "сахар", ерт'ен "рано", ест'и "старый"; 2) Алейкем села ВН, СВ, СК / Альт'им села Г-СГ "Здравствуйте" (фольклорное выражение), бике, бит'а СВ, бике ВН, бике // пит'е СГ-СК, бит'е П-СГ "младшая сестра мужа", джигер СВ, джигер ВН, СВВ, Г, СГС / джид'ер П-СК (// джиджер СВ-К) "печень; легкие", ет'и (везде) / еки ЖМПр.: 23 "два", не бир-еки "один-два, несколько" СВ, ет'ишер // екишер, екшер "по два", ет'иси // екиси, еки "два из них" ВН-П, егер ВН, егер СВ, ед'ер, енд'ер П-СК, енд'ерим Г-СК "если" (две последние формы, вероятно, письменного происхождения: результат двоякого прочтения буквосочетания уу: ѣуер), йенге ВН, йенге СВ, йенге ЖМ: 420, йенд'е П-СК "старшая сестра мужа", йигит СВ, СМ, йигит СВ, ид'ит ВН, П, В-СК "молодой", но игита ВН, СВ, ид'ита П-К, ид'итага СГ-СК (// иктага СК) "боярин (на свадьбе)", пешкеш ВН, пешкеш СВ, пешт'еш П-СК "подарок", тильки, тульки ВН, СВ, СМ-У, тильт'и П, Г-СК "лиса", леген ВН, леген СВ, лейен П, лед'ен СМ-СК "корыто (железное)"; 3) базырл'ан СГ, СК, базыриан ЖМПр.: 10, баздыриан У "купец", бед'ен-СМ-К, СК, бе-йен-П, СГ "полюбить", ед'ерек СМ-СЛ, ейерек ЛЗ, СГ, СК "выгон", тит'енек В / тийенек П "колючка"; 4) йары джедже вахтына ВН "среди ночи", джид'ер // джиджер П-К "печень; легкие", ишт'ир // ишчир Г-К "работающий", гельд'е СГ (// гедет'е К) / гельдже СЛ "тень", чид'ене У, СГ // чинджене У "цыган"; 5) дегерли СК "дорогой", кичке ВН "маленький", еркеч, еркач "горб (верблюда)".

В ауслауте описываемый переход наблюдается только у конечного корневого к в словах тік / тіт' "отвесный, вертикальный", тік- / тіт'- "шить", сік- / сіт'- "соiаге" и их производных. Первая из форм типична для ВН, СБ, СМ -У и как параллельная также для П, Ж, СК, а вторая - для П, Г -СК и как параллельная встречается в СМ -У.

Переход к, г в т', д' в продуктивных аффиксах отмечается в ауслауте первого и других слогов. К числу аффиксов с данным переходом принадлежат именные словообразовательные отыменные аффиксы -кі, -гі, -такі, -тагі, -декі, -дегі, -Оңкі, -Оңдекі, -Оңдегі и отглагольные -кі, -гі, -ке, -кін, -гін; кыпчакский аффикс дательного падежа -ке, -ге и его производные - аффикс достигательного падежа -керек, -герек и аффикс инфинитива -меге; аффиксы глагольного словообразования -келе-, -геле- и формообразования -кен, -ген, -кеч, -гөч, -кей, -гей.

Аффиксальный т' из к стабильно закрепился в связке повествовательной (неочевидной) модальности ет'ен (из екен) ВН -СГ (1), которой в Ж, СК соответствует связка еміш, іміш, -мыш, -міш, -муш, -мүш, а также в деепричастной терминативно-условной связке ет'еч (из екеч), засвидетельствованной в старобашевском говоре (2). Например: 1) Бір заманда бар (/ вар) ет'ен, бір заманда йох ет'ен, бір заманда бар (/ вар) ет'ен бір пацшах ВН -У / Г -СГ "Было ли, не было ли, жил когда-то один царь"; 2) Йахшылыx болур ет'еч, Йамаллыx (/ Йаманлыx СБЧ) та ны т'ерек? СБ "Если уж есть добро, то зачем еще и зло?".

По корреляции к, г / т', д' в именных словообразовательных аффиксах -кі, -такі, -Оңкі, -Оңдекі урумские говоры распределяются таким образом: СБ (по данным С.И.Маркова, в конце XIX в. также и Ж) / ВН, П - СК. Примеры на сохранение исходного согласного: Сен бора-зың даан алтмыш йыллыx, мемкі - дохсан бір йыл "Твоему горлу около шестидесяти лет, а моему - девяносто один год"; зүфтегі күн "первый день" СБ; Сонкі пешман баша душман ЖМПр.: 37 "Позднее раскаяние - враг голове (начинаниям)"; примеры перехода: бізімтілер "наши", шіндет'і вахт "настоящее время" ВН; түбүндет'і көлегі "его нижняя сорочка" П; евельті "прежний, первый, предыдущий", бізімтілер "наши" СМ; харшыңад'і "встречный" Б; ельті "прежде" У; ахшамті "вечерний" Г; сонт'і, сонунт'і СЛ, сонт'і, сорадат'і К "последний, конечный, следующий"; сүфтет'і, сүфтенді "первый, начальный" К; мемт'і "мой", сент'і "твой", бөгүнт'і "нынешний", дүнт'і "вчерашний", башыңдат'і "находящийся у него на голове" СГ; чоxtант'і "давний", шінінт'ілер "нынешние (люди)" Ж; евельті "прежний", ардыңдат'і "задний" СК.

В аффиксах именного отглагольного образования -кі, -гі, -ке,

-кін, -гін и лексемах различного происхождения, содержащих такие звуко-сочетания в тождественной позиции, начальные к, г сохранились по преимуществу в СВ, ВН и отчасти в Ж, а в слове еңкі ВН-СК (// іңкі СВ) "коза" - во всех говорах. Например: зєңгі / зєңд'і "стреля", т'єскі / т'єст'і "зубило", такі / тат'і "кляв", єзгі / єзд'і "мелодия", зєңгін / зєңд'ін (// зєнійін П) "богатый" ВН, СВ / П-СК; кєскін Ж, т'єскін ВН, СВ, Ж, т'єст'ін П-Г, СК "острый; злой; горький", суйгілі ВН, суйгілі СВ, сєвд'ілі СМ-СК "любимый", тізгін ВН, СВ, тізгєн СВ, тізд'ін П-К, дізд'ін СГ-СК "вожжи", т'ірпін ВН, СВ, т'ірпд'ін П-К, д'ірпд'ін СГ-СК "пронирливый", чіркін ВН, СВ, Ж (// СГ), чірт'ін П-СК (// Ж), чірчін СМО, СЛ-К, т'ірчін СМО "уродливый, скверный".

Дательный падеж с показателем -ха, -ра, -ка, -га, -кє, -гє, -кє, -гє и его рефлексам -т'є, -д'є, -йє свойствен кыпчакско-половецким говорам ВН, СВ, П и кыпчакско-огузским говорам СМ, Б, У; в огузско-кыпчакских и огузских говорах ему соответствует формант -(й)а, -(й)е (противопоставление касается преимущественно непряжательной парадигмы склонения). Понятно, что и производный показатель достигательного падежа -кєрек, -гєрек, -кєрек, -гєрек, как и его рефлекс -т'єрек, -д'єрек, -йєрек, -чєрек, а также аффикс инфинитива -мага, -меге, -меге и его рефлекс -мед'є, -мейє тоже употребляются в кыпчакско-половецких и кыпчакско-огузских говорах. Распределение вариантов таково: -кє, -гє СВ (1); -кє, -гє (// -кє, -гє) ВН (2); -йє // -т'є, -д'є П (3); -т'є, -д'є СМ, Б, У (4). В аффиксе инфинитива интервокальный г в самих тюркских языках способен переходить в й, благодаря чему не только в П, но и в остальных говорах спорадически после основ на гласный встречаем аффикс с начальным й, способным выпадать как между гласными заднего (г > й > ъ), так и переднего ряда (5). Вариант -чєрек аффикса -кєрек с начальной аффрикатой ч (6) мы склонны объяснять контаминацией закономерного -т'єрек, -д'єрек с терминативно-сравнительными аффиксами -чах, -чєк, -ча, -чє, -джа, -дже, обладающими сходной семантикой (7). Например: 1) кумєкє хойдлар "посадили в курятник"; тахым йєргє толду арпа "все места были заполнены ячменем"; Бу хышкєрек аны ташламады "Он не бросал ее до самой этой зимы"; йахынгєрек барый-ды тұлкулер "лисы подходили совсем близко"; ічмеге ічмє "пить я не пью" СГ; 2) хайтты үйге // үйге "он возвратился домой"; сабагагєрек туруй печчине "до самого утра оно стоит в печи"; т'єтті даскаліцалых етмеге "она пошла учиться"; йүрмеге "ходить" ВН; 3) бір кейіе т'іріілер "захватят они в одно село"; т'єлініе айтмай "невестке она не говорит"; чырай устіе "выходит на поверхность"; ғаріііе "бедняку"; т'ійєвіе "зя-

тию"; кічігі барый сад'ікт'е - бараджах первыйд'е "младший из них ходит в садик - пойдет в первый (класс)"; бытыргайерек "до самого прошлого года"; Сабадан йалан айтса, ахшамйерек йалан айтый "Если кто-нибудь скажет ложь с утра, то будет врать до самого вечера"; утаный т'ірмейе "стесняется войти" П; 4) көкт'е учай "летает в небе"; бізд'е "у нас; нам" СМ-У; хызы эстүрүс он алты - он йеді йашнад'ерек "растишь дочь до шестнадцати-семнадцати лет" СМ; Не вахт'ерек (// вахкарек) абеле талашаджагымыз? "До каких пор мы будем так мучиться?" Б; шінд'ерек да айтый "и донныне (так) говорит", бәр-д'ерек "до самой весны" У; уйд'е т'ельд'енг'ерек сувга да учхан бір т'ере дугул "пока дошел домой, то не раз упал и в воду" НМ; Енді көрдүм - енді өльмед'е де йанмам "Уже я (тебя) увидела - уже и умираю мне не жаль" У; 5) Сабагайерек джойылдык СБЧ "К утру мы исчезли"; Хыдырдым-хыдырдым - табалмадым бүгүнгөйере(к) СБ "Искал - и донныне не нашел"; Т'ельдім сені алмайа ВН "Я пришел тебя забрать"; Алтын да йох тахмайа П "Нет у него золота нарядить (ее)"; Маа йырламаа лаф йох У "Мне петь - нечего и говорить"; Бен харгама-йа бильдем ВН-У "Я не умею ругаться"; Отурмаа йерім йох Б "Жить мне негде"; Арлемейе адам йох-тур "Оплакать некому" Б,У; Хышта барып т'ельмее куч У "Зимой туда ездить трудно"; 6) Аллы чыкканчерек джанын чыхсын СМ "Чем потерять доброе имя, лучше потерять душу"; Сені көтеклемед'е т'ерек ешек т'ельд'енчере(к) сувдан Р "Бить тебя надо до тех пор, пока осел не вернется с водопоя"; 7) Хачанрачек сен мана диктовать етеджексі? ВН "До каких пор ты будешь мне диктовать?"; Бахай пішкенчек Р "ждет пока сварится"; Бітмед'енчек тынчламай Б "Не успокоится, пока не окончит"; Йухлай тойганчек СМ "Спит, пока не выпится"; Йізі біле хыдырып т'елійлер мына бу Покров түбүндөже НБ "По его следу они дошли сюда, до самого Покрово-Киреево". Демонстрируемая примерами способность форманта -керек и его производных сочетаться с формами непротивительного-дательного и посессивно-дательного падежей (по аналогии со сравнительно-терминативными аффиксами -чек, -рек) указывает на его формообразовательно-словоизменительную переходность, на неокончателность превращения в аффикс достигательного падежа.

Учащательно-интенсивная форма на -гала-, -хала-, -кала-, -гала- имеет переднерядные показатели -гәле-, -кәле- СБ, -геле-, -келе- ВН, -д'еле-, -т'еле-, -йеле- П, -д'еле-, -т'еле- СМ-СК, напр.: т'ескәле-, т'ескәле-, т'ест'еле-, т'есйеле- "порезать, изрезать", сүргәле-, сүргәле-, сүрд'еле-, сүрийеле- "таскать, волочить" и под.

Глагольно-именная форма на -ган-, -хан-, -кан-, -ган-, -кан-, -кен-, -гән-, -ген-, в полной мере свойственная всем урумским говорам, за ис-

ключением Ж и СК, в СМ, Б, У имеет палатальные показатели -т'ен, -д'ен, а в П - -йен, -т'ен, -д'ен, первый из которых здесь явно преобладает. Распространенная в кыпчакско-половецких (за исключением П, где она утрачена) и кыпчакско-огузских говорах форма желательного наклонения на -ра(й), -гэ(й), -ге(й) и т.д. в СМ - У имеет палатальные варианты -д'е(й), -т'е(й), -д'і(й), -т'і(й) (примеры одной и другой форм см. при их описании в третьей главе).

В результате перехода к, г перед і, е и другими переднерядными гласными в т', д' в урумском языке образовались самостоятельные фонемы, составляющие четкую артикуляционно-семантическую оппозицию собственно тюркским твердым согласным т, д, не подвергающимся смягчению. Для примера приведем лексические пары, оппоненты которых различаются именно по палатальному признаку: тар "узкий" - т'ар "польза", тері "шкура, кожа; его пот" - т'ері "назад", тірі "живой" - т'ірі "его грязь", тер "почетное место" - т'ер "слепой" и т.п. В связи с этим при передаче урумской речи на письме следует обязательно разграничивать твердые и палатальные фонемы т / т' и д / д'. Здесь мы достигаем этого при помощи транскрипционного знака, а в публикациях, рассчитанных на другие читательские круги, прибегаем к слоговому способу и используем буквосочетания с буквами для гласных э / е, и / і, е (ö) / ё, у (ү) / ю.

Рефлексом перехода к, г в т', д' - как наиболее явного воплощения общей тенденции к ослаблению типологического тюркского противопоставления фонем по ряду - в области вокализма стало изменение качества гласных переднего ряда і, е в позиции после несмягчаемых согласных на фоне и в связи с вызванным новогреческой аналогией отодвижением і в направлении и в некоторых позиционных условиях. Е.Ф. Журавлевой установлено, что гласный переднего ряда і находится в сильной позиции 1) в начале слова перед любым согласным; 2) после палатальных согласных ћ, ћ; 3) после губных п, б, ф, в, м и заднеязычных к, г, х, р, которые перед і становятся полумягкими, и что ударная (не говоря уже о безударной) фонема і подвергается влиянию некоторых предшествующих согласных, в результате чего изменяется в своем качестве, выступая в варианте и после 1) переднеязычных зубных т, д, ћ, д; 2) переднеязычных свистящих с, з, ц, дз; 3) после сонорных н, д, р; 4) после передненебного шипящего ш; причем, в новокаракубском говоре не отмечается такого фонетического положения, в котором бы звуки і и и встретились в одинаковой позиции и противопоставлялись фонематически [Журавлева 1981: 68 - 69]. Напротив, тюркские звуки і / и, как и е / а, е / о, ү / у, в одинаковом консонантном окружении встречаются регулярно, противопоставлены фонематически

и в пределах возможного обуславливают не только вокализм последующих слогов, но и вариативную изменяемость качества соседних согласных. Изменение артикуляции гласного по рядности под влиянием предшествующего согласного, как показывают сравнительно-исторические исследования по фонетике тюркских языков, характеризуют главным образом арабо-персидские лексические заимствования, в которых одни согласные были восприняты "как смягченные, а другие как несмягченные": как смягченные в турецком языке, в частности, интерпретировались арабские и персидские к (кяф), д (дям), а также персидский г, после которых гласные заднего ряда подвергались палатализации [Севортян 1955: 60, 63 - 64, 70 - 72].

С появлением фонематически противопоставленных пар согласных т/т', д/д' гласные і, е после палатальных т', д' - независимо от их ударности или безударности - и впредь произносятся как типичные репрезентанты переднего ряда. После твердых т, д, не смягчаемого в любых условиях н, окказионально - при количественной редукции - после губных п, б, ф, в, м и дрожащего р, а в СБ (отчасти в ВН и иногда в других говорах) после к, г гласные і, е дали несколько отодвинутые, более низкие и открытые варианты. По местоположению артикуляции и в плане аудиального восприятия данные варианты і, е напоминают украинские ударные звуки и, е и могут быть определены как 1) несколько отодвинутый гласный переднего ряда пониженно-высокого подъема и 2) полукрытый отодвинутый гласный переднего ряда пониженно-среднего подъема соответственно. Примеры: 1) етті "он сделал", мінді "он поднялся, влез", епсі "все (из них)", терзі "портной", кіші "человек", шіні "сейчас", йері "его место", но фар'іп "бедный"; білійсін// білійсін "знаешь", бізім// бізі'ім "наш", семіз// сем'із "жирный", т'ескін// т'еск'ін "острый"; 2) етерім "сделаю", деді "он сказал", сене́к "вилы", ме́зе "закуска", ешек "осел", йіне "иголка", өер "плетет", шет'ер "сахар", отур йерме "сядь на мое место", м'әм "мой", өркеч// өрк'еч "горб", өгей// өг'ей// өг'ий "неродной" и т.п.

Такое комбинаторно-позиционное преобразование гласных і, е нашло определенное естественное обоснование и в фонетической системе самих тюркских говоров, легших в основу урумского языка. Имеется в виду подобное качественное развитие краткого варианта гласного і, отмечаемое в крымскотатарских диалектах, а также в ногайских диалектах и узбекском языке: в открытом конечном слоге под ударением, в предударном слоге перед сонорными и спирантами, в послеударном закрытом слоге, а также в абсолютном начале слова перед спирантами: узб. кедди "он пришел", кетти "он ушел", келади "он приходит", би-

ров (произносится бров) "кто-то; определенный", кеч^и ради "он переправляет"; ног. келди "он пришел", кетти "он ушел", ансеси "его за-тылок", иши "его работа", б^ирев (произносится брев) "некто; определенный", б^ир (произносится бр) "один", иште (произносится ште) "вот", ишлей (произносится шлей) "работает", истейим (произносится стейим) "хочу"; кр.-тат. кир "грязь", сирке "уксус", сте- "хотеть", кечрий "переправляет" /Севортян 1955: 22 - 23; 1966: 235 - 236/.

Вторым конвергентным изменением в области вокализма, получившим, однако, незначительное распространение, является переход о в у в анлауте и в первом слоге вообще. Имеется около полутора десятка слов, в которых о в данной позиции приближается к у, переходит в у или выступает параллельно с у. Тенденция к переходу о в у усиливается с повышением темпа речи и уменьшением тщательности произношения: о / у "он, она, оно", оба / уба "холм", ой- / уй- "долбить", олан / улан "парень", осал / усал "ленивый", ошах / ушах "парень", бегун, беун / бугун, буун "сегодня", дегуль, деуль, дель / дугуль, дугул, дугуль, дўль, в одном случае даже д'уль Б "не" (в случаях бугун, дугуль переходу способствует регрессивная ассимиляция и влияние губного б); йогары / йугары, йухары "вверх, вверху", лохма / лухма "кусок (хлеба)", лохса / лухса, улухса "роженица", совух / сувух "холодно", софра / суфра "стол (на коротких ножках)", тохум / тухум "семена; род", хороз / хуроз "петух", чохур / чухур "яма" и т.п. В случаях сувух, тухум, чухур, естественно, тоже проявляется действие регрессивной ассимиляции и влияние губных согласных. Четкого распределения говоров по этому признаку нет, хотя в принципе можно отмечать общее преобладание в ВН - К гласного у в данной позиции, а в СГ - СК гласного о, тем не менее слово софра именно в СГ - СК чаще произносится как суфра, а слово сувух - как совух. Заметим кстати, что в туркизмах румейских говоров переход о в у в указанном положении последовательнее, если не сказать регулярен. Ср. румейские варианты великоновоселковского (ВНр.Ч) и стильского (Ст.К) говоров с приведенными в скобках урумскими эквивалентами: уджах (оджах) "дымоход", уртах (ортах) "товарищ", буяа (бойа) "краска", буйдахис, буйдахс (бойдах) "холостяк", гуган (геген) "терн", суба (соба) "печь", сурбаджи (шорбаджи) "хозяин", сухах (сохах) "улица", хумшу (хомшу, хоншу) "сосед", хуранда (хоранда) "семья", хучхар (хочхар) "баран, козел", чубанус (чобан) "чабан", чумуч (чемуч) "половник" и др.

Грамматические преобразования

В грамматике новогреческое влияние наиболее явно коснулось субстантивного (именного) падежного склонения. Хорошо известно, что еще

в доисторический период перестали различаться дательный и местный падежи греческого языка: памятниками письменности (то есть после V в. до н.э.) фиксируется новообразованный путем слияния дательного-местного падеж, который отчасти воспринял и функции орудийного падежа и поэтому имел "столь неопределенное, диффузное значение"; с эллинистическо-римской эпохи этот слитный дательный-местный падеж стал постепенно все чаще заменяться предложными конструкциями с винительным, реже с родительным падежом, что в византийскую эпоху привело к отмиранию форм дательного падежа, переходу к трехпадежной системе (именительный, родительный, винительный) [Широков 1983: 135-136]. Директивное (направление) и локативное (местонахождение) значения в румейских говорах, ставших субстратом урумского языка, не различались, очевидно, не только в рамках таким образом видоизмененной системы субстантивного склонения, но и в семантике вопросительных и указательных отстоименных наречий. Т.Н.Чернышева фиксирует в данном отношении факт влияния греческого языка румеев на грамматический строй их русской речи: "Повсеместно можно слышать фразы типа: Где ты идешь? в смысле Куда ты идешь? (в местных говорах, так же как и в димотике, пу - поу - "где, куда?")" [1958: 20]. Румейским наречиям пу "где, куда", або "здесь, сюда", аби "там, туда" последовательно соответствуют урумские хайда ВН-У, хайа СВ, анда Г-СК "где, куда" (1), мында ВН-СГ, бунда, бында Ж, СК "здесь, сюда" (2), анда ВН-У, онда Г-СК "там, туда" (3), параллельно с которыми в огузско-кыпчакских говорах Г-СГ и огузских Ж, СК употребляются наречные формы нерейе "куда", нереде "где, куда" (4), бурайа "сюда", бурада, абрада "здесь, сюда" (5), орайа "туда", орада "там, туда" (6). Например: 1) хайда хойдун, анда турйй "где ты положил, там оно и находится" ВН; хайда истей, анда т'итйй (// т'етйй) "куда хочет, туда идет", хайа хойдум мен аны, унуттум "куда я его положил, я забыл", хайа бу хазан, бильмем "где этот котел, не знаю" СВ; анда халды бу? "где он деваляся?" К; Анда т'итейсін? "Куда идешь?" СГ; 2) Әде де вар мында, куйе "И такие здесь есть, в селе" Г; Т'емда "Иди сюда", Т'еме мында "Не подходи сюда" ВН-К; Бунда өде шйй халмады "Здесь такого не осталось" СК; Йа сизи бунда т'ім йоллады? "А кто направил Вас сюда?" Ж; Чохтан д'ельдін ми сен бында? "Давно ли ты сюда приехал?" Ж; 3) барыныз анда "пойдите туда" ВН; Анда менім сойум бар-е "Там у меня были родственники" НВ; Анда мы т'етйен йох му, мен аны бильмем "Туда ли он поехал или нет, я того не знаю" П; О да онда Старобешеве отруй "Она тоже живет там, в Старобешеве" К; Онда мы т'итейсін? "Ты едешь туда?" Кам.; Әк көпчек нерейе т'итмиш, арды да онда т'итмиш "Куда покатилося переднее колесо, туда пошло и

заднее" ЖМПр.: 36; 4) Нереден нерейе т'ітійсі, ордум? "Откуда и куда идешь, сынок?" БК; Нераа т'ітійсін? "Куда идешь?", Нерее бу? - Карсунен Саа "Где это мы? - В Карсе" Г; Нерде отруй бу пукана? "Где живет эта бабушка?" ЧЗ; Нерде учхан халган бу сенек? "Куда делись эти вилы?" Дн.; 5) Бурайа сбухма "Сюда не влезай" СГ; Не сен де бахайсн бырада? "А ты что здесь высматриваешь?" СК; Нас туштум бурада, еле де халдым "Как попала я сюда, так и осталась" Ж; Абрада т'ельді "Он пришел сюда", абрада отуруп "сидя здесь", Д'ель абрада, балам "Подойди сюда, детка", Бурада (абрада) еле шій йох "Здесь такого нет" Ж; 6) Ораа маа д'ерекмій "Туда мне не надо" МГ; Т'ім орада вар сөн? "Кто у тебя там есть?" Нов.І; Бурада сасытп атхан, орада чүрүтүп атхан "Тут испортил и выбросил, там сгноил" Я; Орада варма "Туда не ходи" Андр.

В области тюркского наречия смешение значений местопребывания и направления движения в семантике адвербиализованных форм местного падежа не обязательно, конечно, объяснить лишь новогреческим влиянием. Такое направление семантического развития естественно само по себе, и потому засвидетельствовано, например, для вопросительного слова кайда "где, куда" древнетюркскими памятниками, возникшими далеко от территории формирования урумских говоров: кайда туштун "куда ты попал", кайда барур "куда уходит", мен кайда-мен? "где я?" ДГС: 406 - 407. Однако объединение направительного и местного значений в семантике приведенных выше урумских наречных образований не является самопроизвольным фактом, а тесно связано с общим падением местного падежа в пользу дательного под семантико-функциональным влиянием новогреческого языка.

Сопоставление материала разных урумских говоров показало, что в описываемой сфере их грамматического строя влияние румейского языка оказалось неравномерным. Кроме того, здесь, распределение говоров по степени усиления / ослабления новогреческого влияния отличается неравномерностью несколько иного рода, чем это имеет место на фонетическом уровне. Если на уровне фонетики мы отмечаем усиление новогреческого влияния в последовательности (1), то в данной грамматической области - в порядке (2), а именно:

1) СВ; ВН; Ж,СК,СГ; Г,СЛ,К; П; У,Б,СМ;

2) СК,СГ,Ж; СВ; Г,СЛ,К,П; ВН,У,Б,СМ. °

Как явствует из перечней, различие касается прежде всего говоров СВ и ВН, которые, будучи фонетически более независимыми, претерпели более сильное семантико-функциональное влияние со стороны новогреческого языка в области субстантивного склонения, чем говоры СК, СГ, Ж и Г, СЛ, П соответственно. То же касается и говора Ж сравни-

тельно с говорами СК и СГ. Говор П, выделяемый на фонетическом уровне в отдельную группу благодаря специфике развития к, г в й// т', д', в данной области грамматики ни семантически, ни функционально от говоров Г, СЛ, К не отличается, хотя, разумеется, в фонетическом оформлении аффикса дательного падежа закономерные отличия налицо.

Описание изменений, вызванных новогреческим влиянием в рассматриваемой сфере урумской грамматики целесообразно построить в той последовательности, в которой они возрастают: с переходом от первой из указанных групп к последующим, — поскольку отмечаемые в них синхронические состояния могут быть интерпретированы и в качестве исторически следующих одна за другой эволюционных ступеней подчинения тюркской падежной системы соотносимым с ней синтетико-адвербиальной и аналитико-субстантивной системам выражения соответствующих значений и функций в новогреческом языке.

В говорах СК, СГ, Ж новогреческое влияние в области склонения минимально. Непрительная форма местного падежа образуется регулярно и обозначает местопребывание (1), момент действия (2), ограниченный период протекания действия (3), иногда может иметь транзитивно-локативное значение (4), а также выступает со вторичным значением состояния и образа действия (5), производными значениями объекта действия (6) и принадлежности (7). Притяжательная форма местного падежа, заметно потерявшая продуктивность, уступив место притяжательной форме дательного падежа, все же способна выступать с основными исконными значениями местонахождения (8) и периода протекания действия (9), а кроме того — со значением меры проявления признака (10). Субстантивные словоформы, склонные к адвербиализации, способны, как и отместоименные наречия, выражать направление действия (11), а отместоименные наречия, содержащие аффикс местного падежа, семантически (в плане местонахождения/направления) нейтрализуясь, склонны отпадать от местного падежа и образовывать вторичные словоизменительные формы притяжательной субстантивной падежной парадигмы (12). Примеры: 1) Біз шінні шеерде отруйух "Сейчас мы живем в городе" Ж; Саба халхты, бахты — хоншуда дугун "Утром он встал, смотрит — у соседей свадьба", Ішліі ашханада "Работает в столовой" СК; Дунйада не-дир епсінден семіз? "Что на свете самое жирное?" СГ; 2) Абу сыджахта тері халпах д'ийі-ді о адам "Вот в такую жару тот человек носил меховую шапку" СК; О т'еретте бір хыз софра хойаджах "Тем временем (в это время) одна из дочерей собирается накрывать на стол" СГ; при определении возраста: Хач чагда-йсын, ала? "Сколько тебе лет, тетя?" СГС; өбүрү д'ірім дерт сенедө дорду "второй из них родился в двадцать четвертом году" Ж; 3) Алты бучух йылда топланмыш

сет'із мільйон алх "За шесть с половиной лет собралось восемь миллионов народа" СК; 4) Йолда т'іткенде Арзы еп хозгай девейі "Дорогой Арзу все время подгоняет верблюда" СГ; 5) Бу селеній үч гайдеде "Это (эта песня) поется на три голоса" СК; Не хасеветте-сін йа сен? "Что же тебя опечалило, а?"; Бірлікте осаныз, хыйн іш та йеніль гөрнур "Если вы вместе, то и тяжелое дело кажется легким" СГ; 6) Чалайым кларнетте "Сыграю-ка я на кларнете" СК; Евленій падшаан кічік хызда (при регулярном хызна) "Женится он на младшей дочери царя" Григ.; 7) Менде вар өле шій т'есмее "У меня есть такая штука, которой режут" Ж; 8) Бізім тыйнарымызда чоҳ балых "В нашем пруду много рыбы" СГС; Йасламызда үч ат барлы "У наших яслей привязаны три коня" МГ; Собанын сүтүнде йатый-дых "Ложились мы на печи" Ж; 9) Аших-Ғаріп йухусунда түш гөрүй "Видит во сне Аших-Ғаріб сон" СК; 10) Өле гүзель тары - адам бойунда "Такое хорошее просо - в рост человека" СГ; 11) Мен вардым онда. А холжам бійанда "Я поехала туда. А муж мой сюда" Ж; Д'елій зенд'ін евде "Приходит богач домой" СГ; Не йерде йолламышлар ону? "Куда (в какое место) его послали?" СК; ср. опущение направительного предлога до в украинской фразе из урумского пособия по русскому и украинскому языкам: т'іді р'іс-уіці к'яті м'яса ЦНБ У, 3690: 4 об., 1 піді різниці купи м'яса "пойди в мясницкую, купи мяса"; 12) Мен бундасне чыхайым "Я выхожу сюда (на веранду)" Ж; Йүрегі де ондачіне "И сердце его там внутри (в шкатулке)" СГ.

Одновременно с этим расширяется семантика дательного падежа. Прежде всего притяжательная (1; 3), а иногда и непритяжательная (2; 4) форма дательного падежа в говорах СК, СГ, Ж обозначает местонахождение (1 - 2) и момент действия (3 - 4). Наличие этих значений также у армяно-кыпчакского дательного падежа притяжательной парадигмы (5) свидетельствует, вероятно, в пользу того, что данная новогреческая черта распространилась и за пределы урумского этнического ответвления крымскотатарского языка, то есть за пределы наиболее действенных контактов между новогреческим и тюркским языковыми массивами Крыма. Примеры: 1) Отуруй абеле бір одаан ічіне, ет'і ельне бір алма, бір де саз "Сидит в такой вот комнате, и в руках у него яблоко и саз"; Сту, башы - парланых, чарых айагына "Одежда у него рваная, на ногах сиромятные лапти (чарухи)" СГ; Бір мататиклет дуруй калиткаан йанна "У калитки стоит какой-то мотоцикл"; Өле празник-ері ахылма "Такие (церковные) праздники я помню"; Балабан еркек, сие старвоз "Большой коровай, сверху на нем крест" Ж; 2) Дара-дара-дара вар Агофун йолу "Где-то далеко среди лесов есть путь на Агоф (на Голгофу?)" СК; Көйе, шеере тахым нас тіт'іі? "В селе, в городе все

как шьют?" Ж; 3) өгнө "раньше" СГ - СК; 0 беле гүзель сөлей-дi хнз-лырна "Девушкой она так хорошо пела" СК; Сен хач йашна? "Сколько тебе лет?" СГ - СК; 4) Бу базара бабам стий шеере вармаа кемур алмаа "В это воскресенье мой отец хочет поехать в город купить уголь" СГС; Мен д'ельдiм она улейе "Я пришел к нему в полдень" СК; 5) Башлацлар таш ешкiнi сурп аствадзадiн йыхеву йанына болган муроват етмә "Начали сооружать каменные ворота, что при церкви пресвятой богородицы"; екiнчi кельгөнiнө кендiнiн джаны тенi билә бирлөтiп "и в час своего второго пришествия, соединив его душу с телом"; Тваканнн 1064 себлемпер айына Олах велiйәтына бойарлар повстат еттилар кендi бийларi уснә Томшанн "В 1615 году, в сентябре месяце, в Молдавии бояре восстали против своего господара Томши" Венец.1700: 90, 9-10; 92, 7-8; 94, 15-17.

В СВ склонные к адвербиализации формы местного непритязательного падежа тоже могут обозначать направление (1); местонахождение же здесь уже регулярно передается дательным падежом - притязательным (2) и непритязательным (3), а момент действия - местным местным непритязательным (4) или дательным притязательным (5) либо непритязательным (6); местонахождение изредка передается еще и непритязательным местным (7), иногда обозначающим также период протекания действия (8). Например: 1) Сен шiндi бар у йанда, у уйде "Ты сейчас иди туда, в тот дом"; Йахында бардым "подшел я близко"; Хыз барi й бу йерде "Девушка идет в это место"; Урi тарилканы йерде "Разбивает тарелку оземь"; 2) Йан да хал бу чельчiне "Чтоб ты сгорел в этой степи!"; Арзу да сандухнун тебесне отруй, хамчiсi холуна "А Арзу сидит на сундуке, и в руке у нее нагайка"; 3) Бiзiм кейгә бар едi сойл'арн "У нас в селе были его родственники"; Т'емене асулу туруй тартыхка "Скрипка висит на потолочной балке"; 4) Бейерде сачтлар бу йергә арпа "Весной посеяли они на этом месте ячмень"; У арада башлай йырламага "В это время он начинает петь"; 5) Стефан алган кунуне т'елiнгә йыламага т'ерек-тiр "В день венчания невесте следует плакать"; 6) Бейергә йене сачаджах "Весной опять посеет"; 7) Көккә йавун, йерде буз СВЧ "На небе дождь, на земле лед"; 8) Мен йарым саатта йуруйм "Я проеду за полчаса".

В говорах Г, СЛ, К и П частота употребления форм местного падежа резко уменьшается: непритязательная (1; 3) и притязательная (2; 4) его формы встречаются со значениями местонахождения (непритязательная редко) (1 - 2) и момента действия (3 - 4); все реже наблюдаем формы местного падежа, собственно - его непритязательные формы, во вторичных значениях - в частности периода протекания действия (5) и принадлежности (6). Отдельные, наиболее часто используемые в речи,

непритязательные словоформы со значением местонахождения (7), момента (8) или периода (9) действия проявляют склонность к адвербиализации - при них, как правило, отсутствуют конкретизирующие определения, а в образованиях типа (9) ударение переносится с аффикса на основу. Наречные образования (лексикализировавшиеся формы падежей) активно принимают аффиксы вторичной падежной аффиксации (10). Например: 1) колхозда бірз ішлейен заман сон "поработав некоторое время в колхозе" П; 2) Дерменчінде йохтур ат "В мельнице коня нет" Г; 3) Ет'ісі да бір саатта догганнар "Оба они родились в тот самый час" Г; Кічіклікте лек тішлерім ағырды "В детстве у меня очень болели зубы" Я; 4) Он дохуз йуз йірім дердунджи сенесінде үйлендім "В тысяча девятьсот двадцать четвертом году я женился" П; 5) Більмій, не хадар вахытта т'ельді бу бырада "Он не знает, за сколько времени прибыл сюда" Г; 6) Менде Нергуз хардашым вар "Есть у меня сестра Нергиз" Г; 7) Бу саатта үйде бар азбарым, үйүм "Сейчас у меня дома есть усадьба, есть дом" П; Не гадар да хаджа т'етірсе бір йерде (// бійерде) асрап, йіненен хары джойай "Сколько бы муж где-нибудь ни заработал и ни принес, жена иголкой растеряет (истратит)" Кам.; Онун кругомда танышлары "У нее везде знакомые" К; 8) Хышта йуреен айагын хыр "Тому, кто ходит (принимается хозяйствовать) зимой, переломай ноги" Кам.; 9) Т'елінім күнде бір урчух йіплік ішлій, хызым да афтада, афтада "Невестка у меня за (произносится протяжно) день веретено ниток прядет, а дочь - каждую неделю, каждую неделю (произносится быстро)" Г - К; 10) Мындаче да боса "А если случится здесь" П; Башладылар ондачине адамнара вермее шарап "Начали они там (в подвальчике) давать людям вина" Г; Өрттү хапай, отруй ондаче "Закрыв дверь и сидит там внутри" СЛ; Шариджіклер ондаче "Там внутри шарики" Зал.; Чыхты ондачиден бір кельмек "Вылетела оттуда сорочка" Г.

Притязательные (1; 3) и непритязательные (2; 4) формы дательного падежа в говорах Г, СЛ, К, П со значением местонахождения (1 - 2) и момента действия (3 - 4) используются уже одинаково активно, все более вытесняя из этого семантико-функционального поля местный падеж. Появляются уже и такие притязательные словоформы дательного падежа с данной семантикой, которые можно считать адвербиальными (5). Получают распространение словоформы дательного падежа со значениями притязательности (6), объекта (7) и образа (8) действия. Параллельно с дательным значения местонахождения (9) и момента действия (10) продолжает широко передавать неопределенный падеж, которому эти употребления были свойственны с древнейших времен. Например: 1) Бостанмыза есер сары хавуннар "На бахче у нас растут желтые дыни" СЛ; 2) Хардашымнен тек еве халдых "Дома остались только мы с братом" Г; Шоёре

иашай "живет в городе" Кам.; Мен ішлейім востиницара "Я работаю в гостинице" П; 3) Айын йірімсіне йыгыладжах алх "Двадцатого числа (такого-то) месяца соберется народ" СЛ; Хырхына хырхы олуй "На сороковой (день) отмечают сорочины (сороковины)" К; 4) Ахшамадже бір шій олмади. Ахшам т'ельді хоранда "До самого вечера ничего не было. Вечером пришла семья" Г; Бу вахта тапмам "Сейчас не вспомню" ЧЗ; 5) өгне "вперед; раньше", ардна "позади" Г - К, алдына "раньше" П; Он сегіз йашна евлендім "Я вышла замуж в восемнадцать лет" СЛ; 6) Менім пайыма бір анам, бір де хардашым "У меня только мать и сестра" Г; Бу олана абер йох // Бу олан біші де аберіне йох "Парень этот ни о чем не догадывается" СЛ; Урум адама вар еді бір чал ат "У одного урума был чалый конь" Зап.; 7) Әксүз хозуйу бахсан, арызын-бурунун йара йувай, әксүз балайн бахсан, бурунун-арзын хана йувай "Если выкармливаешь безродного ягненка, купаешься в жире, если воспитываешь безродного ребенка, умываешься кровью" Дн.; Байан-сне чалэй "Он играет на баяне" Зап.; 8) Халдх езу башмыза "Мы остались сами" СЛ; Бу мөмджама еле "По-моему, это так" Зап.; 9) Кама-ра мен еле харт бильмейім "В Комаре я таких стариков не знаю" К; Чыгтым мен квартираға. Квартира отурдум коп заман "Пошел я на квартиру. На квартире прожил долгое время" П; 10) Улубарйам сабасы т'ельлер "Они приехали утром на пасху" П.

В говорах ВН, У, В, СМ местный падеж употребляется для обозначения местонахождения (1), направления (2), момента или периода протекания (3) и образа (4) действия преимущественно в виде наречных форм. Дательный непритяжательный (5; 7; 9; 11; 13) и притяжательный (6; 8; 10; 12; 14) регулярно передают, кроме своих исконных и производных от них значений, семантику вытесненного дативом местного падежа: местонахождение (5; 6), момент (7; 8), период (9; 10), состояние и образ действия (11; 12), его объект (13; 14) и пр. Адвербиализованные локативные словоформы, как и в остальных говорах, подлежат склонению (15). Например: 1) уйде "дома" ВН; бір йерте // бійерте "где-то" НМ; Ортада джаду тіт'ән чыхай "Посредине (между ними) вырастает чертополох" В; 2) Віз уйде хайталмаймыз "Мы не сможем возвратиться домой" ВН; Көчту башха йырах йерде "Он переехал в другое, более далекое место"; Айда уйде бараах "Давай поедem домой", Т'етій чельде // чельд'е "Идет он в поле" СМ; 3) Хышта ішім аз "Зимой у меня мало работы" ВН; о арада охус "тем временем читаешь" НМ; уч йылда еле атлар олуй о! "За три года из них вырастают такие кони!" В; 4) уч нү, дөрт нү хыл бурас бійерте "скручиваешь вместе три или четыре волоса" МК; 5) Хызым йуренді Ленинградха "Дочь моя училась в Ленинграде" ВН; О да нед'е ішлій? Тут'анга "Где она работает?"

В магазине" НМ; 6) Куфячіне аш пішірім. Чіпчелер де йанма "Варю в кухне суп. И цыплата при мне" У; Бірін холуна білезік "На руке у одной из них браслет" Б; 7) Ер бір дегушке ачлых болиј "Во время любви войны бывает голод" ВН; 8) учунчі кунуне де т'імсе т'емей "и на третий день никто не приходит" МК; 9) Бір саатха беджеріј "За один час управится" СМ; 10) уч саат арасна барып т'ельлер Донецкий д'е "За три часа они съездили в Донецк" У; 11) Бу алга талтым ону "Я нашел его в таком состоянии" Георг.; 12) Ао фах балыхлар т'еліј - аманчіне махасларыбле йабушуј "Как только те маленькие рыбки подплывут - в один миг хватает своими клешнями" МК; теміз евельчасна "точно как прежде" МК; 13) Мен кларнетт'е чалмам "На кларнете я не играю" НМ; 14) Онун байансне чалма куч "На его баяне играть трудно" Р; Башладн аяхларсне йурмед'е "Стал он ходить ногами" У; 15) Мен он уч йылн сенедесне догдум "Я родилась в тринадцатом году" (букв.: "в году тринадцатого года"); Коп іші еді андасне "С ним (льном) было много работы" ВН; туштурамазлар андастен ону "не могут ее оттуда снять (заставить спуститься)" Б.

В процессе ретуркизации урумского языка после утраты румейского языка-основы во всех говорах на базе послеложной конструкции со служебным именем іч "внутренняя часть" получил развитие новый местный падеж с показателем -че(е). Вот как это выглядело:

Дат. ічине > -че > -че "вовнутрь (его); в (нем)";

Мест. ічінде > -чінде > -че "в (нем)";

Исх. ічінден > -чінден > -чінден "из (него); от (него)".

Форма на -че, употребляемая во всех урумских говорах, обозначает и местонахождение (1), и направление (2) действия и в обоих случаях используется пока еще параллельно с мотивировавшей ее формой дательного падежа на -чее, -чине, например: 1) Стемедік шйерче халмаға "Мы не захотели оставаться в городе"; Кейчее алар йох еді "В селе их не было"; Барох, чохур хазар едлер: чохурчине алар еді "Видимо, копали ямы: она (глина) была в ямах" ВН; 2) Хойар едлер бечче "Ставили в печь" ВН; Парасын сундугуче хойай "Часть из них кладет в свой сундук" НМ; Чавдарче тушт'ен деде "В рожь зашел верблюд" У; Мезарче ону хойранда еле йавун йагди! "Когда его опускали в могилу, пошел такой дождь!" НК. Развитие дательного на -че, кроме того, следует рассматривать как одно из направлений интеграции и унификации кыпчакских и огузских урумских говоров в области морфологии.

Изолированным морфологическим заимствованием является, очевидно, рефлекс греческой формы множественного числа *хавалиа от турецкого существительного хавал "свирель": хавалл'а "бузина, дудочник (кустарник)". Примеры употребления: хидытй хавал йагмайа хавалл'а

"он ищет бузину (дудочник) сделать свирель", оле де гузель, догу хавал'а "и такой уж хороший, ровный дудочник" Г. Ср. румейское хавал - мн.ч. хавал'а "дудка - дудки" Ст.К.

Обзор выявленных фактов, по сути впервые описываемых в науке, позволяет сделать определенные предварительные выводы объясняющего характера.

Наличие новогреческих элементов в урумских говорах в целом обязано, очевидно, не влиянию румейских приазовских либо крымских говоров, соседствовавших или соседствующих с урумскими населенными пунктами. Приазовские румейские населенные пункты как фактор столь сильного иноязычного влияния отпадают уже по той причине, что между ними и соответствующими урумскими населенными пунктами не было и нет тесных и активных социально-экономических связей, а отмечаемое урумско-румейское двуязычие имеет индивидуальный и довольно спорадический характер. Более того, сопоставление новогреческих элементов урумских говоров с их эквивалентами в соседних говорах румеев Северного Приазовья показывает их неоднородность и еще раз убеждает в том, что современный порядок расселения урумов и румеев на данной территории не отражает исторических связей между говорами того и другого языков: нынешнее территориально-диалектное членение румейских говоров совершенно иное, чем членение новогреческих элементов по говорам урумского языка. Иными словами, их невозможно отнести на счет контактирования данных языков в приазовский период истории урумов и румеев. Такой же сопоставительный анализ, осуществленный на основе соположения урумских и румейских говоров на территории Крыма, откуда их носители переселились в Северное Приазовье в 1778 - 1779 гг., убеждает в показательности именно этого соположения для определения типа говоров-источников новогреческого влияния на тюркские наречия, лежащие в основе урумского языка. В то же время, географическая удаленность румейских говоров, фиксируемых на территории Крыма, от говоров урумских говорит в пользу мнения, что не они, а другие, местные румейские говоры, вытесненные из употребления тюркскими говорами соответствующих селений Крыма, легли в основу урумских говоров. Вероятно, источником новогреческих элементов в урумском языке является именно ассимилирующее действие местного (в каждом населенном пункте Крыма в отдельности) новогреческого говора - основы в условиях наслоения вначале этнически более массового тюркского, а затем - постепенно дополняемого и адаптируемого разнородного нетюркского компонента. Под последним имеются в виду пленники из среды разных христианских народов и народностей, поселяемые на полуострове на правах невольников-ясирей, а также вольноотпущенников.

Это подтверждается направлением фонетических инноваций: в случае влияния греческого языка не на усваиваемый, а на родной турецкий говор переход к, г в ћ, ђ вряд ли имел бы место - по той причине, что смещение артикуляции согласных в палатальную зону, в принципе противоречащее турецкой тенденции к сильному противоположению переднерядных (переднеязычных, губных, зубных) звуков заднерядным (заднеязычным, увулярным, гортанным), шло бы в разрез с более устойчивыми собственными речевыми навыками носителей соответствующего турецкого говора. Ситуацию, типологически сходную с отвергаемой, можно усматривать в турецкой интерпретации украинского палатализованного т'Звлей Челеби как к (кяф): пйек /пйат'/ "пять", шйек /шйс'т'/ "шесть", дейек /дейат'/ "девять", десек /дес'ат'/ "десять", сак /с'ад'/ "сядь" [Челеби 1961: 89]. В то же время, число носителей румейского говора того или иного селения Крыма, в котором формировался урумский говор, было не настолько большим и социальное положение его не настолько ведущим, чтобы навязать всей многонациональной группировке греческого миллета свой румейский говор. Напротив, выжившие румейские говоры по данным параметрам, видимо, обладали преимуществом над соответствующими турецкими говорами своих сельских общин и румейско-турецкое языковое взаимодействие не привело к смене языка, а ограничилось структурными влияниями.

Роль языка-субстрата при формировании урумских говоров сыграли "текающие" новогреческие говоры северо-западных склонов Крымских гор. Причем, в двух населенных пунктах - Бешеве (в Приазовье Старобешеве и Новобешеве) и Большой Ени-Сале (Великая Новоселка) - по косвенному свидетельству румейского говора Великой Новоселки (в Крыму - Салгирбаши-Ени-Сала), само "текание" (ћекание, ђекание) по сравнению с другими румейскими говорами было представлено меньшим числом позиций. "Чекание" ("джекание"), наблюдаемое в отдельных лексемах типа чеч// т'еч "поздно", йшчйр// йшт'йр "работающий", джйджер// джйд'ер "печень; легкие", имеет, по-видимому, не субстратный, а самопроизвольный, ассимилятивный характер.

Некоторое нарастание новогреческих элементов в урумском говоре Великой Новоселки на лексическом уровне и в области грамматики имеет частную обусловленность - территориальным контактом с румейским говором этого же приазовского населенного пункта.

Незначительное количество новогреческих элементов в говорах Жданова, Старого Крыма и Старогнатовки может быть объяснено тем, что эти поселения основаны выходцами из городов, то есть из таких населенных пунктов Крыма, где субстратные новогреческие элементы в урумской речи активнее замещались крымскотатарскими эквивалентами окру-

жения, где, иными словами, с утратой новогреческого говора-основы процесс ретюркизации урумского языка осуществлялся гораздо интенсивнее, чем в большинстве сельских говоров.

Некоторое усиление новогреческого влияния в области падежного склонения говора Ждянова (по сравнению с говорами Старого Крыма и Старогнатовки) можно связывать с наличием здесь ограниченного румейско-урумского двуязычия, аналогичного тому, которое сейчас наблюдаем в Великой Новоселке. Ограниченное функциональное двуязычие имело место также в Старобешево и Новобешево: среди наших информантов самого старшего поколения несколько человек еще активно владеет румейским языком, а еще некоторое количество знает на память тексты литургических и обрядовых греческих песен, стихов и пр.

Вытеснение новогреческого субстрата в говорах, лежащих в основе огузско-кыпчакских говоров Гранитного, Староласпы и Комара, вероятно, связано с усилением огузского компонента - с влиянием турецкого языка на южнобережные крымскотатарские говоры в целом. В кыпчакско-огузских говорах Улаклов, Старолиновки и Богатыря преобладание кыпчакских элементов, их заметная устойчивость, тем самым, ассоциируется как с максимальной массой новогреческого субстрата, так и с менее существенным влиянием турецкого языка.

Говор Першотравневого в плане сохранения новогреческого субстрата занимает промежуточное положение между огузско-кыпчакскими говорами Гранитного, Староласпы и Комара и кыпчакско-огузскими говорами Улаклов, Старолиновки и Богатыря, тяготея к последним.

Кыпчакско-половецкие говоры Великой Новоселки и Старобешево, сформировавшиеся, по всей видимости, на несколько отличным, более близком к димотике, субстрате, оказавшемся, вероятно, и менее сильным, находились в постоянном и тесном контакте с кыпчакско-половецким окружением соответствующих крымскотатарских говоров и были мало связаны с огузскими массивами крымскотатарского языка.

Несовпадение количественного распределения новогреческого субстрата по урумским говорам на разных уровнях, таким образом, связывается с диалектными расхождениями между субстратными новогреческими говорами, с разной мощностью субстрата и с разной интенсивностью процесса ретюркизации урумских говоров, в котором в одних случаях активную роль сыграл огузский (турецкий) компонент, а в других - кыпчакско-половецкий.

Что касается структурных особенностей процесса ретюркизации урумского языка после падения румейских говоров-основ, то следует признать, что наибольшей устойчивостью характеризуются фонетические конвергентные изменения, закрепленные в корнях слов (переход к, г

в т', д' в начале слова и его рефлекс в области вокализма), затем такие же изменения в аффиксах и приблизительно в такой же степени семантико-функциональные изменения падежной системы, где сначала - под греческим влиянием - дательный падеж вытеснил формы местного падежа, а затем в процессе ретюркизации стал формироваться новый местный падеж. Наименее устойчивы субстратные инновации лексического уровня. Собственно синтаксические инновации - из-за наличия сильного славянского влияния - в настоящее время выделить не представляется возможным.

Закреплению фонетических инноваций в значительной степени способствовало влияние фонетического строя славянских языков окружения с их корреляцией зубных переднеязычных согласных по твердости/мягкости и иным распределением гласных фонем по артикуляции и качеству.

В плане типологии языкового взаимодействия можно заключить, что влияние родного (первого) языка на неродной (второй) на фонетическом уровне не связано с переносом в него лексических или морфологических единиц, по крайней мере может быть с этим не связанным. Оно может осуществляться путем подчинения вырабатываемых навыков синтеза и анализа единиц второго языка навыкам речепроизводства и речевосприятия, применяемым в речи на родном языке (на первом из языков билингва). Тем самым, то или иное развитие фонетической системы языка, контактировавшего с другим языком, может указывать на субстратный или суперстратный характер его отношения к этому языку. То есть не "побежденный" язык дает свою фонетику "побеждающему" языку, как считает традиционная теория субстрата в лице Ю.Покорного (Ярцева 1956: 21), а первый - второму (если происходит смена языка). Без смены языка первый язык с большей вероятностью сохраняет свои специфические фонетические черты, как это имеет место в румейских говорах. Мера сохранения или наслоения фонетики первого языка, ее специфических черт, разумеется, определяется конкретно-историческими социолингвистическими условиями частного языкового контакта.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ УРУМСКОЙ ПЕСЕННОЙ РЕЧИ

Для раскрытия принципов становления и развития урумской песенной речи (а также письменно-литературного языка) оказались существенными следующие факторы: 1) взаимозависимость между источниками урумского фольклора (для письменно-литературного языка - между источниками клерикально-религиозного, художественного и делового жанров); 2) генетические, типологические и социолингвистические отношения между языками и диалектами, которыми эти источники обслуживались и которые, в силу этого, приняли участие в формировании урумской песенной речи, языка фольклора в целом, а также письменно-литературного языка; 3) специфика соотношения индивидуального и коллективного начал в народнопоэтическом и письменно-литературном творчестве и речетворчестве, в общей и художественной истории этой этнической группы.

Состав и источники урумского фольклора

Эпический жанр объединяет:

1. Древние общетюркские сказки о животных типа "Топад сынчан" ("Хромой мышонок"), "Бузовлен ечки" ("Козленок и теленок") У и др.

2. Средневековые кыпчакско-огузские масалы (дастаны) с прозаическим изложением сюжетной линии и песенными монологами и диалогами: "Ашых-Фариб", "Аразунен Рамбер", "Дайырнен Зоре", "Хуршутбегнен Махмерем", "Т'ерорду", "Керпечхызы" ВН - СК и др.

3. Прозаические сказки древнего восточного происхождения с традиционными стихотворными зачинами и концовками: "Сары тайка (Сары ат)" СЛ, "Сарат" СГ ("Желтый конь"), "Холсуз хыз" ("Безрукая девушка") Б, "Зиліфсйа" Г, "Хара кепек, пулуп, ешек те олган бір адам" ("О человеке, который был дворнягой, одудом и ослом") Г, "Хавалджи (Чобан авасы)" ("Свирельщик (Мелодия чабана)") СЛ, СК, "Он йылладжес алган хары" ("О женщине, взятой замуж на десять лет") СГ, "Йыбран (Бучух)" Г, СГ, "Дунйа гузелі" ("Всемирная красавица") СГ, "Кечуп т'иткен базирд'ан" ("Об откочевавшем купце") СЛ, "Базирд'аныц ахмац олган харысы" ("О глупой купчихе") Г и др.

4. Сказки разнообразного происхождения, усвоенные сравнительно недавно: восточные - "Ет'і чобан" ("Два чабана"), "Заранен Мейер" НК, "Ахылзаленен Нынанзален" СГ; греческие - "Падшаан хулахлары хатыр хулах" ("У царя ослиные уши" - о царе Мидасе) Г; библейные сказания - "Соломон шераат" ("Суд Соломона") Б, "Нойун оглу Йосиф" ("Об Иосифе, сыне Ноя") Г; русские - "Алѣнушканен Иванушка" Б, "Туш керен олан" ("О мальчике, которому приснился сон") СЛ, "Дунйа гүзели" ("Царевна-Лягушка") СЛ, "Туруп" ("Репка"), "Чубар тавух" ("Ку-рочка ряба") У; изложения народных рассказов Л.Н.Толстого "Баба-йунахт'ер" ("Отец-грешник") Г, "Бостанджы" ("Бахчевик") СМ; украинские - "Ахмах хардаш" ("Глупый младший брат") К, "Ахыллы хыз" ("Умная дочка") СГ, "Бабаан васьят еткэн алтыны" ("Завещанное отцом золотом") СБ; европейские - "Йешиль ат (Йешиль гегерджин)" ("Зеленый конь (голубь)") СЛ, СГ, "Харысынын хызылен ходжасынын хызы" ("Дедовы дочка и бабина дочка" - "Золушка") НМ и под.

5. Старинные анекдоты, распространенные среди народов и народностей Крыма, Кавказа, Малой Азии: "Хуйуче учхан ай" ("Как месяц упал в колодец") СМ-У, "Йа баба анца?" ("А где же отец?") К, "Ев тепесне отландырган буга" ("Как быка заставляли пастись на крыше") СМ, Б, К, "Донуз бала т'ірішсене турмай" ("А поросенок-то на жерди не стоит") Б, К, "Чавдарче тушт'ен дере" ("Как верблюд забрел в рожь") СМ, У, К, "Тазы-домуз" ("Свинья-легавая") К, "Т'іріш тартханы" ("Как растягивали потолочную балку") СМ, "Туз сачханы" ("Как сеяли соль") Б, К, "Т'елін де евде болса!" ("Вот если бы еще и невестка была дома!") НК; рассказы-размышления типа "Т'ім зійаде ішлія?" ("Кто больше работает?") СБ и др.

6. Местные юмористические рассказы: "Тазе хыйар" ("Молодые огурцы"), "Папаз, дыйако, псельджи" ("О попе, диаконе и псаломщике"), "Папуун бузов сатханы" ("Как дед продавал бычков"), "Ғас ташийен адам" ("Керосиновоз"), "Гүзель йар" ("Добрый жир") Г; "Худаан проңу йох ет'ен" ("У свата, оказывается, нет вилки") К, "Камаараа ельд'ен папазы" ("Как в Комаре умер поп") СМ, "Дафламаз т'елін" ("О невестке, которая не разговаривала") У, "Бахаблен папаз" ("Поп и лягушка") СМ.

7. Многочисленные современные дидактические и юмористические рассказы книжного и устного происхождения.

Малые формы - одна колыдка (рифмованная), загадки, пословицы, скороговорки и тахмах (остроумные фразы, преимущественно рифмованные) - от крымскотатарских отличаются главным образом в той их части, где сказалась разница в религии.

Песни:

1. Песни масалов (дастанов), названных выше. Всего около 100. Свыше половины из них относятся к масалу "Ашх-Фариб". Дастанные песни имеют более-менее адекватные крымскотатарские параллели, о чем можно судить с уверенностью на основе сопоставления с теми фрагментами крымскотатарских текстов, которые до настоящего времени опубликованы [Радлов 1896; ТХМ 1959; Дастанлар 1980 и др.]. Крымские варианты дастанов "Ашх-Фариб", "Арзунен Фамбер", "Дайырнен Зоре" и "Хурчутбегнен Махмерен" в общих чертах отражают кавказско-малоазиатские версии этих общетуркских произведений, группирующихся вокруг цикла "Алпамыш" - "Бамсы-Берек" - "Манас". Как и другие произведения названного цикла, крымскотатарские дастаны в ряде основных коллизий перекликаются с "Одиссеей" Гомера, которая, по наблюдениям В.М.Жирмунского и Х.Т.Зарифова, среди европейских сказаний на сюжет "Муж на свадьбе своей жены" занимает обособленное положение [1947: 81, 87, 294 - 295]. Героико-лирический эпос "Т'өрөрлу", возникший в начале ХУП века в северо-восточной Турции, в местности Чамлыбель между Эрзерумом и Карсом, как цикл песен благородного разбойника, народного мстителя из туркменского рода теке (текинцев) [там же: 167, 181], тоже имеет много общего с его кавказско-малоазиатской и, в частности, с турецкой версией - ср. [Радлов 1896: 1 - 26].

2. Песни исторические и солдатские, хроникально-бытовые, бытовые, лирические, развлекательные и свадебные (всего около 200), объединяемые общим урумским термином бой туркулері "крупные песни", в основной своей массе имеют параллели в крымскотатарском фольклоре. Параллели эти нередко очень далекие, что связано, очевидно, с большой долей новаторства в урумском и крымскотатарском фольклорах, которые с конца ХУІІІ века развивались обособленно. Прежде всего, это касается бытовых и лирических песен, таких как: "Бардым Харасул базарына" ("Ездил я в Карасубазар"), "Дагым да вар, барым да вар" ("У меня есть и горы, есть и виноградник") СЛ, "Джирен тай" ("Игреновый конь") ВН - П, У, СЛ - СГ, "Медет-медет, анем" ("Помилуй, мама, помилуй") Г, СЛ, НЛ, БК, "Саба да ола" ("Настало бы утро") ВН - П, НМ, Б, У, НК, СЛ, "Долаштым Уруму, т'ездім Хырым" ("Обошел я Грецию, прошел весь Крым") Г, "Олан, олан" ("Парень, парень") СБ, НБ, Г, СК, "Йейип ічіп йатыр едім" // "Топар-топар булут хопар" ("Пил я, гулял я" // "Клубами вздымаются тучи") ВН, Б, У, Г, К, Зап., "Хара йнлан сарып алды йолуму" ("Черная змея (полоз?) преградила мне путь") Г, "Харанфілін чічегі" ("Цветок гвоздики") СГ, СК, "Харасубазар" ("Карасубазар") К, "Ельпіда, дар-делі генлүм" ("Эльпида, мое безумное сердце") СГ и др.

Отдельную группу образуют крымскотатарские песни, усвоенные

урумами сравнительно поздно и вследствие этого сохранившиеся более адекватно. К ним принадлежат исторические, солдатские, хроникально-бытовые песни периода Русско-турецкой войны 1877 - 1878 гг. (1) и периода Русско-японской войны 1904 - 1905 гг. (2), например: 1) "Азавдан йедір бір ат" ("От Азова конь бежит") СБ, "Ане, бені алдаттылар" ("Обманули, меня, мама") СЛ, НЛ, "Ане" десем, анем йох" ("Сказать бы мне "мама" - нет у меня матери") СМ, Г, НЛ, СГ, "Ахденіз йалысында д'езер пйаде" ("По берегу Средиземного моря идет пехота") Б, Г, К, "Керата урдум хамайн" ("Ударил я коня клинком") ВН, "Істанбулдан чыхтым йола" ("Вышел я в путь из Стамбула") СК, "Ортахапу йалысында дуйдулар" ("На берегу Ортакапу заметили") Г, "Осман-паша" ВН, Б, Г, СЛ, К, НК, "Чыхтым Туна йалысына" ("Вышел я на берег Днестра") Б; 2) "Бардым чохрах башына" ("Пошел я к роднику") СБ, НБ, П, СЛ, НЛ, К, "Порт-Артур" П, СЛ, К, "Бін тохуз йуз дерт сенеде" ("В 1904 году") У.

Некоторые корреляции существуют между урумскими песнями о переселении из Крыма в Приазовье в 1778 - 1779 годах и крымскотатарскими песнями о миграции татар из Крыма в Турцию в XVIII - XIX веках: "Анемден-бабемден дувасын алып" ("Получив благословение отца с матерью") Б, "Шаран т'ібік Ордан чыхтым" ("Соколом я вылетел из-за Перекопа") СЛ, НЛ, СК и др.

Урумские свадебные песни, насколько можно судить на основе сопоставления с опубликованными фрагментами крымскотатарских текстов, в целом, наверное, с ними совпадают. Имеются закономерные расхождения, обусловленные религиозными различиями. К примеру, у христиан-урумов есть отдельная песня, посвященная крестному отцу жениха, и поют ее, когда бреют крестного отца [Марков 1892: 422 - 424]; у татар же роль главного распорядителя исполняет кьарт агъасы (старший родственник со стороны жениха), а соответствующая мелодия (текст нам не известен) исполняется во время бритья самого жениха [Шерфетдинов 1979: 48]. Сохранились у урумов и тексты других свадебных песен, отсутствующих в изданных крымскотатарских фольклорных сборниках.

Последняя волна крымскотатарских заимствований в урумском песенном фольклоре приходится на конец 20-х - начало 30-х годов XX века, когда обучение в урумских селах велось на крымскотатарском языке. К песням школьного цикла принадлежат: "Кызыл аскер маршы" ("Красноармейский марш") СМ, У, "Кызыл атлыдарнын маршы" ("Марш красных кавалеристов") СМ, "Вай кызым-кызым, деппи султаным" ("Ой ты дочь моя, красавица моя") СМ, а также крымскотатарский вариант распространенной и среди урумов песни "Вай кызым-кызым, йердан бійазым" ("Ой дочь

моя, белшейка моя") СМ. Отдельные крымскотатарские песни новейшего времени, присутствующие в репертуаре некоторых исполнителей, заимствованы изустным путем или же с пластинок, например: "Бен атымы байл'адым" ("Привязал я коня") СМ, "Айдан ічейік тезерек" ("Давай скорее выпьем") НК и под.

Песенное творчество урумов не ограничивалось переработкой татарских произведений, усвоенных в Крыму. Урумами создано около 30 исторических (1), солдатских (2), хроникально-бытовых (3), бытовых (4) и развлекательных (5) песен: 1) "Бір Урчандардан бір ал д'ельді башыма" ("Пришлось мне за Урчан-горой") СГ, "Бін тохуз йуз он дөрт сенедө" ("В 1914 году") ВН, СЛ, СГ, "Бін тохуз йуз йірмі бір сенедө" ("В 1921 году") СЛ, "Бін тохуз йуз хырх бір сенедө" ("В 1941 году") Кам., "Йемі д'елір, йан д'елір" ("Корабль плывет-приближается") Г; 2) "Ане, бенім топ шалымын саңағы төкүлдү" ("Мама, у моей шали с букетами осыпалась бахрама") К, "Вай, үч хардешілен" ("Ой, с тремя сестрами") НБ, "Йеді йыл Нахшувана йүрдүм" ("Семь лет я прослужил в Нахичевани") СБ, СГ, "Керчин фронту айдамах" ("Предстоит перевод на Керченский фронт") К, "Хамушлуктан д'ечамам" ("Не могу пройти через мамыши") ВН, СК; 3) "Авада думан" ("Стоит туман") СБ, "Гандоз Аврам Дн.", "Гүрдхүден Бешеве атлы йетішті" ("Из Гурджи в Бешеве прискакал всадник") ВН, СБ, У, Кам., СЛ, НЛ, "Захар адам джойулду" ("Пропал человек по имени Захар") Г, "Кіріяков" ВН, У, "Коля" Б, У, "Котя" П, У (две одноименных песни о разных событиях), "Лена" Г, "Недя" Б, "Сава" К, "Тамазол" Г, СЛ, "Тодуроглу" У, "Тодорайдым, олдум Тодур" ("Была я Федорой, стала Федором") ВН, НБ, У, Г, Кам., К, Зап., СК, "Юрка т'етер ішіне" ("Идет Юрка на работу") НМ; 4) "Йыглыңыз, хоранда" ("Соберитесь семьей") Г, "Султан" СБ, НБ; 5) "Бу йыл хышын бораңы" ("Буран в эту зиму") СГ, "Магдале (Чапчах-чапчах бетмезлер)" ("Магдале - Кувшинами патока") ВН, Б, У, К, "Оленька" П, У, СЛ, СГ, СК, "Петро-Павлуға вардым" ("Ездила я на Петра-Павла") Б, У, СЛ, К, Зап., "Сет'із өгуз бір сығыр" ("Восемь быков и одну корову") Б, "Тірт'а йурту айл'анчың" ("Двор у Кириакии с поворотами") ВН, П., НМ, Б, "А бастоне, бастоне, бастоне башымда шапка" ("Кепка у меня на голове из бостона") СЛ, СК и др.

3. Чың, душенька - короткие остроумные песни типа частушек лирического и развлекательно-насмешливого содержания. Записано около 600. Этот песенный подвид как наиболее массовый и мобильный сохранил мало общего с текстами подобных крымскотатарских песен, тоже ушедших далеко от когда-то единого репертуарного и словесно-образного ядра. Нам удалось разыскать только около 30 аналогов. Немного больше песен имеет сходные поэтические фигуры.

4. Переработки и переводы греческих песен. В первую очередь это переводы церковных сочинений "Аведес" (рождественский хорал) ВП, СВ, НБ, СМ, В, БК, "Алексіѳоз" (музыкальная драма; в фрагментах - хорал) Б, "Алілуйя" В. Часть исполнителей знает эти произведения и на языке оригинала. В одной из урумских развлекательных песен - "Бен собайа (// фырыя) хойлум бір бутун хозу" ("Посадила я в печь целого ягнненка") ВП, СЛ, БК, К, НК - употребляется смешанная румейско-урумская фраза Не калі мера вар, не мера калі "Ни добрый день, ни день добрый", которая, став непонятной, переистолковывается до неузнаваемости, как, например, в Комаре: не орали, не пахали.

5. Переработки украинских песен. Украинские песни "Мене мати билд" У и "Посадила рожу" К исполняются через куплет параллельно с урумским переводом.

6. Отдельные песни других тюркских народов и народностей, усвоенные из радио, телевидения или с пластинок, поются в почти не адаптированном виде, а потому серьезного научного интереса в аспекте нашего исследования не представляют.

Урумская письменность и ее источники

Памятников урумской письменности сравнительно с армяно-кыпчакской немного, но в плане функционально-стилистической и структурной эволюции языка они несколько разнообразнее. Сейчас мы располагаем текстами, объединяемыми в пять групп: 1) церковно-религиозные, 2) учебные пособия по греческому, русскому и украинскому языкам, 3) деловые и эпистолярные памятники, 4) драматургические произведения, 5) песенники.

1. Памятники церковно-религиозной письменности урумов наиболее многочисленны. Это неадаптированные или частично адаптированные в плане графофонетики списки канонической, литургической, апокрифической, дидактической, драматургической и обрядовой литературы, известной в науке под терминами караманская (карамалицкая, карамилицкая) литература: списки турецких грекописменных переводов старого и нового завета, псалтыри, молитвенников, календарей, житий святых, в том числе синаксарей, легенд, повествований о святых местах, поучений, сборников проповедей, служебных книг, школьных драм, а также учебных псалтырей. Среди апокрифических произведений наиболее популярен стихотворный вариант жития великомученика Алексия ("Алексіѳоз"), среди драм - пьесы "Авраам", "Ерван - Айос" ("Эрван и Ангел" - пьеса миссионерского содержания: после третьего акта Эрван переходит в христианство), среди хоралов - рождественский "Аведес". По языковым особенностям к памятникам этого цикла относится сборник

переводов басен Эзопа, фрагменты из которого опубликованы О. Блау [Blau 1874]. К собственно урумским примыкают рукописи, написанные и использовавшиеся в румейских селах, среди которых отметим евангелие из рукописного собрания ЦНБ АН УССР (Д.А. 27 л. - Муз.954), происходящее из крымской Каракобы. Кроме собранных автором рукописей, при разработке проблематики настоящего раздела учтены особенности языка религиозного сборника, фрагменты которого в указанной статье опубликовал О. Блау. В распоряжении автора имеются также печатные оригиналы большинства рукописных текстов, опубликованные в XVII - XIX веках в Венеции и Стамбуле и любезно переданные автору их обладателями. По данным Я. Эскманна, общий перечень изданий караманской литературы составляет около 700 названий [Eskmann 1964]. На истоки караманской литературы проливает свет сообщение немецкого путешественника Ганса Дерншвана, содержащееся в его дневнике о поездке в Константинополь и Малую Азию в 1553 - 1555 годах: "Неподалеку от вышеупомянутого замка, называемого Едикуле, в старинной части города проживает одна христианская народность, именуемая караманами и происходящая из Карамании у пределов Персии. Они христиане и исповедывают грекоправославие. Служба у них правится на греческом языке, но по-гречески не понимают. Язык их турецкий. Не знаю, изначально ли они говорят на турецком языке. Селим, отец нынешнего султана, вынужден был переселить их сюда в Константинополь, после того как покорил их страну. Представляется, что это большой и сильный народ. Женщины их носят высокие, остроконечные, белые или же крашенные головные уборы, напоминающие тиару папы римского. И когда они выходят из дому, то одевают сверху него тонкое, прозрачное покрывало, ниспадающее на грудь" [там же: 820]. Помимо урумов и румеев, печатная и рукописная караманская литература имела распространение среди других турецких народностей грекоправославного вероисповедания - гагаузов и тюркоязычных грузин Крыма.

Сочетание тенденций к фонетической адаптации переписываемых караманских текстов и гиперкоррекции хорошо иллюстрируется вариантами написания слова картал / хартал "орел" в тексте одной из басен Эзопа: адекватное воспроизведение - хартал, адаптивное - хартал, гиперкоррективное - в плане диалектного противопоставления кыпчакского глухого начала огузскому звонкому (к / г, т / д) - хартал [Blau 1874: факсимиле, 74 об., 7; 13; 5-6]. Язык этих произведений самими урумами в плане принадлежности верно определяется как турецкий (1), а в плане соответствия собственной языковой норме огузского говора Джанова (Мариуполя) - как неправильный (2), напр.: 1) бу евангелии Пана-йа еклисесини-дир, туркиесине-дир йазиси "это евангелие принадлежит

церкви Богородицы, а написано по-турецки"; 2) Бу насаат кіатини кім де йазмышса, йанниш йазмыш "Кто бы ни написал это евангелие, написал с ошибками (неправильно)" ЦНБ Д.А. 27 л.: 1,3-4; 2,1-2 (записи 1842 и 1838 годов).

2. Учебных пособий по греческому, русскому и украинскому языкам - два. Одно хранится в ЦНБ АН УССР (У, 3690: 4-24 об.), второе (ГХ: 53-70) - в собрании автора. Первое - конца XVIII века, второе - 1872 года. Вторая рукопись состоит из букваря (л.53-63,10), греческо-урумского разговорника (л.63,11-64,8; 70) и словаря (64,9-69) и представляет собой практическое пособие по греческому языку, использовавшееся в начальный период обучения. Первая рукопись, включающая урумско-русско-украинский бытовой разговорник (л.4-5; 6,13-11 об.), урумско-восточнославянские парадигмы глаголов вар "пойти", ад "взять", тут "держат, поймать", гіт "уходить" (5 об.- 6,12), а также церковно-служебные тексты (увещания, диалоги, поучения) параллельно на греческом и русском (л.12-13 об.) и урумском и греческом (л.14-24 об.) языках, имела более специальное предназначение. В двух последних частях в качестве урумского фигурирует тот же приспособленный турецкий язык, что и в рукописях первой группы, ср.: хател ет (кабул ет - "принимать"), схлесте үүел (схлесте гель - "опечалиться"), кырсыз (кырсыз < һырсыз "злодей") ЦНБ Д.А. 27 л.: 22,6; 12; 1. В остальном обе рукописи фиксируют разговорную речь Жданова (Мариуполя) - со стилистическими фонетическими субституциями, характерными для песенной и деловой речи: гетірдің "ты принес" // кетімедім "я не принес", йок му "нет ли" // кімсе йох "никого нет" (там же: 4,6; 12; 8) и т.п.

3. Письменные памятники урумской деловой и эпистолярной речи (ЦНБ У, 783-784; 3641-3690: 1-3), к которым по структурным особенностям и содержанию примыкают хроникальные заметки в колофонах различных рукописей, занимают промежуточное положение между разговорной речью мариупольского говора и, естественно, татарской речью городов Крыма, с одной стороны, и урумским вариантом караmano-турецкой литературной речи - с другой. Закономерные фонетические стилистические субституции осуществляются в тех же направлениях и с той же долей гиперизмов, что и при фиксации разговорной речи в урумских пособиях по греческому, русскому и украинскому языкам.

4. В настоящее время мы располагаем только двумя рукописными вариантами пьесы "Ашх-Ғаріб", принадлежащими перу Дмитрия Николаевича Халайджи из Староласы (СЛХ) и Василия Антиповича Попова из Гранитного (ГПАГ) и составленными в середине 20-х годов нашего века. Первая рукопись сохранилась полностью, вторая не имеет начала и конца.

Текстуальные совпадения указывают на общность источника этих вариантов, различающихся неравномерной полнотой реплик и ремарок, графофонетическими и морфологическими особенностями, текстуальными дополнениями и под. Очевидно, это две самостоятельные обработки единой версии масала (дастана), особенно популярного в урумской среде. Лексические, лексико-фонетические, фонетические, фонетико-морфологические и морфологические стилистические субституции в текстах реплик и песен осуществляются в одном и том же направлении: кыпчакские разговорные формы замещаются литературными огузскими или наддиалектными, причем в песенных фрагментах замещение более последовательно, как более выдержано здесь и сохранение исходных огузских элементов, подвергавшихся закономерным гиперистическим искажениям.

5. Песенные сборники, имеющиеся в нашем распоряжении (ВНБ, КДм., СКХ, СКШ, СЛК), как и тексты пьес, написаны русским алфавитом с типичным для южнорусских диалектов и украинского языка чтением г не как взрывного, а как фриктивного. Сравнение рукописных вариантов с записями звучащих текстов показало стремление составителей песенников к адекватной передаче на письме звукового строя песенной речи. Эмпирические поиски графических средств воспроизведения урумской песенной фонетики аналогичны тем, которые были предприняты С.И.Марковым - первым издателем урумского песенного фольклора [1892], но, конечно же, более скромны по своим результатам. Во всяком случае, достигаемое С.И.Марковым различение звуков о/е, у/ү, к/г, н/в здесь не выходит за пределы вероятного, напр.: Иштэ бен дидэрим аназлым аман абэрин олсун. Эвин бархын багын бахчын аман ал кулере долсун СКХ: 33, 2 - 5 Иште бен д'ідерім, а назлым, аман, абериң олсун. Евің, бархын, багын, бахчын, аман, ал гүльлере долсун "Вот и ухожу я, моя милая, так и знай. Дом твой, усадьба твоя, виноградник и сад твой пусть утопают в алых розах".

Состав песенных текстов данных сборников, обоих вариантов пьесы "Ашых-Фариб" и репертуар исполнителей урумских песен совпадают, если не принимать во внимание того факта, что записи все-таки оказались долговечнее.

Обзор урумского фольклора и урумской письменности показывает их генетическое единство с крымскотатарским народным словесным творчеством и письменно-литературной крымскотатарской речью, которые с конца XV века (после покорения Крыма Турцией в 1475 году) развивались под могущественным влиянием турецкого фольклора, турецкой (и караманской в отношении урумов) литературы и османской деловой письменности. Сама же турецкая литература и народная поэзия, не говоря уже

о деловодстве, со своей стороны, испытала на себе поразительной воздействию персидской и арабской классической (придворной) письменности. А.Е.Крымский так характеризовал в данном отношении средневековую османскую литературу: "Оригинальности турецкая словесность не приобрела и в свой золотой век: она осталась тем, чем была первоначально, с XIV века, то есть рабским подражанием богатой, талантливой персидской литературы ... Все наилучшее, чем располагала богатейшая персидская литература X - XIV веков, появлялось тогда в достойных переводах на османский язык, а одновременно кипело и свое собственное творчество, но все же не самостоятельное, а в духе этой самой персидской поэзии, этого неизменного идеала" [Крымский 1924: 199]. Вероятно, и в Крыму были свои демократические отступления, как это имело место в традиционной турецкой придворной поэзии, самые талантливые представители которой, подобно Михри-хатун, все-таки отходили от персидских канонов [Маштакова 1967: 12; 58]. Народно-разговорный элемент крымско-татарских диалектов, по мнению А.Н.Самойловича, проанализировавшего один из текстов известного сборника В.Вельяминова-Зернова "Материалы по истории Крымского ханства" (СПб., 1864), в деловой крымскотатарской речи сравнительно с художественной литературой находил больше возможностей для своей реализации [1927: 27 - 33]. Это подтверждается и урумскими деловыми текстами конца XV века, в которых стихийно-нормативные формы и написания чередуются и с гиперкоррекцией, и с разговорными элементами. Сила традиции в татарской словесности Крыма, тем не менее, сказывалась даже на рубеже XIX - XX веков: "Еще недавно было такое время (1880- 1900-не годы), когда крымские татары, чтобы не отходить в литературе от османских ту-рок, считали необходимым полагать южнобережный диалект в основу крымскотатарской письменности" [Крымский 1974: 500 - 501]. Вековое убеждение в эстетическом превосходстве украшенных персидскими и арабскими элементами османских произведений над простонародными татарскими было неопровержимым в глазах народа, и в начале XX века самих крымских татар удивляла заинтересованность А.А.Олесницкого не османскими, а собственно татарскими народными песнями и местными татарскими народными говорами [1910: VIII - IX]. Несомненно, и художественные вкусы урумов формировались в этом же духе: средневековые массалы (дастаны), в которых проза гармонически переплетается с доведенными до совершенства песенными партиями, являются вершиной урумской народной поэзии. И именно они в наибольшей степени реализуют влияние турецко-османского языка и южнобережных татарских говоров на урумскую фольклорную речь и особенно на ее песенную разновидность.

Взаимодействие языков и диалектов в процессе
становления и развития урумской песенной речи

Урумский язык Северного Приазовья, как уже отмечалось, характеризуется диалектной пестротой, свойственной крымскотатарскому языку, в то же время отличаясь от последнего наличием новогреческого субстрата, описанного выше. В соответствующем месте первой главы даны сведения о расселении урумов и румеев на территории Крымского полуострова до 1778 года, то есть до переселения тех и других в нынешнюю зону обитания, в связи с чем могут строиться определенные предположения о диалектном прототипе того или иного приазовского урумского говора.

Продолжая рассмотрение урумских говоров в плане соотношения в них кыпчакских и огузских элементов, следует отметить, что данные письменных источников и современных турецких языков крымского ареала позволяют с уверенностью говорить о трех исторических периодах кыпчакско-огузского взаимодействия в развитии урумского языка. Два первых из них относятся к крымской эпохе. Первый - до подчинения Крыма Турции, то есть до конца XV века, но и в нем, вероятно, надо выделять качественно различные подпериоды - до и после ордынского нашествия. К примеру, сосуществование в памятнике "Кодекс Куманикус" кыпчакского имени на -ған и считающегося огузским причастия на -мыш, причем сосуществование довольно органическое, можно относить на счет контактирования кыпчакских и огузских языков еще в домонгольский подпериод, ибо уже "в XI веке языки кыпчакских и огузских племен действительно могли находиться под сильным взаимным влиянием благодаря общности территории, на которой кочевали эти племена на протяжении долгого времени", - писал Т.И.Грунин [Документы 1967: 105]. В более позднее время аналогичное смешение отмечается для литературного языка Мамлюкского Египта, сформировавшегося после ордынского нашествия [Наджип 1965; 1970]. Очевидно, ко времени между серединой XIII и концом XV века можно относить распространение в южном и горном наречиях Крыма такой огузской фонетической черты, как свойственная гагаузскому [Покровская 1966: 115] и татарскому [Закиев 1966: 143] языкам ассимиляция в группе согласных нд, мд на стыке основы и аффикса, в результате которой образуются группы нн, мн. Кстати, в куманском языке это явление еще не фиксируется, а ведь мы его находим во всех урумских и крымскотатарских говорах, где отмечается имеющееся в кодексе причастие на -мыш [Севортян 1966: 237; Изидинова 1982: 16 - уна ва-раннар "идущие к нему"]. Второй период кыпчакско-огузского взаимодействия приходится для урумского языка на конец XV - конец XVII ве-

ка и связан с распространением турецкого языка, а отчасти и языка балканских турок (тюрков) в южной части полуострова и городах Крыма [Радлов 1896: XIV], с одной стороны, и противостоянием ему кыпчакско-ногайских наречий степного Крыма, которые обосновались здесь со времен Золотой орды [там же: XIII]. С этим периодом логично связывать вытеснение формы на -ран огузскими причастиями на -ан, -мыш и главным именем на -дых в говорах, лежащих в основе огузско-кыпчакских и огузских урумских говоров (хотя внедрение причастия на -мыш началось раньше), замещение вспомогательного глагола бод- "быть" огузским эквивалентом од- в этих же говорах, а также в говорах, на базе которых сформировались кыпчакско-огузские говоры СМ, Б,У, и другие изменения. Последний период кыпчакско-огузского взаимодействия, начавшийся с момента поселения в Северном Приазовье, длится до настоящего времени. Здесь речь идет уже не о взаимодействии языков, а о взаимовлиянии, точнее - о слиянии в едином говоре того или иного приазовского населенного пункта качественно различных именно в плане соотношения кыпчакских и огузских элементов урумских говоров разных поселений Крыма. Этот контакт, по всей видимости, имел место не во всех приазовских урумских населенных пунктах, ибо, к примеру, о Старобешеве, Першотравневом и Старом Крыме известно, что их основали выходцы из одного населенного пункта в каждом отдельном случае. В отношении других приазовских урумских поселений можно строить предположения, что их, вероятно, основали выходцы из разных крымских сел. Это относится к Великой Новоселке, урумскую часть которой основали якобы выходцы из Большой Ени-Салы и Ай-Яна (под последним названием известна югобережная Ливадия [История 1974: 743]; но ввиду отсутствия в говоре ВН соответствующих огузских компонентов мы все-таки склонны к предположению, что айяны были румелями; в противном случае надо искать селение Ай-Ян в кыпчакской зоне Крыма), к Комару (хотя, кроме Камары, другие исходные пункты в использованных источниках не упоминаются, такое предположение может быть основано на том, что один из комарских выселков именуется Ялта, а в самом Комаре распространена фамилия Аррын) и к Улаклам (одно из его старых названий - Джемрек). Об основной массе урумских поселений Северного Приазовья то, что они основаны выходцами из разных крымских населенных пунктов, известно достоверно. Так, село Богатырь основано выходцами из горного Богатыря и предгорной Лаки; в Гранитном поселились жители прибрежной Карани и предгорных Мармары и Черкес-Кермена; в Староласпу прибыли выселенцы из югобережной Ласпи и далеких Алсу и Качи-Кальяна, расположенных в зоне кыпчакских говоров; из сравнительно компактного района прибыли поселенцы Старомлиновки; что же касается

Ицанова и Старогнатовки, то в них оказывались представители городов, в которых обитали урумы и тюркоязычные грузины соответственно.

За время относительно изолированного развития в каждом из населенных пунктов, изначально основанных в Северном Приазовье, как и в образованных позже выселках, произошло выравнивание (усреднение) диалектной нормы: на месте механического соединения разноречий систем были выработаны обобщенные, целостные говорные системы, подчиняющиеся перестроенному и вновь отрегулированному естественным, стихийным путем механизму языковых закономерностей. Не будет ошибкой, все же, сказать, что процесс стабилизации не везде еще завершился и теперь, хотя заметная однородность (диалектная в данном случае) прослеживается уже и в речи представителей самого старшего возраста, чьи языковые навыки сформировались на рубеже XIX - XX веков. Однородность бытового речеупотребления, что немаловажно в данном смысле, основывается на практическом знании и последовательном отграничении форм и слов, не употребляемых в данном конкретном говоре. Причем, количественное соотношение между употребляемыми и не употребляемыми в говоре формами у сведущих информантов далеко не в пользу родного говора. Формы, не употребляемые в быту, представляют собой не только пассивный фон повседневной речи, но вместе с этим и неисчерпаемый резерв развития языка, особенно таких его качественно зрелых разновидностей, как народнопоэтическая и литературная.

Диалектное членение между говорами их носители осознают более-менее четко. Но, несмотря на это, у некоторых из них, в частности у тех, кто длительное время проживает в иноязычной среде, и, закономерно, у их ближайших местных родственников представление о междиалектных противопоставлениях оказывается не вполне адекватным. И как следствие этого - неосознанное диалектное смешение, также определенным образом урегулированное в виде системы семейного языка. Это - путь неосознанного использования иноязычных элементов, возникающий в результате открывшейся в приазовский период возможности индивидуальных миграций, порою довольно интенсивных. Такое неосознанное диалектное смешение нам пришлось наблюдать, например, в семье Кирилловых из Комара и в семье Ангелиных из Старобешево. В первом случае отмечались привнесенные в семейный язык кыпчакские элементы улаклинского говора, во втором - огузские элементы старогнатовского говора, - произошло сближение с говорами невесток, длительное время поддерживавших контакт с родным говором. К примеру, в комарской семье Кирилловых вместо закономерных аффиксов родительного падежа -ын и винительного -ы (после согласных и гласных) нередко приходилось фиксировать соответствующие кыпчакские формы -нын, -нын и -ны, формально

ассоциируемые с местными огузскими поствокальной и притяжательной формами тех же падежей. В старобешевской семье Ангелиных, где огузские элементы были привнесены вследствие брака на рубеже XIX - XX веков, фонетическое и морфологическое выравнивание семейной нормы в соответствии с нормой говора в целом завершилось - сохранились только лексические и отдельные лексико-фонетические и морфологические (см. описание имени на -малых) заимствования. Здесь отмечались огузские йағ "жир", сағ "здоровый", чоғ "много", ол- "быть, стать" при регулярных местных эквивалентах май, сау, коп, бол-, используемых более часто.

Существует также ряд ситуаций, когда иноговорные формы применяются вполне осознанно: при пересказе, цитировании и, что особенно важно, в структурно устойчивых кратких рассказах о событиях, произошедших якобы в том или ином соседнем урумском селе. В такого рода произведениях речь персонажей колоритно стилизуется в соответствии с нормами соседнего говора, благодаря чему создается впечатление достоверности, усиливающее комический эффект. Для примера приведем рассказ, записанный в Новом Комаре от двух лиц. Первый из рассказчиков изложил его таким образом: Чечинір еді бір зенді'ін баатырлы. Ахчиси чоғ еді. Пек север еді ічмее. Ічті бітірді ахчисіні. Йохтур ічмее шій. Сора сатты йерлерні. Сатты йерлерні - кунде де йапар еді йантых. Ічер еді ... "Жил себе один богатый богатырец. Денег у него было много. Очень любил выпить. Пропил деньги. Не за что выпить. Потом продал землю. Продал землю - опять стал ежедневно готовить чебуреки. И пить ...". Не предусмотренное стилистическим намерением употребление собственных, комарских, слов йапар еді йантых вместо стилистически предполагаемых богатырских словоформ понудило первого рассказчика оборвать неудавшееся повествование. Второй из рассказчиков, подойдя к изложению более осознанно, такой ошибки уже не делает и вкладывает в уста горемыке из Богатыря богатырские слова в богатырском же фонетическом и грамматическом оформлении: Бар еді Баатыра бір зенді'ін адамы. Йері чоғ еді. Малы чоғ еді. Севей де ашап ічмее. Кунде де чырлама. Сатты ічті бітірді шорбаджліні. Сатты йерлерні. Халлы зырзыбыллы. Сора отурду, тушунду-тушунду ... Ахылна фт'ір: не ашап ічмее? Де дій: "Ей! Ун болса, май болса, йет болса, тобан болса да, да нійет т'елін де евде болса, а шінік йасар едік чырламаны, отруп ашап ічер едік!" "Жил себе в Богатыре один богатый человек. Земли много. Скота много. Но любил поесть и выпить. Каждый день чебуреки. Продал, пропил хозяйство. Продал земли. Остался гол как сокол. Потом сидит себе, думает ... А на уме одно: что бы такое поесть и выпить? И говорит: "Эх! Вот если бы была мука, и масло, и мясо, и солома, и

наконец если бы еще и невестка оказалась дома, то тут же приготовили бы чебуреки и сели бы выпили-закусили!"

Приведем также пример цитирования при пересказе действительного факта. Рассказывает Герасим Данилович Хара, 1894 года рождения, Великая Новоселка: Бардым ичмеге камаралыра. Мана т'ерск те ангчы мимеге дувар стуне. Хардашына хычырый: "Олан, абрада мердвені кетур-се бырада!" - Бахайым, барайым - тетірій ангчы "Пошел я работать к одному жителю Комара. И вот понадобилась мне лестница подняться на стену. Кричит он брату: "Ану, подай-ка вот эту лестницу вот сюда!" - Смотрю, смотрю - несет лестницу". В реплике комарца использованы только комарские слова и формы.

Прозаическое повествование в целом, за исключением указанных иноговорных стилизаций, строится согласно нормам родного говора. Применяемые в повествовании словоформы несколько не отличаются от собственных повседневной разговорно-бытовой речи. Отличие речи художественного повествования от разговорно-бытовой имеет внутридиалектный характер и состоит в подготовленности повествования, грамматической уравниваемости выражений, тогда как разговорно-бытовые фразы характеризуются лапидарностью, фрагментарностью, эллипсисом, парцелляцией, перестройкой в ходе формулирования, а следовательно, и определенным аграмматизмом, аграмматизмом осознанным, контролируемым, устранимым. Данным отличием намечается сознательно выработанное и исторически закрепленное противопоставление между урумской разговорной речью и языком урумского народнопоэтического творчества, противопоставление, ставшее воплощением общего эстетического принципа надразговорности, а в более широких рамках - наддиалектности фольклорной речи и литературного языка.

Османская традиционная придворная поэзия в том направлении крымскотатарского песенного творчества, которое обслуживало правящие круги общества и его просвещенные слои, как уже отмечалось, приобрела значение образца художественной выразительности и изысканности. Вместе с этим, татарские песни простого народа были оставлены за пределами светской благопристойности. Эстетизация поэтического творчества народных масс путем насыщения его османизмами превратилась в основной художественный принцип. Этот конкретный художественный принцип мог вырасти и получить расцвет только в недрах колониальной и клерикально-иерархической системы. И он таки вырос в ее лоне и дал необычайно обильные плоды на фоне общего эстетического принципа надразговорности, который литературный язык, язык народнопоэтического творчества как "отобранный, обработанный, отшлифованный" (Евгеньева 1963: 339) резко противопоставляет языку простого народа. В связи с

этим очень уместно вспомнить получившие высокую оценку И.К.Белодеца /1961: 28/ наблюдения П.Г.Житецкого над языком украинских народных дум. Указывая на "внешние черты, сближающие думы со старинными произведениями украинской литературы", П.Г.Житецкий писал: "Нельзя не заметить в языке дум книжных, церковно-славянских элементов языка. Они встречаются очень часто не только в поучительных, но и в исторических думах. Например, певец много раз отступает от обычного русского полногласия и заменяет слова: голос, голова, золото, города словами: глас, глава, злато, гради, - или просто использует церковно-славянские слова вместо народных: перст, прах, уста, смирение, собрание, возлюбити, вздохати, вкушати, аще, паче, найпаче и т.п. У него даже формы церковно-славянские преобладают над народными: од, сустав, під носі, будеші, рече и т.п. Стремясь сохранить церковно-славянский колорит речи, певец переделывает слова таким образом, что они приобретают не то книжный, не то народный облик, напр.: опрошение, олгати, у руках, олці. По поводу последнего слова известный исполнитель дум Вересай заметил: "все равно вовки, только здесь нельзя так говорить" /1919: 26 - 27/.

Противопоставление традиционной турецкой придворной поэзии и средневековой османо-турецкой песни татарскому песенному творчеству простого народа не было противопоставлением взаимонепроницаемых явлений: татарское народнопозитическое творчество воспринимало не только османские сюжеты и их образные решения, но и те языковые формы, которые служили их воплощением. Следовательно, в данном аспекте приобретает важное значение типологическое и генетическое отношение между турецким языком, с одной стороны, и татарским и урумским языками - с другой.

Турецкий язык вместе с азербайджанским, туркменским, гагаузским, халаджским, кавказскоурумским, южнобережными крымскотатарскими говорами и урумскими говорами Жданова и Старого Крыма входит в огузскую подгруппу тюркских языков. Крымскотатарский язык (за исключением указанных огузских говоров и степных ногайско-кыпчакских говоров) вместе с кумано-половецким, армяно-кыпчакским, мамлюкско-кыпчакским, караимским, карачаево-балкарским, кумыкским и приазовскими урумскими говорами (за исключением огузских) объединяется в кыпчакско-половецкую подгруппу. Различия между этими подгруппами охватывает лексику, фонетику, морфологию, а отчасти и синтаксис. В частности, турецкий язык, что для нас очень важно, отличается большим количеством арабо-персидских лексических и даже грамматических заимствований, особенно характерных для османского периода. Иными словами, эстетическая ориентация на османскую поэзию и османскую песню для татар и урумов

означала отход от собственной диалектной основы и насыщение поэтической речи лексическими, фонетическими и морфологическими элементами огузского, собственно турецкого, типа.

Примеров сознательного использования турецких эквивалентов в татарской песенной речи опубликованные тексты фиксируют более чем достаточно. Относятся они как к фонетике и морфологии, так и к дублетной лексике. Лексические османизмы, имея татарские синонимы, в отношении взаимозаменяемости с ними в языке песен не вступают. Для иллюстрации засилия арабо-персидских лексических заимствований в крымско-татарской песенной речи вполне достаточно привести первую строфу первой же из лирических песен сборника А.А.Олесницкого, который, кстати, сознательно избегал записи османских песен:

Сени манъа гъает гузель дедилер,
Керчек ми, гузелим, корьмее кельдим!
Шефталини дерде дерман дедилер,
Керчек ми, эльмасым, опмее кельдим!

"Мне говорили о тебе как о необычайно красивой,
Верно ли это, моя красавица, я пришел посмотреть!
Сказали, что твой поцелуй исцеляет от страданий,
Верно ли это, мой алмаз, я пришел поцеловать!" (1910: 37).

Усвоенный в Крыму проосманский художественный принцип, состоящий в эстетизации песенной речи путем отрыва ее от кыпчакской народно-диалектной основы и приближения к огузскому образцу, в урумском фольклоре выдерживается непоследовательно. Одна из причин - то, что этот конкретный художественный принцип часто вступает в противоречие с общим, надразговорным, художественным принципом. Для кыпчакских урумских говоров в соответствии с обеими этими принципами - надразговорным и проосманским - более возвышенным, эстетичным должно считаться огузское. А вот для огузских урумских говоров это уже не совсем так. Для них с переселением в Северное Приазовье диалектная ситуация изменилась более резко: в линейно-ступенчатой диалектной градации - от кыпчакско-половецкого к огузскому типу - с утратой турецкого и южнобережного татарского образца огузские урумские говоры заняли крайнюю огузскую позицию. А это означает, что они сами автоматически переняли на себя роль народнопоэтического эталона для всего урумского песенного фольклора и, в том числе, для своего собственного, местного. Тем самым конкретный, проогузский, принцип вступил в противоречие с общим принципом надразговорности, отталкивания от собственной разговорной речи. А согласно последнему в огузском говоре более эстетичной в новой ситуации должна считаться уже не огузская, то есть не своя, а какая-то другая известная из поэзии и повседнев-

ного общения речь. И таким языком, как ни парадоксально, в изменении языковой ситуации стал язык урумов-кыпчаков. В свете сказанного особенно показательной следует признать художественную престижность некоторых степных кыпчакско-ногайских элементов в песенной речи огузских говоров Жданова и Старого Крыма. Здесь не обошлось, вероятно, и без следов отмечаемого еще в конце XIX века влияния языка ногайского фольклора (поэмы "Ашых-Ғаріб", "Т'ерорду" и др. в Старом Крыму нередко именуются "ногайскими") "на язык татар-степняков через посредство своих ногайских песен и героических поэм, которые поются до сих пор певцами степных жителей" (Кримський 1974: 502 (ссылка на Радлов 1896: XVI)).

Ступенчатая градиация урумских говоров на кыпчакско-половецкие, кыпчакско-огузские, огузско-кыпчакские и огузские в сфере урумской песни перестраивается в обратном порядке, то есть таким образом, что некоторые кыпчакские говоры имеют более огузские песенные варианты речи, чем говоры огузские, а некоторые огузы - это явление сравнительно с предыдущим вследствие поэтической традиции менее развито - поют иногда более по-кыпчакски, чем сами кыпчаки. Естественно, при этом неизбежны гиперистические искажения, которых достаточно много в приводимом ниже фактическом материале, иллюстрирующем лексические, лексико-фонетические, морфологические, морфолого-фонетические и фонетические противопоставления-субституции стилистического назначения, базирующиеся на существующих диалектных расхождениях.

Среди разноструктурных явлений, воплощающих противопоставление песенной речи разговорному языку, выделяются недублетные, то есть такие, которые не имеют продуктивных эквивалентов в разговорной речи и дублетные. Недублетные противопоставления отмечаются на лексическом и фонетическом уровнях. В словаре они ограничиваются османотатарской лексикой преимущественно арабо-персидского происхождения, в том числе пришедшей через это посредничество из других языков или развившейся от заимствованных основ на турецкой почве. В рамках лексического слоя обращают на себя внимание следующие группы слов:

1) собственные имена персонажей: мужские - Ашых-Ғаріб, Алім // Алем, Ғамбер, Дервіш // Дербіш, Девіріш, Дервуш, Мелек, Хидирлез-баба, Шах-Фелек // Шах-Велед, Эйваз // Эваз; женские - Арзу, Гүльбостан, Зара, Зіліфсая, Зоре // Зухра, Махмерем, Нергіз // Нергуз, Нерд'із, напр.:
Анамың ады - Гүльбостан, "Имя моей матери - Гүльбостан,
Бабамың ады - Дарістан, "Имя моего отца - Дагистан,
Дайымың ады - Бек-Султан, "Имя моего дяди - Бек-Султан,
Айсылдым Арзы-достан, "Расстался я с подружкой моей Арзы"

Амуратов 1962: 182, 185.

2) собственные географические названия: Алеп // Аліп, Халеп, Бахчисарай, Агоф, Табі, Місір // Мусур, Арап чельдері, Гурджустан, Ахменчіксу // Ахмечіксу, Ахчечітсу, Бумбарексу и под., напр.:

Не йерден д'еліп анда д'ідерсыз, турналер?

Д'елішініз Багдадтан мы, турналер?

"Откуда и куда летите вы, журавли?

Не из Багдада ли летите вы, журавли?" Г;

Евден еве т'ітер намы Теврізін-Таврузун

"Из дома в дом ширится слава о Тевризе, о Таврузе" СК;

3) клички и названия коней по определенным признакам: Айванго-ру, Арабат // арабат, мырзат, напр.:

Арабат хазувлу-дур, "Арабат привязан к коновязи,

О хойун хозулу-дур Овца та суягная" СЛ;

4) поэтические названия вселенной, страны, родины, положения, судьбы, богатства, имения и пр.: алем "мир, вселенная", ветан "родина", земан "время, пора", мель "пора, время", девлет "счастье", дыр-ван // девран "счастливое время", халер "судьба", хазе "несчастный случай", сарай // сарай "дворец", барх "недвижимость, имение", медал "имущество", безістан // чаршу "рынок, торговый ряд, лавка", бумба-рек "рог изобилия, изобилие" и под., напр.: Йанды алем біяннан "С нашего края начался всемирный пожар" НБ; Бен сенден айрылсам, бір данем, ахыр земан-дыр "Если я разлучусь с тобой, мой единственный, настанет конец света" ВН; Йары йедже меліне (// хареріне) халум урул-ду "В полночь ко мне постучали" К; Болай-ды бенім евелът'і дырваным, тутай-дым сені "Если бы моя судьба не изменила мне, я схватил бы тебя" СМ; Ер худун башына (// башында) девлет мі хонай "Разве каждому выпадает счастье?" СК;

5) названия одежды, блюд, напитков, лекарств, драгоценностей, предметов туалета и т.п.: фес "феска", далфес (вид фески), леблебе // недебе "каленный горох", баде // шераб "вино", дерман "лекарство", зейір // зеер "яд", джывайыр "драгоценный камень", сіма "серебро", зіль "смола" и пр., напр.: Ерменідер далфес (// далфі, долфун) сатар "Армяне продают фески" П, Г; Істанболдан, аман, алдырайым, йаврум да, фесіні (// песіні, фесімі) "В Стамбуле я покупаю для тебя (себя) фески" СБ, Г; Ельлеріне ойнар да гулер баде шішесі "В руках у него играет-сверкает бутылка с вином" СГ; Авада думан, зільден хараллых "Стоит туман, темнее смолы" СБ; Сіма бензер ельлері "Руки ее подобны серебру" СЛ;

6) поэтические названия различных действий, развлечений, чувств и под. и составные глаголы на их основе: зеиш // сефа сур "развле-

каться", дерт "страдание", ит-иман "вера, доверие", диван дур- "уны-
ждать", девір ол- "разрушиться, погибнуть", фең "подлость, лукав-
ство", фырсант // фырсаг вер- "предоставить шанс", лайнх ол- "быть
достойным, быть к лицу", серіан ет- "наблюдать", майіль ол- "влю-
биться", раван ол- "двинуться в путь", тел(л)аф ет- "погибнуть", фе-
рах "радость", гендун кешкусу "вместилище души, страсти" и под.,
напр.: Ах не мушкул дертлере туштум "Ох какие тяжкие страдания вы-
пали на мою долю" СЛ, К, СГ, СК; Бір гузель ельмейлен (// ельменен)
дунйа девр олмаз "Со смертью одной красавицы мир не погибнет" ГК:
ІІ, 1-2; СКШ: 8, 8; Йол раван олуп т'иттілер "Они отправились в путь"
СГ; Сінеме бір чіфт джорабым вар, айып-тыр; Шах-Сенесі ах ельдере
лайнх-тыр "Есть у меня в душе пара куплетов - стыдно сказать; Его
Шах-Сене достойна чистых рук" СЛ;

7) поэтические названия близкого, любимого человека: а(й)де
"супруг, супруга", бір дане // мерданем "единый, единая", джаным "ду-
ша моя", дживан "красавец, красавица", диван(е) "безумный", дильдар
"любимый, любимая", йар, йаре "милый, милая", гуль // д'уль, йуль "ро-
за", назлы "нежная, кокетливая", самур ефенді "госпожа с собольими
бровями", еш, ашне "друг", ешх "свет (очей)", султан "любимый, князь"
и под., напр.: Хара хашым дживаным бен насын унутайым? "Как мне за-
быть мою милую, чернобровую?" СК; Хороз дегуль, дильдар еді "Это был
не просто петух, это был (мой) возлюбленный" Г;

8) эпитеты типа залым "благородный", маф "скрытый", суфет "бла-
городное лицо", тотай "благородный, знатный", харез "яростный, жес-
токий", ехтіяр "старый", халем (// халіп, худрет) ілен чекільміш
хашлер "брови, нарисованные пером; тонкие брови", напр.: Індже де
бельді йосма хызлар атір йапар, сормаз пара "Стройные, смуглые де-
вушки оказывают почтение и не требуют денег (за покупки)" СК;

9) имена существительные определительно-местоименного значения:
Өзү де ермені, заты да ермені "Сам он армянин, истинный армянин" Г;
Д'ечелім серінден, севдандан, д'ечмем йолундан "Пусть я отрекись от
тебя самой, от любви к тебе, но не откажусь от пути к тебе" ГК: 10
об., 7-9.

10) социально-административная, военная, социально-экономичес-
кая, культурная лексика, отражающая различные стороны турецкого и
татарского общественного уклада: апіс // апус "тюрьма", ахраба "род-
ственники", дженк "война", делдал "главатай, приказчик", забіт "офи-
цер, начальник", зулум "жестокость", ізмайільлер, ізрайільлер "вра-
ги", дохман ет'ім "эскулап, исцелитель", сейман "кавалерист", сілах,
сілах-савут "оружие", серпет "беседа", тайын ол- "быть назначенным,
посланным", чавуш "унтер-офицер", т'едам "слово", марефет "смысл",

ферман // фірман "письмо, приказ", шефре "письмо; цифра", шед'ірт "ученик", уста "мастер", евлад "наследник" и др., напр.: Падьададн ферман т'ельді - забітлер хурулду "От царя пришел приказ - выстроились войска" ВН, Б; Тайын олду беш-он сейман устуме "За мной было послано пять-десять всадников" Г; Ер т'еламдан бір марефет хапарсын "Ты улавливаешь смысл каждого слова" Г;

11) клерикально-культовая лексика, отражающая идеологию и атрибуты ислама: азіз "святой", адждер "дракон", арам "нечистый", ахрет "потусторонний мир", ахыр земан "конец света", джами "мечеть", едал "чистый", йунахт'ер "грешник", мевла(м) "господь", медет "прощение", мілайік // мелайік "ангелы", мінаре "минарет", молла "мулла", намаз // немаз, емаз "намаз, молитва", т'ефін "саван", теспе "четки", т'афір // д'авур "неверный", фелек панджасы "рука судьбы, злой рок", хыбле "кыбла", хыйамет "светопредставление", чешіш // т'ешнеш "монах-христианин", омрун дірегі "древо жизни", айнын он дөрду "полнолуние", напр.: Хара йерлер олур адждер "Черная земля превратится в (пожирającego) дракона" Б, СК; Джаным оджа, анем джаміде халды "Мой добрый господин, моя мать осталась в мечети" Г, СЛ, К; Мевлам сабурлухлар версін ВНБ: 4,12 "Да ниспошлет господь терпение"; Саба емазында Алептен чыхтым, уле емазында Карсунен Саза т'ельдім, ахшам емазында оджа Тифлізме т'ельдім "Во время утреннего намаза я вышел из Алеппо, во время полуденного намаза я прибыл в Карс, во время вечернего намаза я приехал в мой дорогой Тифлис" Г;

12) междометия ритмомелодического характера, используемые в рефренах: Атеші йанмаздан, аман, евелъ тутуну т'ітер "Прежде чем разгореться огню, аман, идет дым" Г; Ах не йаман аджелъ тушту пешіме, йар, пешіме "До чего же злая смерть выпала мне, ой, выпала мне" Б, Г, НК, ВН.

В отношении групп (10-11) следует заметить, что часть этой лексики на урумской почве подверглась переосмыслению, наполнившись местным социальным и клерикальным содержанием, благодаря чему собственно лексические недублетные противопоставления приобрели дублетный лексико-семантический характер, напр.: Аручан суйун, ей афелер, атымы атлаттым; Ат атлаттып, тоз хопарып кіслейе намаз йаптырттым "Через речку Аручан, уважаемые мои, перескочил я на коне; Уйдя за реку, я оставил за собой только пыль (и по этому поводу) заказал молебен в церкви" П; Ане, бенім т'ефіннігімі тікіңіз бойумджез "Мама, одежду, в которой будут меня хоронить, сшейте по моей фигуре" Б; Сійалара бойатайым тонуну, хыблелере овратайым (// күн батыйа чевірейім) йолуму "Я велю покрасить мои одежды в черное, я отправлюсь в святые места (поверну на запад)" Б, Г, СЛ, СК (Г); Бугун айнын он дөрду "Сего-

дня четырнадцатый день месяца" У, К, НН; Дедірим ханатидан чалдир дим кіратим, кералмадим шу т'афїрін суратин "Я дал украсть моего скакуна у мельницы, я не смог разглядеть лица этого неверного" СМ.

Если среди реалий урумской общественной жизни тождественного или соотносимого объекта обозначения не было, исходная семантика слова, как правило, затемнялась, утрачивалась, а бессодержательная словоформа видоизменялась внешне либо заменялась понятной. Ср. фрагмент крымскотатарской песни (1) с ее урумским вариантом (2), в котором названия двух первых букв арабского алфавита претерпели подобное превращение:

- 1) "Элиф" дедим, "бе" дедим, "Я сказал "алиф", я сказал "бе",
Анем, саңа не дедим?.. Мать моя, что я могу тебе еще сказать?
Элифим нокъчаланды, Алиф мой написан с дополнительным знаком,
Аз дердим чокъчаланды Моя малая боль умножилась"
Шерфединов, 1979: 297;
- 2) "Ане" дедім, "бен" дедім, "Я сказал "мама", я сказал "я",
Бен анеме не дедім?.. Что же такого я сказал моей матери?..
Т'елефім афталанды, Мой моток пряжи залежался (неделями),
Аз дердім чохчаланды Моя малая боль умножилась" Г.

В песенных текстах встречаются также свойственные только этому стилю урумского языка турецкие, татарские и старотюркские слова, многие из которых (это касается прежде всего собственных географических названий) являются адаптированными вариантами греческих, итальянских, армянских и других заимствований:

1) собственные имена людей: Ахчахыз, Кучубей, Т'ероглу, напр.: Ахчахыз, Ахчахыз, мевладан д'ельсін, ділерім аллахтан йарадан, сарып солсун "Ох уж эта Ахчахыз, пусть попадет ей от бога; умоляю бога-творца, пусть она пожелтеет и увянет" Г, СК; Бен бір Т'ероглуйум, дагдан йезерім "Я - Тёроглу, я брожу по горам" ВН - СК;

2) собственные географические названия: Азав, Анадол, Балыклава, Істанбол // Стамбол, Йалта, Йефе (из Кефе), Карсунен Саз, Караман, Нахчеван // Нахшуван, Лакшуван, Лакшыван, Ортабазар, Ортакапу // Ортахапу, Тавруз // Тевріз, Тіфліз // Діфліз, Ерзерум-Саз // Ерзулум-Саз, Свістополь, Т'ераспой, Ахденіз // Ахдерія, Эралсу // Харерас, Халерас, Туна // Турна, Урчандаг и др., напр.: Азавдан йелір бір ат "От Азова конь бежит" СБ; Орхапуя чатыр хурдум "В Перекопе я поставил шатер" НК; Не дерен-дір Турнанын суйл'ары "До чего глубоки воды Днестра" СГ; Т'ераспойнын базары йендім охоп хазарым "Посреди Тирасполя копаю себе окоп" Г;

3) нарицательные имена: йіе // шорбалді "хозяин", йайла // отла,

отдымахлых "настбище", пұл "мелкая монета", пара "деньги" // ахча, ахче, ахчи "деньги" и т.п., напр.: Йайлаларда бітен гуль сізін олсун; агулары бен іцейім - бал сізін олсун "Розы, растущие на горных пастбищах, пусть достанутся вам; яд выпью я - мед пусть будет вам" ІК: 2,4-6; Алтын-кумұш сайар едім - бір пула саттлар бені "Я пересчитывал золото и серебро, а меня продали за копейку" МК;

4) рефренное обращение Яврум "дитя мое, дорогой мой": Істан-болдан, аман, урба тіктім, Яврум, бойунджа. Т'ель, етіміз, аман, сарылайых, Яврум, тойунджа "В Стамбуле, аман, я заказал для тебя, дорогая, платье. Приди, аман, наобнимаемся с тобой, яврум, всласть" СБ; Чобана пенір йолладым - тузлу деңі, йемеді.- А Явругусу, налайды? - Йенді нечүн д'ельмеді? "Послала я сыр чабану - обозвал соленым и не стал есть.- Ну, так что же все-таки случилось? - Почему не пришла она сама?" СД;

5) в песнях встречается этническое самоназвание караимов, усвоенное из крымскотатарского языка; иногда оно заменяется термином чуфут "еврей" или истолковывается как собственное имя человека, сочетаюсь с этнотермином чуфут и существенно видоизменяясь: Он беш Яш-на карайымныч етүн патлаттым "Я испугал пятнадцатилетнюю караимку" ВН; в вариантах этой строки в других говорах имеем: карайын хызы "дочь караима" П, карайын// чуфут(ун) хызы "дочь караима// еврея" Г; карайын-чуфут "караим-еврей" СБ; Гаравиль чуфут "еврей Гаравиль" НЛ.

Отмеченная лексика (за исключением арабо-персизмов групп 4-9) в урумской разговорной речи дублетов преимущественно не имеет и в диалектном отношении для кыпчакско-огузского противопоставления песенной и разговорной речи не играет такой существенной роли, как междиалектные дублеты, хотя в целом и она служит возвышению стиля.

Междиалектное и тюркское межъязыковое взаимодействие в Крыму, совершавшееся на фоне внутритюркского противопоставления языка поэзии и песни местным диалектам, в речевой практике урумов переросло в противопоставление внутриязыковое, диглоссийное, особенно хорошо демонстрируемое рассмотренными ниже лексическими, лексико-фонетическими, морфологическими, морфолого-фонетическими и фонетическими корреляциями-субституциями, базирующимися на наличии в данном (крымском) тюркском ареале кыпчакско-огузских и кыпчакско-огузско-ногайских междиалектных эквивалентов. Благодаря стилистическому употреблению иноговорных эквивалентов текст песни видоизменяется в огузскую, кыпчакскую или ногайскую сторону, а песенная речь в целом возвышается над разговорной. Но тождество результата (надразговорность) не всегда имеет одно и то же происхождение, основание: в произведениях, усвоенных из фольклора других тюркских говоров и языков (а таких

текстов, как показал обзор источников урумского фольклора, очень много), сохранение инодиалектных элементов следует рассматривать как сознательное неадаптирование, а в ранее адаптированных текстах и в песнях местного или диалектно близкого происхождения - как сознательную стилистическую субституцию (замещение) разговорно-диалектных эквивалентов.

Огузско-кыпчакские лексические пары стилистических дублетов образуют:

1) имена существительные дугун / той "свадьба", йар / май "жир", кепек / йит "собака", ель / хол "рука", хара / хатын "жена", атеш / от "огонь", напр.: Варшавадан д'елд'ен сон олур бизим тоймуз "После возвращения из Варшавы состоится наша свадьба" К / Т'етти йарем дугуне - йетишмеді кунуне; елуме аны йоллайым - йетишмесін кунуне "Пошел мой милый на свадьбу - не успел к сроку; пошлю-ка я его за смертью - пусть тоже не успеет к сроку" ИБ (здесь словоформы дугуне, елуме снабжены огузским показателем дательного падежа);

2) имена прилагательные сар / он, он "правый", д'енч / йаш "молодой", узах / авлах, йирах "далекий" и под., напр.: Уйан, йарем, уйан-са, сар(он) СК йанында дайан-са "проснись, милая, проснись, на правую руку облокотись" Б;

3) местоимения и местоименные наречия шу / бу "этот", шунда / мында "здесь", йенді, д'енді / өз "сам", онда, орайа / анда "там, туда", онда, орада / анда "там", нерейе, анда / хайда "куда, где", нереди, анда / хайда "где, куда", бурайа / мында "сюда", бурада / мында "здесь, сюда" и под., напр.: Берселер алыр едім - йенді башым пийаде "Я взял бы тебя замуж, если бы отдавали, - так ведь меня самого забирают в обидаты" В / Д'ельді Эваз, бахты Т'өрүн гезуне; йа бу-дур не бір евал?- сорду Т'өрүн өзуне "Подоспел Эваз, посмотрел в глаза Т'өроглу; "Что же это такое?" - спросил он самого Т'өроглу" Ж;

4) глаголы ара- / хыдыр- "искать", бул- / тап- "находить", брах- / ташла- "бросать, покидать", бур-, ден- / айл'ан- "поворачиваться, оборачиваться", гыдырлат- / йуварлат- "катить", дал- / тын- "тонуть", девріль- / йыхыл- "свалиться, развалиться", йап- / йаса- "делать, строить", нейле-, нап- / наса- "что делать", ен- / туш- "опускаться, вставать, сходиться", йалха- / йув- "обмывать", йе- / аша- "кушать", йек-, ек- / сач- "садить, сеять", йолла- / йибер- "посылать", турку селе-, айт- / йырла-, өт- "петь песню", халдыр- / көтер- "поднимать, выпрямлять", хырд- / сын- "ломаться", гендур- / т'етир- "приносить; привозить" и т.п., напр.: арасам да буламам СМ / хыдырсам да тапамам СГ "как бы я ни искал, не найду".

Стилистическую контаминацию условной связки олса, известной

всем урумским говорам, кроме кыпчакско-половецких (где имеем болса), и связки есе, ісе, свойственной преимущественно огузским говорам, представляет собой условная связка ельсе, отмеченная в песенном тексте одного из кыпчакско-огузских говоров: Т'елір ельсен, т'ель йаньма, сійа сачиң сар бойнума "Если захочешь прийти, приходи ко мне, обвей свои черные волосы вокруг моей шеи" Б.

К собственно лексическим противопоставлениям-субституциям при-
мыкают лексико-фонетические. Генетическая связь между огузскими и кыпчакскими лексическими основами, образующими эти оппозиции, установлена этимологически. Сюда относятся дублиеты ев / үй "дом", сев- / сүй- "любить", о, у / ол "он, тот", арла- / йыла-, ног. джыла- "пла-
кать", йармур / йавун "дождь", йығ- / джың- (ног.) "собирать", йа-
йан / джайав (ног.) "пешком" и т.п., напр.: Ахар деніаін сүйу, халыр
деһаньн хуму. Шінджік урум законнары - севен севенін (сүйген сүйге-
нін) хулу "Волны скатываются назад в море, остается морской песок. У
урумов теперь закон: любящий - раб своего возлюбленного" К; Таван
бууов йук джыйдым / йырдым "Я собрала приданное - до самого потолка"
СК/Б.

Морфологические противопоставления-субституции имеют место глав-
ным образом в сфере глагола, где огузским (и некоторым кыпчакским)
языкам (диалектам) свойственны формы, не имеющие фонетически видоиз-
мененных соответствий в большинстве кыпчакских урумских говоров, и
наоборот. Эта группа включает прежде всего формы, не отмеченные в
разговорной речи всех урумских говоров, а именно: желательное наклоне-
ние 1-го л.ед.ч. на -елім (1), настоящее длительное на -ой^ор (2),
должностовательное наклонение на -малы (3), сравнительно-термина-
тивная форма на -дыхча(с) (4), например: 1) Бір мінасіп йарем йох-
тур, арз етелім адым "Нет у меня достойной подруги, чтобы я воспы-
лал страстью" ГК: 9,12-14; 2) Есме/р/ гүзель Муктар-паша: "Едірне-
ден т'ечмем", - дейор "Прекрасный смуглый Муктар-паша говорит: "Я не
пройду через Эдирну"" Г; 3) Айда йылда хайдан алмалы айаз авален
хуррах авайы? "Откуда же набраться на все времена года морозной и
сухой погоды?" У; 4) Бен сенініден, ашнам, олдухчез, кер, нелер
т'ельді башыма "Пока я был с тобой, мой друг, посмотри, что свали-
лось на мою голову" ГК: 9 об., 1-3.

К числу внутриурумских морфологических противопоставлений-суб-
ституций принадлежат корреляции, образуемые огузскими формами огуз-
ских урумских говоров, отсутствующими в огузско-кыпчакских и кыпчак-
ских говорах, и их маркированным кыпчакским эквивалентом (форма на
-ған с ее дериватами), а именно: причастно-предикативной формой на
-мыш, объем значений которой в целом передает синкретичное глаголь-

ное имя на -ран, контаминирующее с ним огузское причастие на -(й)ан, прошедшее категорическое на -ды и другие формы атрибутивного и предикативного употребления (1), глагольным именем на -дых, соотносимым с кыпчакским глагольным именем на -ран (2), адвербиальной формой того же имени на -дыхта, противопоставленным кыпчакской форме на -ранда (3), напр.: 1) Багъмыза харелер йазмыш - ону герейим "Судьбой мне предназначены испытания - испытаю их" Г; 2) Миндерим (// минерим - обе формы вместо миндигим) чал атым дарлер ашырыр "Мой чалий верховой конь перелетает через горы" СМ; ельдугуме (// ельгениме) йанарым "я переживаю, что умру" Г; ср. кр.-тат. Гузельдигинь йарашыр да, бакъкъан козьлер къамашыр ... / ... Нагъышларны нагъышлар да, сердигине багъышлар "Ты сияешь красотой, ослепляя всех кругом ... Вышивают узоры и дарят своим любимым" [Шерфединов 1979: 967; 3) Бен йареме д'иттикте (// д'иткенде) хопту бир йармур У / Т'итер едим о йана, тутту бир йармур СЛ, Бен йареме д'идер едим, тутту бир йармур СК "Когда я шел к моей милой (в ту сторону), вдруг пошел дождь".

В песенных текстах встречается также несколько окказиональных словоформ, образованных с известной стилистической целью вопреки грамматическому строю урумского языка и общим правилам структурной организации тюркских языков в целом. К ним относятся формы имени существительного с двойным аффиксом принадлежности (1), аорист на -ар вместо -ыр (2), 2-е л.мн.ч. повелительного наклонения с фиктивным й (3), 3-е л.мн.ч. прошедшего категорического времени индикатива с дважды употребленным аффиксом множественного числа - перед показателем времени и после него (4), форма нового творительного падежа на -йлен от причастия на -малы (-малыйлен) (см. при описании долженствовательного наклонения на -малы), напр.: 1) Йыхтым да веран ейледим генлүмүн көшкүсүнү "Я опустошил и разрушил обитель моей души" ГК: 9 об., 17-18; 2) Султан өгүне ісе, гүль-гүль пошум барланар (// бейленір НБ) "Если (конь моего возлюбленного) Султан окажется впереди, ему на шею будет повязан мой платок с розами" СБ; 3) Торатымы борлайманыз (// борламаныз СЛ, НЛ), йаш джанымы хорлайманыз (// хорламаныз СЛ, НЛ) К "Моего гнедого коня не отбеливайте мелом, мою молодую душу не терзайте"; аналогичный вставной й отмечается также в отрицательном варианте форма на -(й)аджах: Онмайайджах джирен тай, халмайайджах ардына К / онмайаджах, халмайаджах СБ, П, СЛ, К, онмайаджах ВН, олмайаджах СБ, СГ "Не победит игреневый конь - нет, он не должен остаться позади"; 4) Джума йахын сабасы Оленькайы чарырлардлар, румкалары толдурдлар, Николайы сійл'ардлар "В пятницу под утро позвали Оленьку, наполнили рюмки, угощали Николая" СЛ. Вероятно, последняя из форм возникла вследствие стижения составного показателя давнопро-

шедшего категорического времени с вероятным двойным выражением множественности: чагырдылар < чагырдылар еділер. Форма (1) с двойным аффиксом принадлежности могла возникнуть по аналогии с притяжательными формами выделительных числительных типа бірісі "один из них", үчүсү "трое из них", бешісі "пятеро из них", получившими распространение и в разговорной речи, и в песнях: Сычаннарын бірісі, ат хадар-дыр йірісі "Одна из мышей, самая крупная из них - величиной с коня" СЛ; Сычаннарын сүрүсү, ат хадар-дыр бірусү "Мышей целое стадо, одна из них - величиной с коня" СЛ; Обадан т'едір үч (// беш) атлы, үчүсү (// бешісі) да торатлы "От холма приближается три (пять) всадника, все три (пять) на гнедых конях" ВН.

Как дань песенной традиции следует рассматривать сохранение некоторыми морфологическими формами функций, утраченных ими в разговорной речи. Чрезвычайно широко и разнообразно употребление в песенных текстах слитного дееспричастия на -а(1), в том числе редуцированного (2); нередко встречаем здесь формы почтительного (3) и субстантивизирующего (4) множественного числа. К архаичным принадлежит сравнительно-заместительное использование дательного падежа глагольного имени на -аджах (5). Примеры: 1) Гөзлерім бузлайа бузлады, гөрмей "Глаза мои устали ждать и ничего не видят" Г; 2) Ахшам д'ітер, саба д'елір - халырым йана-йана "Вечером уходит, утром приходит, а я остаюсь тоскою" СЛК: 2,3; 3) Нерелере йезей-дірлер гөндүмүн еглендесі? "В каких же краях бродит услада моего сердца?"; Анелер, хардешлер, оздуруң бені "Вы, мама, и вы, сестры, проводите меня" ВН; Күйев де бегін долусу, ід'ітагаларын шеннігі "Это кубок князя-жениха, ради увеселения их боярина" СЛ, СГ; 4) Баштан айах сйаларын т'іймішін "вот ведь с головы до ног ты оделась в черное" Б; 5) Татлы шарап ічейім анда вараджарыма "Чем туда идти, выпью сладкого вина" У.

Определенный грамматический интерес вызывают формы арабского множественного числа, употребляемые и самостоятельно, и в сочетании с формами единственного числа - в виде парных словосочетаний собирательного значения, напр.: хачан т'ельді йаш башыма - евал бильдім "а когда пришлось испытать самому, тогда я понял, что это за состояние" У; Алым-евалым (// алым-елалым), алым-евалым, анда варайым? "Вот так положение у меня, вот так состояние - куда мне деться?" ВН; джыйылмыш мелайклер (// мелек-мелайклер) джамы алмайа "собрались ангелы забрать мою душу" СЛ; Хойдан дөгүлүм, айрылдың малдан-мелалдан "Нет, не овец, все, что имели, мы потеряли, и имение, и души" СВ; ефт'арымдан (// фт'ір-ефт'ардан) уйандым "я проснулся от разных мыслей" СК; ср. в эпистолярной речи: шіндікі халда малым-мелалым - ікі ер евалдым, екі хазуи вар "Все что у меня есть в настоящее вре-

мя - это два сына, два моих глаза" ЦНБ У, 3668: 1 об.13-14.

Морфолого-фонетические оппозиции, используемые стилистически, охватывают формы именного и глагольного словоизменения, огузские и кипчакские показатели которых различаются фонетически, восходя к одним и тем же морфемам-этимонам, а именно: родительный падеж на -ын / -нын (1), дательный падеж на -(й)а / -ра (2), а также инфинитив на -ма(й)а / -мара (3), винительный падеж на -(й)ы / -ны (4), соответствие н/ң в аффиксах 2-го лица (5), причастие на -(й)ан / глагольное имя на -ран (6), желательное наклонение (конъюktiv-оптатив) на -(й)ай / -гай (7), форма невозможности на -ама- / -алма- (8). В случаях (1-2; 4), как и при классификации говоров в целом по данному признаку, имеются в виду диалектно дифференцированные условия аффиксации, хотя во всех говорах, естественно, отмечаются позиции, диалектно индифферентные (после аффикса принадлежности 1-2 л.ед.ч., после основы на гласный а и др.). Случай (8) включен в эту группу гипотетически - в виду вероятного допущения о происхождении аффикса -а- не из у- "мочь", а из ад- "брать", - в противном случае здесь речь должна идти о морфологической оппозиции. Примеры: 1) Чыхтым даглерин башына "Вышел я на гору" Б / Не йуксек-тир шу Тифлизнин тепелер - онда йармур йарса, бунда сепелер "Как высоки вершины (крыши) этого Тифлиса - если там идет дождь, то здесь только накрапывает" СК; 2) Гурджуден Бешуйе атлы йетишти "Из Гурджи в Бешев прискакал всадник" СБ / Авлах кейд'е хыз вермек товбе осун "Отдавать дочь замуж в дальние края пусть остерегаются" Г; ср. кр.-тат. бир омуздан бир омуза сачлары бар ... бир таш аттым пенджереге "пышные длинные волосы покрыли ее плечи ... бросил я камушек в окно" /Шерфединов 1979: 156/; 3) Оленьканын бойну бйаз - алтын да йох тахмайа "Шея у Оленьки бела - а золота нарядиться нет" П / Йеди йыл чобан йурдум - ет'и ельме бир тайах. Сарылмара варганда не ель тутар, не аяха "Семь лет я прослужил чабаном, и что из этого - палка в руках и больше ничего. Иду обниматься - и руки обвисли, и ноги подкашиваются" БК; 4) Кект'е гегурджуен учай, ханетийи пек ачай "В небе летает голубь, он сильно машет крыльями" У / Мен чирт'инни (// чирт'ини) стемем "Уроdlивую я не хочу" К; ср. кр.-тат. Атнын алдым, берейим, кюйунны сойдым, толейим ... Агъасын-агъа, ат окьунны, корейим йолунны "Если я отнял у тебя коня - верну, если зарезал овцу - возьму ... Господин из господ, ану-ка выстрели - посмотрю, на что ты способен" /Шерфединов 1979: 18/; 5) анан-бабан хайль боса "если твои родители согласятся" СБ / Варыныз, айтыныз бабеме "Пойдите, скажите моему отцу" СК; 6) Т'елип д'ечен йахшы достлар: "Бу наз йолдху?"- десиннер "Хорошие товарищи, проходя мимо, пусть спросят: "Что это за путник (здесь по-

хоронен)? " Б / Ет'і гузель суиа т'ітер, суйну алган сериан етер
 "Две красавицы пошли за водой; набрав себе воды, идут, смотрят по
 сторонам" СК; 7) Бен аллайа йалвардым, берей бір евлд "Я умолял бо-
 га, чтобы он послал наследника" ВН / Мінмегейдім (// мінмейейдім) йук-
сек чарбак устуне, алмарайдым (// алмайайдым) сілах-савут еліме "Не
 следовало бы мне садиться в высокое седло, не надо было бы брать ору-
 жия в руки" Г; 8) Атым-арабам сатамам (// саталмам), беш йуз манеді
йапамам (// йапалмам) "Ни коня, ни воз я не продам, пятисот рублей
 не соберу" Б, У.

Противопоставления-субституции фонетического уровня получили развитие на базе исторических изменений отдельных звуков (междиалектных чередований) - как не связанных с определенной позицией в слове (в слоге, в корневой, словообразовательной, формообразовательной или словоизменительной морфеме). Поскольку эти оппозиции-чередования являются воплощением исторического процесса дифференциации языков и диалектов, принявших участие в формировании урумских говоров и их песенной речи, при их описании будем исходить именно из сложившихся исторически местных огузско-кыпчакских, ногайско-кыпчакско-огузских, инотюркско-урумских (субстратные новогреческие элементы в урумском языке) и наддиалектно-разговорных соответствий, выделяя в каждой из этих групп выявленные корреляции-субституции указанных структурных типов. Структурный подход, таким образом, полагаем целесообразным подчинить генетическому.

Огузско-кыпчакские фонетические корреляции-субституции:
позиционно свободные:

к / х < қ - общеурумская закономерность, изначально развившаяся на почве противопоставления кыпчакской базы урумского языка ту-рецкому языку, а затем распространившаяся и на отношение урумского языка к крымскотатарскому, сохраняющему в степном и среднем (горном) диалектах и литературном языке этимологический қ /Изидинова 1982: 6-8/; истоки самого перехода қ в х неясны, и потому этой корреляции мы даем чисто урумистическую интерпретацию, предостерегая от интерполяции на кыпчакско-огузские отношения в целом. Примеры: Бакчі бакчіден йезерсін, ок йузель "Ты гуляешь по садам, красавица" СБ; Кырымда бак-чі бакар едім "Я служил в Крыму садовником" ИД; ср. аналогичное непосредственное замещение стилистического назначения в письменной речи XVIII века: халан хусуруну Фодордан алдык "остальную разницу от Федора мы получили" ЦНБ У, 3665: 1 об., 2; егер кайыл олурса "если он согласится" ЦНБ У, 3642: 4 об., 8-9;

Р / г < ғ - чисто урумский стилистический рефлекс предыдущей закономерности, основанный отчасти на сохранении взрывного г в аффик-

сах с заднерядным вокализмом после конечных н, в, р основы в отдельных говорах (йанган "он сторел", агдай "пусть помянет" СБ, борган "он задушил" В). Примеры: Сен эзене варгансын (// варгансын) "Ты пошел к реке" ВН; он пармагы йузук толу "все десять его пальцев унизаны кольцами" У; йеді йыл-дыр мен Гарибі гермедім "уже семь лет я не видела Гариба" СК; Йитме, Ашхк, Йитме, Гариб "Не уходи, Аших, не уходи, Гариб" СК;

Ø / x / к < h, Һ - субституция, основанная на падении арабо-персидских h, Һ в урумских говорах и сохранении их в турецком языке и южнобережных крымскотатарских говорах; в звене х > к воплощает первую общеурумскую закономерность. Примеры: Султан ошха Йеткенде "когда Султан пускается в скачку" (разговорное хошу "скачка") НВ; ср. в письменной речи XVIII века: хөкүмлю (исправлено на өкүмлю) "всемогущий" ЦНВ У, 3679: 2,9; карийет вересиніз // карийат етесиніз "свершите благое деяние" ЦНВ У, 3642: 2 об., 38, 41 (< хайрат);

позиционно связанные корреляции:

д- / т- - в огузских говорах Ж и СК заметно преобладание звонкого начала; некоторое количество слов, в отличие от других говоров, начинается со звонкого и в огузско-кыпчакском говоре СГ; есть слова, которые во всех говорах (иногда как параллельные) выступают со звонким началом, - это, естественно, заимствования через турецкий язык или из турецкого языка: давул "барабан", даре "бубен", делі "глупый", демір (// темір) "железо", деніз, деніз "море", дериа "река; море", дегіш- "меняться", добра "сумка", докса "радуга", долап "шкаф (стенной)", домуз, донуз "свинья", дөрт "четыре", дувар, двар "стена", дудак "губа", дут "шелковица", душман "враг", дудьбер "красивый", дүния "мир, вселенная", дос-догру "совершенно ровный" и др.; использование в песенной речи огузских эквивалентов со звонким началом, таким образом, поддерживается наличием в разговорной речи таких и подобных им слов, а также поэтическими арабо-персидскими заимствованиями со звонким началом. Примеры: д'ім йувар бені? "кто омоет меня?" ВН; Алем дутудду "Алима поймали" СБ, Г; дут тірек ... путахлары дутдараң "шелковичное дерево ... его ветви покрыты шелковицей" П; ічі долу сирырчых "внутри полно скворцов" СМ; д'енарлардан бен йурейім "обочиной пойду я" БК; бу т'імін долусу? "чей это бокал?" Б.У / ің-тім толуйу "я выпил бокал" СГ; ерік талы хырлың "сломалась ветка сливы" СК;

стилистическое замещение т->д- иногда происходит также в начале аффикса и даже в конце морфемы: санд'ім бен де йар сардым "как будто и я обнял подругу" ВН; Вашылад'і касынкам сачахлама "Ты не навдигай косынку мне на глаза" Б; йиді йидінін хызы "собачья дочь" Г;

Йері Йарадан СЛ / Йері Йаратан СЛ, ШЛ, БК "сотворивший землю"; Йаремін Йурдалары СГ / Йуртлары Г "дом моей любимой";

к- / г- - закономерность, аналогичная предыдущей: бізге Йарыхлы гүлдер гүзде олур "яркие цветы бывают у нас осенью" НБ; тат'ісігі гүмүштен "ключики у них серебрянные" П; гек халпарым асувлү халды "моя голубая шапочка осталась висеть" Б,К; гүйев де бегін долусу "это кубок князя-жениха" ШЛ / аллах верді кур Йүрек "бог дал мне большое сердце" У, СК; дукмелеріні (// дүгмелеріні) чезерсін "расстегиваешь пуговицы" СБ;

х- > к- > г- - двойная субституция на основе описанных выше закономерностей: дал согахтан далып д'едіі "по переулку приближается" У; в письменной речи XVIII века: гызметк'ар "слуга" // кызмет "услуга, служба" ЦНБ У, 3684: 4 об., 3-4, 5-6.

г- / х- - чисто урумский стилистический рефлекс закономерности к- / г-: фарралар харе д'ійіп, рузгуллар арлер "галки оденутся в траур, вороны оплачут" ВН;

г- > х- > к- - двойная субституция: Сен йідерсі курбетілен веран чөллеріне "Ты уезжаешь в дальние края, на чужбину" НБ; в письменной речи XVIII века: хайкылары "их печали" ЦНБ У, 3642: 2 об., 36;

б- / м- - местоимение 1-го л.ед.ч. в разговорной речи везде имеет форму мен "я"; в остальных словах в большей или меньшей мере - в соответствии с огузско-кыпчакской градацией говоров - огузскому отвечает кыпчакское м-. Примеры: Бен несайым гүмүшүнү - бана ет'і де аз "Что я буду делать с (одним твоим) рублем - мне и двух мало" СБ; Бінд'ен (// мінд'ен) атым ал айах "У моего скакуна пестрые ноги" Б,У;

стилистическая субституция м- > б- иногда распространяется на начало внутреннего слога, в том числе на границе основы и аффикса словоизменения: Хыйбетін (// хыйметін СК) біленнері "Те, кто знает ей (любви) цену" Б, У, К, Дн., Я; Алебін (// Алемін) оғлу тутулду "Поймали сына Алима", Баштан айах сийалерін д'ійбішсін "Ты с ног до головы оделась в черное" ШЛ; в ШЛ за пределами аффикса данная субституция типична для песенной речи П.Ф.Карамали, 1909 года рождения;

в- / б- - по этому признаку огузские и огузско-кыпчакские говоры контрастируют с кыпчакско-огузскими и кыпчакско-половецкими; типичная прежде всего для начала слова, описываемая корреляция отмечается также в начале внутреннего слога, напр.: бен аллайя йалвардым "я умолял бога" ВН; уйанна вахтым, бйанна бахтым "посмотрел я туда, поглядел сюда" СБ; учуп варып кермед'е "полететь увидеть" СМ; бір вахта (// бахытта) ойнар едік "мы гуляли в одно время" Б; сйа есмер дүльвері джандан северім "смуглую черноволосую красавицу люблю я всей душой" Г / бардым чохлах башына "пошел я к роднику" СЛ; чектім-

чектiм, т'ельмедi - ибердiм бол'асына В,К,Я "я его завлекала-завлекала, не пришел - отпустил его на волю";

п- / б- - менее последовательная закономерность, по распределению аналогичная предыдущей: урду йүрегіме біцах (// піцах) "она истерзала мое сердце" П; ханетіі дек ачай "сильно машет крыльями" У; баразасы (// паразасы) бір табан "борозда в одну ступню" СЛ; пендже-ресі беш пармах ЯМ: 425 "перешлет ее окна в пять прогонов", йол бо-йуна постан сачтым / йол йанна бостан йектiм СК "у дороги я посеял бахчу";

дж- / ч- - незначительное по количеству словоформ и противоречивое противопоставление, распространяемое также на начало аффикса и, вероятно, являющееся продолжением корреляций д- / т-, к- / г-, напр.: бенiм йарем кічіджік, кічіджік, кічінечік "мой миленок махонький, маленький-премаленький" Б; джебе (// чепе) хойайым "покладу в карман" СБ; джыхсам даргерiн башына "взойти бы мне на гору" СЛ;

б- / й- - редукция инициального й- перед гласными переднего ряда отмечается в огузских и огузско-кыпчакских говорах; а в говорах кыпчакско-половецких и кыпчакско-огузских (в меньшей мере) й не только сохраняется, но в виде протезы появляется также в словах, исконно начинавшихся на гласный; в связи с данной корреляцией заслуживает внимания фиксируемое для западных говоров южного диалекта крымскотатарского языка появление протетического й в анлауте перед гласными верхнего подъема: йуфах "мелкий", йыбрых "кувшин", йічкі "питье", йінсан "человек" /Изидинова 1982: 8/; примеры корреляций-субституций: чічек йүздүм "я сорвал цветок" (разг. йүз- "рвать") / өксек бойлу талтерек "высокая верба" (разг. йүксек) У; т'ерет'е кельмек, ені тар "присборенная блузка с узкими рукавами" (разг. йен "рукав") / джыынчыне бен йиндже "на гуляньях я самая стройная" (разг. индже "тонкий") Б;

корневые гласные:

і / е; ы / а - противопоставления охватывают небольшое количество слов, но основанная на них субституция неожиданно оказалась существенной, будучи включена в двухступенчатую субституцию а > е > і; например: гузде салдат т'ітеджем "осенью я пойду в солдаты" ВН; йізерсін "ты гуляешь" СБ; т'іне хутулдум "я вновь спасся" (разг. йене СБ);

е / ө - в нескольких парах слов (джеб / чеп "карман", беле / беле "такой вот, так", безэквивалентное еле "так") отмечается противопоставление огузско-кыпчакских говоров огузским: формы с е преобладают в К-СК, а формы с ө в Г-СЛ; благодаря этому непоследовательному, но все же заметному с первого взгляда противопоставлению

возникла соответствующая корреляция-субституция и в песенной речи:
Ель олур, джаным, бель олур "Будет так, душа моя, будет и эдак" Б;
Ель олур му, бель олур му? "Разве бывает так, разве так бывает?" К;
Барьер чыхса, сельер ахса, сель йувар, йар, сель йувар "Придет весна, потекут ручьи, ручьи омоют меня" П; в письменной речи XVIII века: кәрчек "правда" ЦНЕ ДА, 27 л.: 25, 23; имеет ли отношение к этой субституции переход е, о в е в тюркизмах румейских говоров (чалах "безрукий", Челпан "Венера", чельмекчи "горшечник" ВНр.), пока сказать трудно;

корневые (межвокальные и поствокальные) и аффиксальные согласные:
н / н - корневой и аффиксальный н полностью сохраняется в разговорной речи кыпчакско-половецких говоров, а как аффиксальный употребляется параллельно с н, уступая ему, также в кыпчакско-огузских говорах и в речи представителей старшего поколения огузско-кыпчакских говоров; в огузских говорах отсутствует; примеры субституций: атешин буйук - дайанмам "из-за тебя много страданий - я не выдержу" ВН; биң харанфиль, биң бибер "тысяча гвоздик, тысяча шпук перца" У; анан дуйар, бабан дуйар "узнает твой отец, узнает мать" Г; ев сабу-нуң ейлиги "в угоду хозяину" СЛ; см. также морфолого-фонетические корреляции-субституции аффиксов 2-го лица;

-р- / -к- - относится, по всей вероятности, только к слову ара / ака "старший брат, дядя, старший мужчина": чалры сапын тора-сы, бу тийевин арасы "у ручки косы есть кольцо, у жениха есть старший брат - вот он" У; акасына ай д'ибик "она вся в своего старшего брата - как месяц" СК;

-х > -х- / -р-; -к > -к- / -г- - переход конечных -х, -к односложных глагольных корней в звонкие при аффиксации отличает от других кыпчакско-половецкие говоры ВН, СБ, П; сам переход не последователен, потому и стилистическая корреляция, на нем основанная, еще менее регулярна, напр.: тәкүлмесін (// тегүлмесін) кешейе "чтобы не разлилось в углу" ВН; Азавдан чыхар (// чыгар) бир ат "От Азова конь бежит" СБ// НБ;

-р- > -й- / -р- - данное чередование характеризует аффиксы дательного падежа -(й)а / -ра, инфинитива -майа / -мара, желательного наклонения на -(й)ай / -рай, рассмотренные выше, но может распространяться и на корневые й / р, напр.: кундуз еран-бейан "днем еще так-сяк (туда-сюда)" Г;

-р-, -г- / -в- - по этому признаку огузские и огузско-кыпчакские говоры противопоставлены кыпчакско-огузским и кыпчакско-половецким; примеры субституций: parib babe bavuруна ташлер барленсин К (// багырына СБ) "пусть мой бедный отец перстерпит"; Ане, багым

бек арый "Мама, у меня очень болит голова" (/ разг. авур-) У; джирен тайын авузу бір харыш-тыр ачылмыш "рот игреневого коня открыт на целую четверть" (/разг. арыз) СЛ; Ед'ерімі сыртыма алып обайа джувурдүм "Схватив седло на спину, выбежал я на холм" (разг. джугүрук "скаковой, резвый") К;

нн / нл / лл < нл - на стыке конечного назального основы и начального плавного аффикса; вариант лл, типичный для карачаево-балкарского и кумыкского языков, свойствен говору СБ и отчасти ВН, вариант нл характеризует говор П, а в значительной мере также говоры ВН и СМ; вариант нн, встречающийся и в СМ, безраздельно господствует в Б-СК и должен быть признан типично огузской чертой фонетики; из близкородственных языков, кроме крымскотатарского и казанского татарского, отмечаем его также в гагаузском языке; примеры субституций: фузрудлар аглер "воёроны оплачут" ВН; чанларны урдурмады "он просил не звонить в колокола" Б; сычаннарын йірісі "самая крупная из мышей" П; бана рамет десіллер "пусть скажут: мир праху его" НК;

-л' / -л - в разговорной речи депалатализация л' в конце слов с переднерядным вокализмом регулярна лишь в Новоминовке: дугул "не", гүл "роза", көл // көль, гөль "лужа", да и то лишь после губного у (ср. джель "ветер", сель "поток"); тем не менее, эта ограниченная в диалектном и позиционном плане черта нашла отражение и в стилизации песенной речи: Йансын демір йоллар, йансын, гүл олсун! "Чтоб сгорели эти железные дороги, а чтоб они превратились в пепел!" СБ;

аффиксальные гласные:

у / ы; у / і - изредка в корнях слов, но преимущественно все-таки в аффиксах, и при том в соседстве с губными согласными, а не только в сочетании с негубными, губные узкие гласные в некоторых диалектах чередуются с негубными: в кыпчакско-половецких говорах предпочтение отдается негубным, в остальных - губным; и именно в кыпчакско-половецких говорах в связи с этим можно говорить о недостаточном соблюдении губной гармонии и губного сингармонизма в целом; примеры субституций: мердівенін хырх айаху "у лестницы сорок ступенек" У; бір күчүджүк йаратылды - шаар олду "какой-то юнец вылуписал - стал поэтом" (/разг. кічік "малый", кічіджік "маленький") Г; харе хашлу бек чох-тур "чернобровых слишком много" СГ; применение данной субституции расширяет возможности рифмы: сычаннарын сүрүсү - ат хададыр бірүсү "мышей целое стадо, а одна из них - величиной с коня" СЛ.

Ногайско-кыпчакско-огузские корреляции-субституции. Противопоставление ногайских (собственно кыпчакско-ногайских форм, проникших из степных крымскотатарских говоров) элементов кыпчакским и огуз-

ским касается двух чередований - позиционно не связанного чередования ш / ч и инициального дж- / й- :

ш / ч - это чередование имеет место в нескольких словах: чо-куч П / чокуч, чекуч "молоток", шаршаф СМ / чаршаф "простыня", шорба, шорва "суп, похлебка", шорбаджи "хозяин", шувулда- / чувулда- "шуметь, щебетать", блaшых / былaчих "грязь" и под.; в песенной речи отмечается субституция ш > ч: кун товучнун харышына "к востоку" ВН, чорбаджилер оладжек "хозяева умрут" Г;

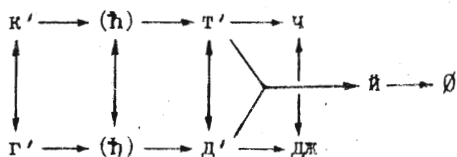
дж- / й- - слова с начальным дж- в незначительном количестве свойственны всем говорам, и только в Ж и СК их совсем мало; к ним относятся слова джель "ветер", джийн "гулянье", джой- "потерять", джайу / йайы "покрывало", джый- / йыр- "собирать", джыл(ы)т- "греть", джылдым "незамерзающее место на воде", джугурук, дживрик "скаковой, резвый; скакун", джумран "суслик", джахлав "снизка (в ярме)", джырых "поротина (вид метки на ухе овцы)", джорга / йорга "скакун" и под.; примеры субституции: ханетчигин йель хахай "твои крылышки треплет ветер" У; йыргыныз, хоранда "соберитесь семьей" Г; джыраным джыраджах одсен "если ты вскрыешь мои раны" Б; джыйлыр (// йыхлыр) бевистаным "разрушится мой рынок" Г // К; вардым, чичек джыйдым "пошла я, собрала цветы" СК.

Вероятной ногайской чертой является использование т, д на месте д в аффиксах: йанта- "прилечь, полулечь, прислониться", бекте- "замкнуть", тырылда- "топать", вызылды, бызылды, быжылды, зызылды "визг", джангырда- "дребезжать" и т.п., однако стилистической субституции на этой почве пока не обнаружено.

Иноязычно-урумские фонетические корреляции-субституции, базирующиеся на противопоставлениях субстратных румейских черт урумских говоров эквивалентным особенностям окружающих (в условиях Крыма) тюркских говоров и языков, касаются закономерностей перехода к, г перед гласными переднего ряда е, і, а иногда и перед е, у в т', д', й, дж, ч через историческую стадию һ, Һ. Эта субстратная черта урумского языка подробно описана в предыдущей главе, где рассмотрена также инновация в области вокализма (переход о в у в первом слове), которая в урумской песенной речи тоже получила стилистическую интерпретацию.

Субстратные оппозиции в области консонантизма разворачиваются на фоне соответствия огузского звонкого начала слова кыпчакскому глухому началу и огузско-кыпчакского противопоставления б- / й- в анлауте. Здесь целесообразно привести компактную схему прямых исторических переходов с учетом этих фоновых противопоставлений, которая является своего рода ключом к пониманию на первый взгляд беспос-

рядочных фонетических субституций субстратного происхождения в песенной речи. Схема эта имеет следующий вид:

Собранными песенными текстами засвидетельствованы иллюстрируемые ниже стилистические субституции, осуществляемые в пределах данной схемы в прямом и обратном направлениях - в соответствии со звуковым оформлением каждого конкретного слова в том или ином говоре, а именно:

г' > д': Ель халдырып те дува етсем, хабул олсун, йуред'ім "Когда протяну руки и обращусь с молитвой, пусть она будет принята, мое сердечко" ВНБ: 4, 19 - 20; Аресін дуд'үлүм, онун д'үзель хәрдеші "Я не достанусь его старшему брату - у него есть младший брат красавец" Б; Дед'ерінджес ойнасан "Если (с кем-нибудь) гуляешь достойно" Б, К / разг. йүрегім, дугүль, гүзель, дегер;

д' > й: Зенйінлерден бір зенйін өльмүш - мурлар йанар өлүсүнө "Умер кто-то из богатых - метровые свечи горят при покойнике" П; Русявынны көрйөндө чорнявынны вазйөчтім "Увидев русого, я отказалась от чернявого" У; Ал йөшілй йййдім (// д'ййдім анджа "Я одевала только красное и зеленое" СК / разг. зөнд'ін // зөййін П, көрд'өңдө, вазд'өң-У, д'йй-СК;

д' > дж: Алем ата міндікчез дарлер ашырып, уну көрөн базір-дж'анлар ахлын шашырып "Сев на коня, Алим перелетает через горы; купцы, увидев его, теряют рассудок" ВН; Бөшісінің ісіне өң джөнджөс-өдім "Среди пяти (дочерей) я была самой младшей" СБ / разг. базірд'ан ВН, д'өңч, д'өңдө СБ;

г' > д' > й: Йүлүм (// гүль-гүль) пошум "мой платок с розами" СБ; Йүль чырайың (// гүль чырайың У, К, д'үль чырайчың Б) бек солду "Твое розовое личико очень побледнело" У / разг. гүль "роза";

д' > й > ∅: Бөш хызын ерасына өнджөсі (// інджөсі) өдім "Из пяти дочерей я была самой младшей" / разг. д'өңч, д'өңдө Кам.;

д' > г: У бір атлы он бөш олмаз, Түркмен хызы йігіт олмаз "Тот один всадник не превратится в пятнадцать; Туркмен-хызы (дочь Туркмена) не станет юношей" / разг. ід'іт У;

й > д': гөрсөм, д'үсөгім йанар "как увижу, душа моя ныкает"; йүсөм, өсірік д'іңиліп д'атып душман гүльдүрмөм экен "Если уж и выпью, то вроде бы не вальнуюсь пьяный и не смогу моих неприят-

ителей" / разг. йүрек "сердце", йыхыл - "свалиться", йат - "лежать" У;
й > д' > дж: джыйлыр (// йыхлыр) безістанелер ГК: 10, 5-6
"разрушится мой крытый рынок" (вероятна контаминация с ногайско-
кыпчакско-огузской корреляцией дж- / й-);

дж > д': ах джид'ер т'ебаб олсун "пусть (его) легкие превратятся в кебаб" / разг. джиджер "легкие, печень" Г;

дж > д' > й: йан дайнамаз, дайнамайор ахыннен зарына "душа не выдержит, не выдерживает этих страданий" НЛ; Іч ахлымдан чыхмаз олум, джабан олсун, йар олсун СКХ: 61, 8-10 "у меня из мыслей не выходит смерть, кем бы она ни стала - чужой ли, милой ли" / разг. джан, йабан (вероятна контаминация с корреляцией дж- / й-);

ч > дж > д' (или ч > т' > д'): д'ешме д'ібік гезум йашын ахтман "не заставляй меня ручьями лить слезы" / разг. чешме "источник" НБ;

т' > й: Ййіін, джаным, ййіін, чызмачхларың ййіін (// т'іііін, д'іііін) "Обувай, дорогой мой, обувай, сапожки свои обувай" СВ, НБ; Султан өгүне йельгенде "Если Султан придет первым" НБ / разг. т'ій- "одевать, обувать", т'ель- "приходить";

т' > ч: Харекөз деді: "Сойайх, чер (// т'өр) чохракка хойайх" "Карагөз сказал: "Зарежем и бросим в сухой колодезь" / разг. т'өр "слепой" СВ;

к' > т' > й: бен Йефеден бір йар сардым "я пригласил одну девушку из Кафы" / письм. Кефе СЛ;

т' > к': Атлардан абер кельді "С места скачки пришла весть" ВН; Бенім җаріп аңеме демірден йүрек керек "Бедной моей матери понадобится железное сердце" Б; еткен дядяң каш кара "испачкал дяде брови" К / разг. т'ель-, т'ерек, етт'ен;

к' > т' > д' (или к' > г' > д'): үч гүзеле д'өңүль вердім "я поверил трем красавицам" / разг. көңүль бер- "довериться" У;

т' > д' > дж (или т' > ч > дж): чагырсам бульбуль джібік (// д'ібік, т'ібік) "запеть бы мне соловьем" / разг. т'ібік "как" СЛ;

т' > д' > г' (или т' > к' > г'): Гельсін бенім доғмуш аңем "Пусть придет моя родная мать" / разг. т'е(ль)- Г.

Приведенный перечень не исчерпывает, по всей видимости, всех используемых в песенной речи консонантных субституций, основанных на фонетических чередованиях субстратного происхождения и в принципе предполагаемых схемой преобразования согласных.

Стилистическая корреляция о / у, базирующаяся на вызванном новогреческим влиянием переходе о первого слога в у, представлена в песенной речи столь же непоследовательно, как и само это историческое изменение. Примеры: Бір селам, ет'і селам о харцешлере "Привет и еще поклон тем моим братьям"; Майлемізден бір йар сардым, о да

бенім олмады "Я приглубил одну девушку с нашей улицы, но она мне не досталась" Кам. / разг. ол, у СБ, у Кам. "он, тот".

Наддиалектных фонетических субституций выявлено четыре.

Первая из них (a > e) имеет общеурумский характер и находит аналогию в крымскотатарской песенной речи, а также в разговорной речи видинских турок /Németh 1965: 77. Переход гласного заднего ряда a в переднерядный e, который в крымскотатарских песнях отмечается преимущественно в связи с рифмой (i), в урумской песенной речи наблюдается независимо от рифмы, в любом слове строки - чаще в перепеве (2) и реже в первом (3) слове: 1) Юксек минаре, кьашлеринь кьаре "Минарет высок, брови у тебя черны" /Шерфединов 1979: 1807; 2) Йыбырым хайтенцен белі терек-тір "(Коню Тёроглу) нужна подпруга из шелкового шнура" НВ; Ханетім йох учмара ... анемє сєлам етмеге "У меня нет крыльев полететь ... передать привет моей матери" ВН-СВ; Агєсінєн хавгатыр, йєнд'єсіне кєз хыпар "Он ссорит тетку (невестку) с мужем (своим дядей), а ей самой подмигивает" Кам.; аглемейє д'ім-сєм йох "плакать у меня некому" К - СК; 3) єрамзы бузаннар "ссорящие нас" ВН; перейі чєбє хойайым "деньги я покладу в карман" СВ; джєйєв джувурдум "я побегал бегом" СВ; Йєшіль йапрах єрасында "Среди зеленых листьев" СМ - К; сєрарып соладжасын "поблуднеешь и увянешь" СГ; Єр сєба, єр сєба, а назлым, суйа д'ідєрсін "Каждое-каждое утро ты, милая, идешь за водой" Г, СК.

Рефлексом этого перехода является субституция a > i через промежуточное звено e на основе отмеченного выше чередования e / i, напр.: йигіт парійі чох хазанмыш-тыр "парень заработал много денег" СВ; Йєшіль йапрах ірасында "Среди зеленых листьев" СЛ.

С этими двумя субституциями связана, очевидно, замена y > y, засвидетельствованная в СБ: халум урулду "ко мне в дверь постучали". Возможно, что к данной замене некоторое отношение имеет отмечаемая в огузских и огузско-кыпчакских говорах словоформа халйу "дверь" (винительный падеж) Г, СЛ, СК.

В нескольких словах у ряда исполнителей (А.В.Джерихова из Улаклов, В.С.Киор из Староласын, В.Е.Сачлы из Новомлиновки и др.) наблюдается замещение межвокального дрожащего переднеязычного сонанта р дрожащим увулярным сонантом французского типа, обозначаемым здесь через Р, напр.: верің шарабың ічейім "дай вина - я выпью" СЛ; сексен кумуш парем бар "у меня есть восемьдесят рублей денег" НМ; йуз бін (бєш йуз У) алтын парасын "сто тысяч (пятьсот) рублей золотом" Б.

Из числа наддиалектных недублетных фонетических противопоставлений несубституционного характера, типичных для урумской песенной речи, следует указать на ритмические усложнения и ритмические со-

кращения. Ритмические сокращения происходят вследствие редукции гласного рядом с сонантом (1) или шипящим (2), что вообще свойственно и разговорной речи (но не всегда в тех же словах), и в результате разных видов стяжения на стыке слов. Наиболее распространено стяжение при тождестве конечного гласного предшествующего слова и начального гласного следующего слова (3). Несколько меньшей частотностью отличается элизия (4). Изредка наблюдаем аферезис (5), в том числе с образованием на стыке соединяемых слов дифтонга (6) или стечения согласных (7), а также сокращение слога в рамках аффикса (8). Например: 1) Ах йульм (< йулюм) аман-аман "ой ты роза моя" У; Хырмын (// Хырымн СГ) йарысы "половина Крыма" СЛ; йареме-хардешме сельдилер "милой моей и сестре моей сказали" / разг. хардашыма, сөледилер СГ; 2) Ашхма, йарем, ашыхма "Не спеши, дружок, не спеши" Б, У, СК; 3) Сор'ал джанымы "Потом бери мою душу" / разг. сора ал НМ; йед'ише (< йеді іше // шіше) тымарларлен "семью пузырьками лекарств" СМ; йенд'етейім (< йенд'е етейім) өзүме "сделаю тебя женой моего старшего брата" Б; афт'арасы (< афта арасы) баш йувдүм "я помыла голову среди недели" Б, У; бен булудүм йендime'шим (< йендime ешим) "я найду себе друга" Г; Петре'мджемден пошалдым (< Петре емджемден пошу алдым) "от моего дяди Петра я получила платок" К; ет'i'льмон (< ет'і ільмон) бір портакал "два лимона, один апельсин" СГ; 4) ондан адам дель'олур (< делі олур) "от нее (любви) человек безумеет" ВН; н'аджелъ (< не аджелъ) башыма ет'ен, йа бен дуймадым "какая смерть поджидала меня, а я даже не догадывалась" СБ; Ель'олмаса (< өле олмаса), беле олур "если не так, то будет иначе" Б; севда чырайы сар'олмаз (< сары олмаз) "лицо любимой не блекнет" У; Службада д'езен чельлере лайых м'еді (< мы еді) мезарым? "годится ли быть моей могиле в степях, где проходила моя служба?" Г; ет'ельме (< ет'і ольме) он пармах "у меня на руках десять пальцев" СГ; аллах сана ет'ель (< ет'і ель) вермиш "дал тебе бог две руки" ЖМ: 411; 5) туш та'йесіз (< та ійесіз) халаджах "туша останется без хозяина" СЛ, Г; картозуну'грі (< картозуну егрі) хойай "он одевает фуражку набекрень" Б, НК; 6) невчүн (< не үчүн) д'елірсін? "зачем приходишь?" ВН; 7) негзун (< нек узун) (// невзун < не узун) олду йеджелер? "почему ночи стали длинными?" У; 8) уйан-уйан, йареджім (< йареджігім) "проснись-проснись, мой друг" К и под.

К ритмическим усложнениям относятся явления протезы (1), эпен-тезы, особенно популярной в урумской песенной речи (2), использование отдельными исполнителями частицы да с целью поддержания заданного силлабического строя - не только в промежутках между словами, но и внутри словоформы (3), а также образование с той же целью дополни-

тельных слогов по подобию (4), например: 1) бірі йалдай ізіаде "один из них плавает лучше" / разг. зіаде (< зійаде) "больше" ВН; 2) алтай бір йыл сьтыма дутту "полгода-год меня мучила малярия" СБ; онун га-ріп анесінін йурегне ташылер багленсін "пусть его несчастная мать перетерпит" П; вай асірет ах йарем "ой ты милая моя, желанная" СМ; ону да керен баздырйаннар "купцы, увидевшие его" Б; өлүмүшүм бен сенін дердінден, севдандан "я умру от любви к тебе, от страданий из-за тебя" СГ; үлесін-чубуғун сатысын, беш йүз дағын тапысын "пусть он продаст свои чубук и трубку, пусть соберет еще пятьсот рублей" К; 3) четтен д'елій үч атлы, ортададат'і да чалатлы "от околицы подъезжает три всадника, средний из них на чалом коне" П; іціңдет'і да йаныхладарыны түркү өтүп йырладым "свои глубокие страдания из-за любви к тебе я высказал в песне" П; бу татарларын чөлүдөчине "в этой татарской степи" НМ; 4) Ургун-ургун дост барына вардыгым, Ель узатып Гон-дже д'үлүм сардыгым, Йарем іден зевху-сефа сурдугум "Я пошел в виноградник моей милой, моей возлюбленной подружки, Я протянул руку и обнял мой бутон, Я веселился и развлекался с моей подружкой" ГК: 8 об., 13-16 // вардым, сардым СКШ: 7 об., 1-2.

Использование кыпчакских, огузских, ногайско-кыпчакских, субстратных новогреческих (и их рефлексов) и чисто поэтических наддиалектных элементов в речевой канве урумской песни, как видно из обсуждения и из многочисленных примеров, очень далеко от всеобщей упорядоченности. Хотя для каждого из говоров в принципе можно построить определенную схему, вывести некоторую систему правил, регулирующих поэтические субституции, все-таки индивидуальные коррективы оказываются всегда или по крайней мере часто очень существенными, нередко расшатывая или даже отрицая выводимые общие правила. Здесь уместно назвать таких богатых репертуаром и своеобразных по стилю исполнителей урумских песен, как Д.М.Гобыш, 1896 года рождения, из Богатыря, Е.В.Топалова (1910), К.С.Попов (1903) из Гранитного, С.Г.Кириллов (1889), И.И.Попов (1902), Е.Д.Дарда (1927), И.С.Гаргин (1908), А.А.Михайлова (1901) из Комара, П.Ф.Карамали (1909), М.П.Евреймова (1924) из Новой Ласпы, Н.Т.Мельников (1925) из Першотравневого, И.И.Михайлов (1903), Ф.А.Николаев (1907), М.К.Асланов (1888) из Старобешеево, Д.И.Балабанов (1903), Е.К.Балабанов (1912), К.А.Колесник (1912) из Старогнатовки, А.Г.Параскева (1897), Ф.Д.Харасахал (1906), С.И.Киор (1900), И.М.Деремов (1911) из Старого Крыма, В.С.Юсе (1903), В.И.Папаяни (1911), А.Д.Бычхиджи (1913) из Староласпы, А.В.Джерихова (1907) из Улаклов, а также составителей рукописных песенных сборников П.Д.Кичика из Гранитного, Г.Ф.Балжи из Великой Новоселки, Л.Н.Шестопакову из Старого Крыма и двух авторов пьес об Ашихе-Гарибе,

написанных на основе народного сказания, — В.А.Попова из Гранитного и Д.Н.Халайджи из Староласпы. Каждый из них, имея свои индивидуальные эстетические убеждения и склонности, отдает предпочтение определенному принципу, тому или иному его конкретному воплощению, в частности — той или иной стилистической субституции или недублетному приему, либо вообще избегает стилистических украшательств, преобразований, придерживаясь заученного образца, приспособливая текст к разговорной норме или создавая произведение по живым разговорным нормам разговорной речи своего говора. Богатство индивидуальностей, разнообразие более или менее удаленных от нормы говора стилистических вариантов речи иногда создает впечатление, что каждый, по крайней мере многие, из исполнителей поет своим собственным, только ему свойственным языком. Ввиду ограниченности объема настоящей работы и в соответствии с ее общей целью мы не имеем возможности даже вскользь остановиться на стилистической манере хотя бы названных поименно исполнителей — творческая манера каждого из них заслуживает отдельного всестороннего исследования. Мы находим целесообразным высказать только самые общие соображения в избранном для данной главы аспекте. Явление неустойчивости, неупорядоченности, отсутствия общей для всех исполнителей нормы необходимо рассматривать как одно из свидетельств не только известной стихийности процесса языкотворчества при отсутствии кодификации, но и как свидетельство коренной перестройки эстетических представлений урумов в приазовский период развития урумского языка, связанный со значительным усилением роли личности в речупотреблении и речетворчестве коллектива. Тем более, что и в разговорной речи в это же самое время все еще продолжается перестройка нормативных представлений, вызванная поселением во многих населенных пунктах представителей различных крымских урумских говоров.

И еще одно важное, с нашей точки зрения, предостережение. Было бы ошибкой утверждать, что непоследовательность действия правил, регулирующих стилистические субституции, обуславливается исключительно индивидуальными склонностями и частным несовпадением усвоенного в Крыму проогузского (проосманского) художественного принципа с более общим надразговорным принципом. Дело в том, что оба они, субъективно толкуемые исполнителями, в самой своей основе искусственны. В продолжение веков единственно непогрешимым источником песенной речи остается развивающаяся в конкретно-исторических условиях живая разговорная речь, стихия которой, кстати, господствует в урумской народнопоэтической прозе и в таких общенародных разновидностях песенного творчества, как чын, развлекательная и в значительной степени бытовая и хроникально-бытовая песня. И именно законам живой разговорной

речи не соответствуют навязанные ложными художественными принципами правила стилистической субституции и недублетных противопоставлений, направленные на отрыв песенной речи от языка говора. Указанным несоответствием, а уж затем и частным несовпадением проогузского и надразговорного принципов и их субъективным воплощением обуславливается отсутствие до настоящего времени целостной эстетической концепции урумской песенной речи.

Аналогичные явления диглоссийного порядка в письменно-литературной речи хотя и имеют более ограниченное применение (здесь заметны консервативные тенденции в развитии лексического фонда, а фонетические, лексико-фонетические и морфолого-фонетические корреляции-субституции осуществляются только в пределах кыпчакско-огузских диалектных противопоставлений), но по характеру социально-исторической обусловленности и конкретно-речевой реализации от явлений песенной речи они не отличаются.

РАЗВИТИЕ ГЛАГОЛЬНОЙ СИСТЕМЫ И ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТРОЙ УРУМСКОГО И АРМЯНО-КЫПЧАКСКОГО ЯЗЫКОВ

Значительный синкретизм частей речи, групп и разрядов внутри них в планах формообразования, словоизменения, сочетаемости, функционирования и семантики, сопряженный с агглютинацией, сингармонизмом, синтетизмом и устойчивым порядком слов при существенном преобладании монопредикативного (монофинитного) предложения, - вот те черты, указанием на которые в наиболее сжатом виде можно охарактеризовать структурный тип тюркских языков в доступный для практического наблюдения период их истории. Развитие строя тюркских языков в историческое время, говоря столь же обобщенно, состоит в обусловленном внутренними и внешними факторами углублении дифференциации частей речи, групп и разрядов внутри них в указанных аспектах с некоторым отходом от сингармонизма, агглютинации, устойчивого порядка слов и синтетизма в пользу асингармонизма, аналитизации слово-, формообразования, словоизменения и аналитического выражения синтаксических связей в целом при естественном возрастании роли полипредикативного (полифинитного) предложения. В этом сложном, многоаспектном, целостном процессе эволюции языкового строя трудно выделить сферу или звено, концентрирующее в себе весь смысл исторических преобразований: в каждой части языкового целого при системном подходе к ее изучению с равной вероятностью можно уловить закономерную всеобщую связь путей изменения различных компонентов языка. Но все-таки наиболее ярко эта связь предстает перед глазами исследователя при обращении к глаголу как эволюционно наиболее динамичному лексико-грамматическому классу языковых единиц, а в пределах глагола - при рассмотрении его парадигматики в связи с семантикой, функционированием и сочетаемостью разных парадигматических образований. Именно этими соображениями и продиктован выбор предмета настоящей главы, в которой автор стремится сквозь призму глагола представить общий ход развития структуры армяно-кыпчакского и, главным образом, урумского языков на истори-

ческом фоне куманского языка. Тем более, что другие сферы их структуры так или иначе рассмотрены в других публикациях автора.

Грамматический тип тюркских языков, как уже сказано, проявляется в избегании сложноподчиненных предложений и использовании вместо этого разнообразных непредикативных оборотов. В роли формирующих центров этих оборотов выступают глагольноименные формы, часть из которых может использоваться и в функции финитного сказуемого. В ряде случаев генетически тождественные предикативные и непредикативные функциональные формы теряют существующую между ними историческую связь, превращаясь в изолированные друг от друга морфологические образования. Для установления исторического соотношения между предикативными и непредикативными формами глагола решающее значение приобрела комплексная идея А.А.Потебни об изначальном синкретизме, нерасчлененности частей речи, в частности имени и глагола [1958: 84; 95]. Развивая эту идею и обобщая результаты изучения "глагольно-именной омонимии в древних и современных тюркских языках", А.М.Шербак приходит к выводу, что "в тюркском языке почти каждый первичный корень обозначал и предмет, и действие-состояние, то есть был синкретичным", "грамматический синкретизм был унаследован и производными корнями-словами" [1981: 12]. Нерасчлененность имени и глагола в период неразвитости всех звеньев морфологии - словообразования, формообразования и словоизменения - на современном этапе проявляется через первичную омонимию некоторых непроеводных именных и глагольных основ [Кажиев 1986; Кайдаров 1986]. Одновременно в ряде подобных случаев тождество основ явилось следствием более поздних морфологических процессов - конверсии, переразложения, опрощения, усложнения, выравнивания производных форм по аналогии, то есть не чем иным, как омонимией вторичной, приобретенной. С развитием морфологии благодаря сохранению изначальной нерасчлененности именных и глагольных основ и, следовательно, длительной общности морфологических формантов при отсутствии "принципиального деления словесных групп на предикативные и атрибутивные" [Севортян 1961: 9] синкретизм в определенной мере охватывал и производные словоформы. Предикативность и непредикативность (атрибутивность в широком смысле и субстантивность) выражались позиционным соотношением компонентов, интонационными, паралингвистическими средствами и вытекали из речевой ситуации, контекста. Историческое расчленение, дифференциация синкретичных форм на лексико-грамматические классы имен и глаголов и их частных подразделений в свете потебнянской концепции мыслится в виде постепенной морфологизации отдельных аналитических и синтетических функциональных форм: одни из них специализируются и утверждаются как предикативные, вторые -

как атрибутивные, третьи - как субстантивные, четвертые - как обстоятельственные с морфологическим (свойственным по форме) закреплением за ними этих прежде чисто функциональных характеристик. В каждом из современных турецких языков, обладающих развитой морфологией, продолжают, таким образом, сосуществовать дифференцированные формы и формы, которые в разной степени сохраняют изначальную нерасчлененность. В случаях, когда в определенной области, сфере языка процесс дифференциации завершился, на современном этапе имеем дело с омонимией именных и глагольных производных форм и аффиксов, при помощи которых они образуются, в других случаях (при отсутствии дифференциации) - с сохранением исконного синкретизма.

Вторая конструктивная идея, существенная для уяснения вопроса неполного оформления и формальной дифференциации сказуемого включенного предложения, - это аксиома о возникновении гипотаксиса в недрах паратаксиса [Мельничук 1966: 206 - 207]. В доморфологический период, а для морфологически немаркированных форм и в наше время, господствовал синтаксис позиции: атрибут и предикат, подлежащее, дополнение и обстоятельство различались позиционно - препозицией/ постпозицией; в препозиции выступали и развернутый атрибут, и включенное предложение. С развитием аффиксации сфера господства позиционного синтаксиса ограничивается: морфологически выраженный предикат, согласуясь с подлежащим по категориям лица и числа, употребляется дистантно, но в принципе остается в постпозиции - не только вследствие традиции, но прежде всего по аналогии с морфологически синкретичными (в плане атрибутивности/ предикативности) формами 3-го л. ед. ч., которые специального показателя не имеют (формант $-t^o_r$, используемый и для выражения утвердительной модальности, здесь во внимание не принимается) и на которые одновременно приходится абсолютное большинство употреблений сказуемого. Включенное предложение тоже сохраняло препозицию, однако его сказуемое стало выражаться уже иначе - либо оно неоформлено, либо выступает в виде непредикативного трансформанта. Этот путь прошли первичные деепричастия на $-(i)a/-i$, $-(i)^o_p$, так употребляются современные формы на $-gan$, $-(i)an$, $-myš$ (особенно их отрицательные образования), когда они выступают в роли деепричастия. Вторым этапом, как убеждают данные памятников и живых языков, стало изменение (склонение) включенного предложения как своеобразного сложно-целостного члена по именным категориям падежа, меры (формы сравнения) и субъективной оценки (димиутив), которые (категории) тоже еще только складывались и переживали стадию перехода из описательных, аналитических, синтаксических в синтетические, морфологические. И на первом, и на втором этапах внутренняя структура включенного предло-

жения остается неизменной, предикативной. Изменения появляются с преобразованием включенного предложения в оформленный член изафетного или другого подчинительного либо сочинительного (совместного) сочетания. С этим этапом мы связываем появление вторичных деепричастий, инфинитивов, супинов, а также переходных обстоятельственных глагольно-именных форм, примыкающих к деепричастию (-ранда, -(й)анда, -мадан, -маздан, -ранлы), и именно так используются обстоятельно-функциональные формы глагольных имен на -ран, -(й)ан, -ма, -мах, -(й)а-джах, -мыш, -дых и нерегулярные обстоятельственные образования от финитных (личных) глагольных форм. Исторически выработанные непредикативные формы, используемые для замещения (трансформированного воспроизведения) предиката включенного предложения (в общетюркском масштабе см. [Гаджиева 1973: 207 - 334]), специализировались в функциях зависимого сказуемого и других членов предложения, обозначающих действие, соотносимое с действием, которое обозначено независимым сказуемым. Особый интерес в данном отношении представляют разнообразные по структуре и семантике формы, обычно рассматриваемые среди деепричастных. Одни из них представляют собой окончательно сформировавшиеся деепричастия, другие находятся на стадии выделения, оставаясь в некоторой степени синкретичными. Они различаются между собой не только по степени морфологизации и семантико-морфологическим особенностям, но и по употреблению и сочетаемости. Более того, если рассматривать тюркские языки в целом, то не окажется ни одной деепричастной формы, которая бы везде и одновременно не была хотя частично синкретичной. Этим мотивируется, очевидно, невозможность дать тюркскому деепричастию "универсальное, всеобъемлющее определение, которое отражало бы все специфические особенности деепричастий и все частные случаи их употребления" [Джанмавов 1967: 5]. Однако признаки, которые должна иметь деепричастная форма, в принципе определены. Обобщая опыт изучения деепричастий в тюркских языках, можно утверждать, что деепричастие обладает следующими признаками: I. Общеглагольные признаки: 1) производящая основа - глагольная; 2) значение - действия, процесса, состояния; 3) переходность / непереходность; 4) залог: действительный, страдательный, возвратный, взаимный, повелительный; 5) аспект: утвердительный / отрицательный, возможности / невозможности; 6) сочетаемость с зависимыми словами, тождественная сочетаемости глагола; II. Собственно деепричастные признаки: 7) специальный отглагольный формообразовательный аффикс, синхронически неразложимый; 8) неизменяемость, в частности несогласуемость со своим подлежащим по категориям лица и числа; 9) связь с основным сказуемым предложения - примыкание; 10) необладание самостоятельными значениями времени и

наклонения и неупотребление в функции сказуемого (основного сказуемого). На выделении последнего, отрицательного, признака справедливо настаивают Ю.Д. Джанмазов /1967: 177 и А.А. Юлдашев /1977: 267.

В соответствии с выдвинутыми требованиями в исследуемых тюркских языках выделяется 5 групп форм, относящихся или тяготеющих к деепричастиям:

1. Первичные деепричастия на -(й)а/ -(ма)й, -(й)оп (-майып).
2. Вторичные деепричастия на -(ма)йын, -(ма)йынджа, -(ма)йын-дяс, -майдяс, -(й)арах, -майлы, -кінчә / -мінчә, -ғач, -ғачох.
3. Переходные обстоятельственные формы, тяготеющие к деепричастию и образующиеся при помощи сложных аффиксов, склонных к неразложимости: -ранда, -(й)анда, -мадан, -маздан, -ранлы.
4. Обстоятельственные формы глагольных имен на -ран, -(й)ан, -ма, -мах, -(й)аджах, -мыш, -дых, образуемые при помощи аффиксов принадлежности и косвенных падежей, аффиксов и аффиксоидов типа -ча / -джа, -час / -джас, -часна / -джасна, -т'ерек / -д'ерек / -черек, -чере, -блен / -бе / -лен / -нен, -тайы / -дайы, -тай / -дай, послелогов білен / іден, т'ібік / д'ібік, таран, сон(ра), бері, діңра, діра, дек / дег, дійін / дейін и под.

Глагольные имена на -ран, -(й)ан, -мыш в основном падеже без аффикса принадлежности, использованные в функции зависимого (несогласованного, неоформленного) сказуемого или обстоятельства, приближаются к первичным деепричастиям.

5. Нерегулярные обстоятельственные образования от финитных (личных) глагольных форм типа көрсекче "если (как только) мы увидим".

Параллельно с этим в исследуемых тюркских языках получила развитие и система аналитического гипотаксиса - возникли придаточные бессоюзные (в том числе изафетные) и союзные, с оформленным сказуемым. Важную роль в данном процессе сыграло раннее закрепление условного придаточного значения (модального и синтаксического) за желательной формой на -са, используемой в роли оформленного сказуемого условного и уступительного придаточных предложений. Дополнительным фактором следует считать одновременное появление относительных значений у вопросительных местоимений и наречий, а также заимствование иноязычных союзов и союзных слов. Аналогия придаточного предложения, несомненно, поддерживает связанную с утверждением свободного словопорядка тенденцию к полному оформлению однородных сказуемых и однородных членов предложения в целом. Указанные моменты эволюции грамматического строя исследуемых языков - яркое свидетельство того, что избранный подход к описанию исторического развития их структуры рационален.

Категория лица

Дифференциация глагольно-именных форм на финитные и нефинитные, интенсивно осуществляемая в исследуемый период, оказалась тесно связанной с унификацией личной аффиксации предикативных форм, инвентарь которых несколько увеличился вследствие объединения в глагольной парадигматике урумских говоров кыпчакских и огузских образований. Ведущую роль в процессе унификации сыграли собственно глагольные формы повелительного наклонения 1-2 л. ед. и мн. ч. и 3 л. мн. ч., прошедшего времени индикатива на -ды и условного наклонения на -са, которые принимали аффиксы -м; -н//н; -Ø; -х/-к; -н⁰э//н⁰э; -лар/-ләр/-ләр.

Формы, окончательно не дифференцировавшиеся в куманском и армяно-кыпчакском языках, изначально принимали аффиксы -мен; -сен; -Ø; -біз; -сіз; -лар/-ләр/-ләр, которые со временем - при дополнительном действии тенденции к выравниванию по аналогии - дали ассимилятивные варианты -м⁰н; -с⁰н; -Ø; -м⁰э; -с⁰н⁰э//с⁰э; -лар/-ләр/-ләр. Последние дали в урумских говорах сокращенные рефлексы в первых двух лицах: -м⁰м/-м⁰; -с⁰с/-с⁰; -м⁰э (// огуз. -э); -с⁰н⁰//с⁰э. В огузских говорах СК, Ж, а отчасти и в смешанных огузско-кыпчакских говорах СГ, К, СЛ, Г элемент н во втором лице замещается элементом н, что в последние десятилетия поддержано славянской фонетической аналогией. В 3-м л. мн. ч. аффикс мн. ч. дал три рефлекса: -лар, -л'ар, -ләр. Второй из них во всех говорах, за исключением ВН, употребляется после й при оформлении основ с гласными заднего ряда; в ВН в этой же позиции выступает вариант -ләр, обычно оформляющий основы с переднерядным вокализмом.

Общей урумской тенденцией в развитии категории лица является унификация личной аффиксации форм, функционирующих в роли финитных: образования, которые прежде принимали аффиксы именной сказуемости, теперь (после появления формального совпадения в 1-м л. ед. ч.: -м) стремятся принимать аффиксы собственно глагольной сказуемости и в тех лицах, где такого совпадения не выработано: ерік дала беш ерік, біз ону піше йерік СК "на сливовой ветке пять слив; когда поспеют, мы их съедем"; біз аны мында алмарых// алмазых У "сюда мы его не возьмем"; мен алтам бу чапчах МК "я возьму это горшок"; аладжам мы, йох му, мен білім У "возьму или не возьму, это знаю только я сам"; енді хайтаджаах еве Андр. "будем уже возвращаться домой"; бу мівалъ ұзге хавіль егмішік ве ельйазмызы хо(й)мушух ЦНБ У, 3678: 1, 12-13 "об этом примирении мы составили этот договор и поставили свои подписи". Ср. также использование сокращенного огузского аффикса -э в

1-м л.мн.ч.: малім етеріз ЦНБ У, 3664: 1,5 "сообщаем"; Біз ашарыда ель койан борчулуыз ЦНБ У, 3667: 1, 2 л. "Мы, ниже подписавшиеся, должны". Подробно личная аффиксация описана при рассмотрении отдельных парадигматических форм.

Категория залога

Общее направление развития глагольной категории залога в исследуемых языках определяется двумя факторами: 1) исконной тюркской тенденцией к углублению семантической дифференциации морфологически выраженных форм косвенных залогов - страдательного, возвратного, повелительного и взаимно-совместного и 2) поддержанной славянским влиянием тенденцией к описательному выражению данных залоговых значений - на фоне превращения каузатива в транзитив и интеграции страдательного, возвратного и взаимно-совместного залогов на основе общей для них всех медиальной семантики, что в целом сопряжено с перестройкой системы падежных, послеложных и служебноименных форм передачи субъектных и объектных отношений.

Действительный залог. Специального форманта не имеет. Здесь исторически объединились основы, имеющие разное происхождение и структуру. Это, во-первых, ограниченная группа непроезводных, корневых глаголов (1), а во-вторых - многочисленные производные глаголы, отыменные (2) и отглагольные (3), к которым принадлежат и лексикализировавшиеся формы косвенных залогов - страдательного (4), возвратного (5), повелительного (6) и взаимно-совместного (7). Общеурумские примеры: 1) ад- "брат", ес- "расти"; 2) ашла- "прививать", сарай-/савай- "выздоровливать"; 3) йулх- "рвать", сандра- "бредить"; 4) ти-риль- "оживать", йорул- "утомляться"; 5) сахын- "остерегаться", айин- "приходить в себя"; 6) ексит- "уменьшать"; керсет- "показывать", тиргиз- "оживлять", т'етир- "приносить"; 7) адаш- "заблуждаться", алыш- "привыкать", тырмаш- "карабкаться" и под.

Страдательный залог. От основ на согласный (1; 5), а в ряде исключений и от основ на гласный (7) образуется при помощи аффикса -⁰д-; от основ на гласный - при помощи аффикса -⁰н- (3); изредка - при синкретизме страдательного и возвратного залогов - аффикс -⁰н- присоединяется и к другим основам (4). В роли производных обычно выступают переходные глаголы действительного залога (1 - 4), а также повелительные (5); возможно образование пассивных форм от непереходных глаголов действительного залога (6; 7) и изредка от совместных (8). С целью избежания пассивно-возвратного синкретизма страдательные формы могут образовываться от возвратных в их медиальном значении (9). Лексикализации последних оказывается основанием для выделе-

ния сложного пассивного аффикса -ныл- /Севортян 1962: 497 - 499/. От глагола йе- в урумском языке пассив образуется также посредством форманта -йіл- (10). Примеры: 1) хачка керільмиш кын керуп кемүлүп-турур КК: 74 об., 8-9 "был распят на кресте и после казни похоронен"; төресін еттілер кі асылгай Венец.1700: 93, 4 "его осудили к повешению"; Саба йапылды бір чайхана СК "К утру была построена чайхана"; 2) чулған- КК: 61 об., 5 "быть завернутым"; не кі борчу бар төлөнгөй ДГ: 18 "сколько должен, пусть будет возмещено"; дорған- Б-К "быть порезанным"; 3) йулунғанларны хач өзе КК: 74, 16 "спасенных крестом"; ант ічмәгә нечик ол 4 джүфт коңну кенсіндөн забор блә алынмий едир Акт. КП 15: 88 об., 2-4 "принять присягу, что те 4 пары ковров у него не были конфискованы"; пиченнер чалыналжах У "будут косить сено"; 4) силькин- КК: 82, 10 л. "быть трусимым"; андан сонра ольчунгөй ол іш-ләгән манела Акт. КП 11: 146 об., 17 "после этого тот сработанный браслет пусть будет оценен"; 5) Оларын аннатылма алы оламай У "Их невозможно понять"; 6) ейгі кейітге кененмедім КК: 66 об., 8 пр. "я не был пощрен хорошей одеждой"; хорхул- Вен.ЗІІ: 298 об., 3 "быть испуганным"; евлері ағарылған II - К "их дом побелен"; 7) ушад- КК: 66, 19 пр. "крошиться"; тохтад- Вен.З: 10 об., 17 л. "останавливаться"; хайнал-СМ, К "быть кипящим"; 8) туташил- Вен.З: 103 об., 21 пр. "хватать друг друга"; 9) анданыл- ВН-П "быть понимаемым"; бесденіль- СВ-К "быть вскармливаемым"; 10) йейіль- "поедаться с аппетитом" // йель- "поедаться".

Семантическая сфера пассива, в поздних образованиях все более дифференцированного от возвратного залога, объединяет три основных значения: собственно пассивное, медиопассивное и медиальное. Это деление реализуется преимущественно контекстуально. У пассивных форм медиального содержания отмечается развитие оттенков интенсивности-исчерпаемости (1) и начинания (2), напр.: чыдад- "натерпеться, вытерпеть" Вен.З: 52 об., 6 л.; бітіль- К "кончиться"; йеберіль- БК "посдыхать"; 2) Скол'аа варылғанда алған балаа чонтух хылыч СГ "Когда парень пошел в школу, отец купил ему короткую саблю".

Развитие пассивных описательных конструкций связано по крайней мере с тремя процессами: заимствование славянских пассивных причастий, сохраняющих семантику, функциональность и сочетаемость, свойственные им в языке-источнике; уподобительное (по славянским моделям) развитие причастия на -ған // -(й)ан и других причастных форм, все более широко используемых в пассивных оборотах; семантическое сближение страдательного и возвратного залогов под действием славянской аналогии при общей коммуникативной необходимости различения данных залоговых значений в речи.

Возвратный залог. Образуется посредством аффикса $-\overset{0}{H}-$, который после основ на согласный имеет регулярную узкую вокализацию, а в архаизмах и широко: арынан- "возноситься", ігрєн- "отвращаться" КК: 3, 21; 62 об., 3. Исторически аффикс $-\overset{0}{H}-$ выделяется в составе производных глагольных аффиксов отменного словообразования $-\text{лан}-$, $-\text{сын}-$, $-\text{ған}-$ / $-\text{ғын}-$ и именных аффиксов отглагольного образования $-\overset{0}{H}\text{ч}$, $-\overset{0}{H}\text{ты}$. Кроме того, имеются глагольные основы с пассивным формантом $-\overset{0}{д}-$, обладающие пассивно-возвратной семантикой. Части возвратнозалоговых основ с показателем $-\overset{0}{H}-$ наряду с возвратным также свойственно страдательное значение. Появление пассивных форм на $-\overset{0}{H}-$ объясняется диссимилятивным развитием пассивного аффикса $-\overset{0}{д}-$ / Шербак 1981: 1087. Нельзя, однако, отрицать, что этому в определенной мере способствовала смежность исторически первичного медиального значения возвратного залога и медиопассивного значения страдательного залога. Залоговые формы с показателем $-\overset{0}{H}-$, образованные в новое время, имеют уже чисто возвратную семантику. Пассивны и поздние образования с аффиксом $-\overset{0}{д}-$. Поэтому можно считать правомерным и общий вывод о словообразовательном статусе ранних и формообразовательном характере поздних залоговых форм с аффиксами $-\overset{0}{H}-$ и $-\overset{0}{д}-$.

Возвратные глаголы передают семантику, сфера которой объединяет массу основных и переходных значений. К основным относятся прямовозвратное (делать что-то с самим собой), косвенновозвратное (делать что-то ради себя, в своих интересах) и медиальное (делать что-то самому по себе). Косвенновозвратное значение считается исходным наряду с медиальным, а возвратное - поздним / там же: 112/. Несмотря на отсутствие видимых препятствий, в исследуемых языках прямовозвратные глаголы малоупотребительны и передают преимущественно изменение внешнего облика (1). Более популярны имеющие аналогию в языках окружения описательные конструкции с возвратными местоимениями єз, кенсі, кенді "сам" и глаголом действительного залога (2). Например: 1) қанц тектун кім біз йувуналы КК: 75 об., 2-3 "ты пролил кровь, чтобы мы омылись"; 2) кенсімізні аядар-біз КК: 62 об., 30 "обмываем самих себя"; єзун де айл'андыр єзун йолуна Б "направляй себя сам на свой путь"; Пек д'єндіні бахай СК "Они очень за собой следят".

Косвенновозвратное значение сохранилось как реликтовое (1). В отдельных словах оно дало своеобразные субъективно-волевые рефлексy - оттенки внимательного, внутренне сосредоточенного (2), самоотверженного (3), увлеченного (4), инициативного (5) или, наоборот, безвольного (6), нерадивого (7) отношения к действию. Отдельную группу рефлексов образуют глаголы, передающие количественно-фазисные оттенки интенсивности (8), ослабленности (9), истощаемости (10) и на-

чинания (11), первое из которых более популярно. Например: 1) арттыр-дын старан'ем ашыра да етиндим Акт.КП 20: 187 об., 15 "я накопил своим старанием и составил себе (некоторую сумму)"; 2) олтуруп бахынны еді бу штурум усне Венец.1700: 139,15-16 "он сидел и внимательно следил за этим штурмом"; 3) йугун-, табун- КК: 61,1; 66 об., 19 пр. "поклоняться"; 4) бейін- КК: 76, 9 "вытанцовывать"; авджулан-, авлан- "охотиться" К, СМО; 5) турк падашыннан холунду Венец.1700: 132,13 "он испросил для себя разрешение у турецкого султана"; 6) көкге арынмыш КК: 74 об., 10-11 "вознесся на небо"; 7) хачан сөгүнүйлер! У "как они ругались!"; йезін- К "прогуливаться"; 8) тойун- "насыщаться", тодун- "наполняться" Вен.3: 57 об., 12 л.; Вен.311: 238,3; тілен- "клянчить", ушун- "мерзнуть", хачын- "избегать, удирать", хызғын- "кишеть, копошиться" СБ, СМ, К; 9) тыхын- СМО, К, халын- Б,К, хабын-, хабун- СМ "перекусить"; халхын- СМО "приподняться"; 10) ычкын- КК: 81 об., 6 пр. "исчезать, убегать"; өлүн- СЛ "поумирать"; 11) алай да лафланмады да У "так она и не разговорилась".

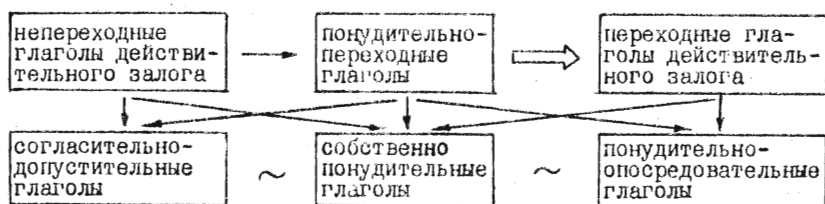
Развитие составных глаголов со славянским инфинитивом в роли знаменательной части коснулось возвратного залога, видимо, только в урумском языке. В армяно-кыпчакском языке образование таких глаголов ограничено действительным (в морфологическом смысле) залогом: там славянские инфинитивы с возвратно-пассивным формантом -ся сочетаются с глаголом бол- "быть" действительного залога, что, кстати, наблюдается и в кыпчакско-половецких урумских говорах (1). В урумском языке славянский инфинитив на -ся может сочетаться с возвратным глаголом медиального значения олун- "быть, происходить самопроизвольно" (2), которому, кроме старого собственно медиального значения (3), свойственны также количественно-фазисные оттенки исчерпываемости (4) и начинания (5). Изредка медиальное значение передается глаголом олун- в сочетании с действительнозалоговой формой славянского инфинитива (6). Возможность образования этой конструкции отчасти свидетельствует об избыточности выражения возвратности-медиальности предыдущей составной формой. А впрочем, эта избыточность на самом деле оказывается не столько мнимой, сколько практически необходимой, ибо помогает отграничить возвратные формы от пассивных (7), как и в случае сложно-неделимого аффикса -ныл- пассивного залога. Составная возвратная конструкция, как и исконные синтетические формы, может передавать также взаимно-совместное значение (8). Например: 1) асы йувах подшанцовац'а болуп еділер обозга Венец.1700: 140,10 "они окопались очень близко к лагерю"; сіз подписаться болмадых ВН "мы не подписались"; 2) о врачлар удивляться олунган У "те врачи удивлялись"; олан башланды поправляться олунмаа Г "парень стал поправляться".

ся"; влюбляться олунмаа чаресі йох Г "влюбляться (в нее) ему нельзя"; 3) качолунуйл'ар чанален У "катаются на санях"; 4) Ер бір лафы олунду Г "Поговорили они обо всем"; 5) олар подозреваться олунур ет'ен У "они засомневались (ударилась в подозрения)"; 6) беспокоить олунма Г "не беспокойся"; бір даа повторить олунду Г "повторилось еще раз"; 7) мен оперировать олундум СК "меня оперировали"; 8) блар договорить ся олунуйл'ар У "они договорились"; наз делиться олун ну, она парачых азда верілій У "как ты ни делись, ему все-таки достается немного меньше".

Понудительный залог (каузатив) как специфическое явление тюркского грамматического строя широко рассматривается и в диахронических, и в синхронических исследованиях: кроме каузативных, в его рамках описывается много действительностезалоговых по своей семантике форм, содержащих понудительный аффикс или его рефлекс, однако не передающих ни понуждение, ни опосредование. Такое расширение предмета закономерно в диахронических целях: смысл исследовательского неотграничения "мимо залоговых форм" /Иванов 1977: 32 - 33/ от собственно залоговых - в возможности максимального охвата всей совокупности древних и современных залогообразующих моделей, комплексной исторической интерпретации и доказательной их классификации на каждом отдельном этапе эволюции.

Развитие понудительного залога в исследуемых языках прослеживается в двух направлениях. Параллельно с его грамматикализацией, состоящей в унификации залогообразования и ограничении семантики этого залога собственно понудительным (понуждение-опосредование) значением, под интенсивным влиянием иноязычной аналогии активно развивается система аналитических средств выражения понудительности и опосредования, базирующаяся на использовании действительностезалоговых форм. Первое направление вполне отвечает принципу внутрисистемного усовершенствования структуры языка: на смену большому количеству осложненных деривативными лексическими оттенками разнородных синтетических форм приходит формально однородная и семантически дифференцированная компактная группа унифицированных морфологических моделей. Второе направление, также обусловленное стремлением к адекватности плана выражения плану содержания, является воплощением уже не столько внутренних, сколько внешних связей языка. Последний в данном случае оказался более свободным от правил, ограничивающих выбор средств выражения внутриструктурными рамками. Взаимодействие этих направлений в речи проявилось в вытеснении одних форм другими, в образовании неустойчивых промежуточных форм смешанного типа и появлении форм новых, соответствующих видоизмененной системе языка.

Словоформы, включающие аффиксы понудительного залога, передают такие основные значения: понудительные (собственно понудительное, понудительно-опосредовательное, согласительно-допустительное), в формировании которых решающая роль принадлежит контексту, и понудительно-переходное, закрепляемое в лексеме исторически либо эксплицируемое контекстуально. Выделенные значения отражают отличия в каузативных отношениях между субъектом волеизъявления и исполнителем, с одной стороны, и характер волеизъявления - с другой. Выделяются они не только по смыслу, но и по частным особенностям их исторического становления, поскольку возникают эти значения не у всех глаголов и не в равной мере. Деривативное соотношение между производящими непереходными и переходными основами действительного залога, понудительными основами и их действительнозалоговыми рефлексам представлено в виде схемы, на которой одинарная стрелка указывает на возможность образования понудительной формы от действительнозалоговой в рамках формообразования; двойная демонстрирует возможность исторического закрепления переходного значения за понудительно-переходной формой, которая таким путем отпадает от понудительного залога и переходит в действительный [Севортян 1962: 456 - 477, 512]. Тильда показывает контекстуальность разграничения понудительнозалоговых значений у регулярных образуемых форм.

Глаголы понудительного залога оформляются при помощи аффиксов, большинство которых является простыми и составными вариантами морфем $-k^o p/ -k^o a-$, $-o p/ -o a-$, $-o t-$, $-t^o p-$, $-s^o t-$, известных и в качестве словообразовательных. Вокализация архаичных образований преимущественно широкая, новых - узкая, ср.: кетар - "относить" / кеттйр - "заставлять уйти"; хайтар - "возвращать" / хайттйр - "заставлять вернуться". Наиболее употребительны аффиксы $-o t-$ и $-t^o p-$, которые, например, в урумском языке, комбинируясь, могут образовывать формы понудительного значения любого порядка практически от любой основы: авур - "болеть", авурт - / авуртур - "сделать больно", авурттур - / авуртурт - "заставить сделать больно" и т.д. ВН-У. Другие аффиксы

в урумском языке либо вообще выходят из употребления, либо перестают вычленяться в глагольных основах, в которые они входят и которые вследствие этого окончательно отпадают от понудительного залога и превращаются в переходные глаголы действительного залога.

Унификация каузативной аффиксации, таким образом, нашла отражение в постепенном отпадении от каузатива малопродуктивных формантов и переходе образованных с их помощью основ в действительный залог как транзитивных и в утверждении аффиксов $-O_{т-}$, $-t^{O}_{ор-}$ с узкой вокализацией как формообразовательных - с совокупной способностью образовывать понудительные дериваты практически от всех глагольных основ. Это итог доконвергентной (со славянскими языками) эволюции каузатива как морфологической категории урумского глагола и, очевидно, общее направление его развития в тюркских языках крымского ареала. Вместе с тем, этап завершения процесса унификации совпал в исследуемых языках с периодом их структурного схождения со славянскими языками, под непосредственным влиянием или при поддержке которых получили развитие многочисленные аналитические обороты с дифференцированным лексическим выражением разнообразных каузативных оттенков - понуждения, опосредования, согласительности, допущения и т.п. [Гаркавец 1975а; 1979: 40 - 43].

Взаимно-совместный залог в плане образования наиболее унифицирован: ему свойствен один-единственный показатель $-O_{ш-}$, имеющий после основ на согласный узкую вокализацию. Семантика этого залога включает взаимное, взаимно-совместное, совместное, одностороннесовместное, вспомогательносовместное и медиальное значения. Поскольку указанные значения формально не расчленены, в тюркской речи издавна используются разнообразные описательные средства, древнейшим из которых является послелог бі(р)ле(н), іле(н), развившийся в кыпчакско-огузских, огузско-кыпчакских и огузских урумских говорах в аффикс новообразованного орудийно-совместного падежа -нан, -нен, а в кыпчакско-половецких - в аффиксоид -бе (1). Не менее активны описательные конструкции со взаимно-совместным местоимением бірі бірі "друг друга" (2) и адвербиальной словоформой бірге(сіне) "вместе с" (3), например: 1) су кан біле арышдырды КК: 74,3 "он пролил кровь с водой"; о вахта т'етеміз дегүшмед'е падышахнен Б "тогда мы пойдем бороться против царя"; чапты йолбе ВН "побежал он дорогой"; 2) Олар башлай-л'ар ерішмед'е бір бірінен Б "Начинают они между собой договариваться"; 3) барышып мі дір біргесіне Акт.КП 15: 127,5 "помирился ли он с ними". Вместо комитативных основ в данных конструкциях все шире употребляются действительнозалоговые: шептат етәрлер еді бірі бірі блә Акт.КП 19а: 35,37 "они шептались друг с другом"; олар башлайл'арлар-

ламаға бір бірінен Р "они начинают говорить друг с другом". Активизация аналитических конструкций происходит одновременно с утратой комитативными глаголами специфических значений, в частности - вспомогательной совместности, которое еще свойственно куманскому языку и подтверждается одной из армяно-кыпчакских словоформ: берішір-мен "я помогаю давать", су кельтірішти "он помог (мне) принести воду" КК: 82, 34 л.; 80 об., 6 пр.; бій тенрі болушмады кенділеріне Венец.1700: 91, 8 "господь не помог им".

Категория утверждения/ отрицания

В плане общей тенденции к полному оформлению включенного сказуемого укажем на утрату - не без иноязычного влияния - такой специфичной черты агглютинативного строя, как неформление отрицания в самом таком сказуемом, выражаемом деепричастием или другой непредикативной (нефинитной) глагольной формой, в случае отрицательного аспекта основного сказуемого. Чем ближе к нашему времени, тем чаще основное и включенное сказуемые в плане отрицания оформляются каждое само по себе, благодаря чему включенное сказуемое приобретает дополнительную синтаксическую автономность, что, в свою очередь, способствует историческому углублению морфологического противопоставления предикативных форм непредикативным, а в целом - дальнейшей морфологической дифференциации синкретичных форм. Приведем примеры общего оформления отрицания - только в форме основного сказуемого: Нечік кіші йолсуз бара бильмез қайда тілер, алай тенрінің сөмекінден башқа, не кім йол бар көктегі хандықта: баралмаз-біз тенері қатында, кім біз ол йол біле барсақ КК: 62, 27-29 "Как человек без дороги не может пойти куда захочет, так и без любви к богу, которая есть путь в царство небесное: не можем мы прийти к богу, если (не) пойдем этой дорогой"; Бір т'ере абеле атын сие мініп бір йере вармадым СК "Ни разу я (не) садился на такого коня и никуда не ездил"; Бір т'ере т'ельді долашмады У "Он ни разу (не) пришел, не проведаль"; Душман олма сен бана, бен де олурум сана В "Не будь мне врагом, и я (не) буду (врагом) тебе".

Одним из результатов контактирования тюркских языков с иранскими стало заимствование отрицательной частицы не. Как в "Кутадру біліг", так и в куманских текстах, а изредка еще и в армяно-кыпчакских записях персидская частица не при отрицательных словоформах выполняет чисто усилительную функцию: Йорымаз не йатмаз узымаз озур не мензег көтүрмез бодур ДТС: 356 "не лежит, не спит - он бодрствует; ни тела, ни лица, ни формы не являет"; Аве саа, қыз, сағынған бей тенріні һәм тілеген меңу йылланы, кім ертмез меңулықге не ту-

генмез КК: 72 об. 3 - 4 "Привет тебе, дева, обратившаяся рассудком к богу и пожелавшая бессмертия, которое не даст кануть в вечность и которое не пребудет"; тутунуур-біз ... телемаге эвалгі ратаны нах сбг біле не бір түрлү хумаш біле дугуль Акт.КП 12: 86 об. 11 - 12 "обязуемся ... уплатить первую часть долга наличными деньгами, а не каким-либо товаром".

Повторный отрицательный союз не ... не, развившийся за счет контаминации персидской частицы и омонимичного с ней тюркского местоимения не "что", в куманских текстах особенно широко отмечается в сочетании с позитивными формами (сказуемыми): Анча север-біз теңріні, нече біз аның буйрухын тутар-біз, не артух не ексик КК: 62, 18 - 19 "Мы любим бога настолько, насколько выполняем его завет, ни больше ни меньше"; не бізімкіләрі чыхты да не дінсіз түрк чыхты Венец.1700: 127, 18 - 19 "ни наши не выступили, ни неверные турки"; а всё она не пішіріп ашатый додельно, не фалай У "никогда она ни накормит его как следует, ни обстирает"; не т'елін олдум, не хнз олдум П "осталась я ни невеста, ни девушка".

Сочетание союза не ... не с отрицательными формами сказуемого обязано контаминации с украинским союзом ні ... ні и его польским и русским эквивалентами (1). Кроме того, армяно-кыпчакскими текстами широко представлено также использование славянских единичного (2), повторного (3) и парного (4) отрицательных союзов в конструкциях славянского же типа. Например: 1) терәчиләр йогаргі йазылган інәм бермәдиләр не йакубга, не Султанга, не йованесга ДГ: 259 "судьи, описанные выше, не поверили ни Якубу, ни Султану, ни Ованесу"; Мен шінджик вармайым не т'ісейе, не панайыра, пшіе де вармайым Ж "Сейчас я не хожу ни в церковь, ни на храмовые гулянья, никуда"; 2) Артых бірі біріне харшы бір төрә ані владза халдырмийін Акт.КП 25: 213, 9 "более не оставляя за собой друг против друга ни права, ни власти"; 3) ні войт бильді, ні мен, ні бір кімсе ДГ: 38 "ни войт не знал, ни я, ни кто-либо"; 4) досит етмәді да бармады да ні старатц'а болмады ані прейеднат етмәді Акт.КП 14: 1, 25 - 27 "он не выполнил его требования, ни пошел, ни добился, ни достиг соглашения".

К урумским инновациям периода контактов со славянскими языками следует, вероятно, отнести и употребление отрицательной формы вместо позитивной в вопросе: гермедін бір ат үсне ет'і адам т'ітмеді мі? СГ "ты не видел - двое на одном коне не проезжали?".

Категория возможности / невозможности

Становление кыпчакской (на -ал-ма-) и огузской (на -а-ма-) форм выражения возможности / невозможности в ряде языков приходится на до-

письменный период, в других аналитические конструкции с глаголами ал- "брать" и у- "мочь" пережили процесс морфологизации уже в письменный период, еще в некоторых сочетания деепричастия на -а основного глагола и спрягаемой формы вспомогательного глагола и теперь находятся на пороге объединения в нечленимую форму. Кроме того, наряду с указанными вспомогательными глаголами здесь используются конструкции с другими глаголами того же содержания: біль- "знать, уметь", бол- / ол- "быть" и др. [Щербак 1981: 99]. Сосуществование морфологических и описательных форм делает языковую систему в данной ее частной сфере более подвижной, открытой, способной к образованию новых форм, возникновение которых в описываемых языках, в частности, оказалось сопряженным с использованием заимствованных служебных слов и калькированием иноязычных описательных моделей.

В куманских записях отмечаются: морфологическая форма невозможности на -алма-(1), конструкция на -а алма-, лежащая в основе данной формы (2), аналитическая форма возможности на -а біль-, в которой вспомогательный глагол сохраняет и изначальное значение "знать, уметь" (3), и новообразованная инфинитивная конструкция -мара біль- (4), напр.: 1) баралмаз-біз "мы не сможем пойти"; 2) ол йылан бойна йаманлых етсе, джанына ете алмаз "хотя та змея может повредить его телу, она не сможет повредить душе"; 3) таңларын айта біліп-сен "ты смогла рассказать о его чудесах"; 4) біліп-тір-сен қованмара "ты смогла утешиться" КК: 62,29; 63,33-34; 72,14; 70 об.,3. В армяно-кыпчакских текстах значение возможности передает аффикс -ал-, присоединением к которому аффикса отрицания образуется сложный аффикс невозможности -алма-. Семантику возможности имеют глаголы бол-, біль-. Широко используются конструкции с именем ерк "воля, возможность" и прилагательным-наречием ерклі "имеющий возможность; можно" [Гаркавец 1979: 43 - 44]. Кроме того, в отдельных текстах встречаются заимствованные выражения с формами невозможности огузского типа: мен зав'є-діт етімійр-мен Акт.КП 8: 72,20 - 21 "я не могу указать клиента"; бу-йурунуз да маңа ер оғул беріңіз кі ошта Хігар тіріле олмійр Вен.468: 54 об.,14-15 "соблаговолите и пошлите мне сына, ибо вот уже Хикар (Акир) не может больше жить". Изредка отмечается также инверсированная конструкция -оп бол-: біліклік болса еді, болур едік сынан у таңлаң заманасына көре Вроц.1916: 160 об.,17-19 "если бы /у нас/ были знания, то мы могли бы расследовать и избирать суд согласно времени (т.е. соразмерно)".

Развитие урумского языка в этой области характеризуется вытеснением морфологических форм аналитическими, собственно - инфинитивными конструкциями с глагольным или именным обозначением возможности / не-

возможности. Причем, доля последних сравнительно с армяно-кыпчакским языком возросла еще больше.

Форма на -(й)ал-ма- используется преимущественно в отрицательном аспекте и отмечается главным образом в кыпчакско-половецких говорах и изредка в кыпчакско-огузских, напр.: Не хадар алалис? ВН "Сколько можешь взять?"; мен енді етішелмем уде СБ "теперь я домой не успею"; болайали ^й СББ "он не может". Форма невозможности на -(й)ама-, иногда -ыма-, не имеющая позитивного эквивалента, отмечена в кыпчакско-огузских, огузско-кыпчакских и огузских говорах: эзун тутамай НМ "не может себя сдержать"; енді йурамай У "теперь не может ходить"; бір т'ере д'ір'амады бунда СК "ни разу не смог сюда зайти"; Мен сенің тізіңе йатымаан джаным чыхмасын Г "пусть я не умру, пока не смогу прилечь тебе на колени".

Урумские аналитические конструкции с глагольным лексическим выражением возможности/невозможности строятся сочетанием позитивной (1), отрицательной (2) или невозможностной (3) формы глагола бол-/ол-, а окказионально и других глаголов (4) с позитивным инфинитивом основного глагола. Избыточные образования с отрицательной и невозможностной формами инфинитива, характерные для армяно-кыпчакского языка, здесь не наблюдаются. Например: 1) Буну анламаға боли ^й блай СБ "Это можно понимать так"; хачма осан СГ "если сможешь убежать"; 2) тохтатма болмай НМ "остановить нельзя"; көтерме олмасан НКД "если не сможешь поднять"; 3) Чоҳ йалан сөлемө олмай СЛ "Долго врать не сможет"; 4) көтеріп атмага йенамай Б "подбросить не одолеет".

Как исключение в песенных и письменных текстах встречается аналитическая форма невозможности с деепричастием на -а основного глагола (1), а в разговорной речи - с глагольным именем на -мах (2), напр.: 1) йүрегім дайана (// дайан) етільмез СК "сердце мое не может выдержать"; ала бильсем, ішлер гузель т'ітер СЛХ: 25 об., 3 "если смогу взять, дела мои пойдут хорошо"; 2) беле д'ечінмек оламай СГ "просто так жить нельзя".

В разнообразных описательных конструкциях с субстантивным лексическим выражением возможности/невозможности используются главным образом заимствованные имена чаре "возможность; можно", ад "состояние, положение, возможность", сыра "ряд порядок, положение, возможность", міт'ан "возможность", өкүм "право" [Гаркавец 1981в]. Здесь отметим лишь случаи их сокращения. Конструкции -ма(ға) ал-ы бар (// вар) и -ма(ға) ал-ы ол-(а)-ма- подлежат стяжению на стыке инфинитива и служебного имени: -ма(ға) ал-ы > -мал-ы, образуя в 3-м л.ед.ч. форму, омонимичную с долженствовательным наклонением на -малы (1). Конструкция -ма(йа) сырасы вар подвергается стяжению на стыке инфини-

нитива и имени возможности, образуя совершенно неожиданный рефлекс -масы вар (// йох) (2), напр.: 1) алай олмалы йох-тур У "так быть не может"; сён падышахнен урушмалын йох Б "ты не можешь бороться против царя"; керушмедік кі гізлі сөйлейім оймалым осун ЦНБ У, 3684: 2, 14-15 "мы не смогли увидаться, чтобы я смог рассказать и обсудить по секрету"; 2) Йарамай да олмасы вар, гүзель де олмә сырасы вар ісана СК "И непорядочным может быть человек, и хорошим может быть".

Вероятно, конструкция с обобщенно-определятельным именем ші "вещь, дело, нечто" является калькой русско-украинского оборота тождественной структуры: Оларга да шанмаа шій йох-тур У "Им и верить-то нечего"; Шінді қорқмайа бір шейі йок-тур ЦНБ У, 3663: 1, 6 "Сейчас бояться нечего".

К числу новообразований, развившихся под славянским влиянием, относятся вопросительнo-инфинитивные (1) и восклицательно-инфинитивные (2) предложения возможности, возникшие на базе определенно-личных оборотов типа (3), напр.: 1) олар джыйшыыл'ар: Котяны нас етіп ельдүрмейе? П "собрались они: как сделать, чтобы убить Котю?"; 2) У тарзы шійні холдан чығартмара! СБЧ "Такую вещь выпустить из рук!"; 3) Напайым? СМ "Что мне делать?".

Категории наклонения и времени

Повелительное наклонение

В исследуемых языках повелительное наклонение объединяет личные формы, исторически принадлежащие к разным наклонениям и прошедшие сложный индивидуальный путь формального и семантико-функционального развития, а потому не одинаково передающие императивность.

Форма 1-го л.ед.ч. на -(а)(й)ым по происхождению является желательной. Сложно-членимый аффикс -(й)айым древнейших текстов, подвергаясь устойчивому сокращению, прежде всего после основ на гласный, и вокальной ассимиляции, дает сложно-неделимые рефлексy. Так, куманскими текстами после основ на согласный фиксируется полный аффикс -айым, -эйім, -ейім (1), а после основ на гласный - сокращенный вариант -йым, -йім (2), напр.: 1) берейім КК: 11, 13 "да воздам"; 2) анлайым КК: 65, 29 пр. "пойму-ка я, пусть я пойму". В армяно-кыпчакских памятниках при абсолютном преобладании ассимилятивных вариантов с узкой вокализацией -ййым, -ійім, -уйұм, -үйұм, подлежащих сокращению (3), встречаются и несокращенные варианты с широким начальным гласным (4), напр.: 3) чахұрыйым мен Мат.3522: 333, 19 "возвоу-ка я"; сорұым "спрошу-ка", хойұым "положу-ка" Акт.КП 8: 110, 2; 284 об., 11; 4) алайым мен Мат.3522: 333 об., 24 "возыку-ка я".

В урумском языке, где 1-е л. повелительного наклонения формально и по содержанию взаимодействует с настоящим временем индикатива на -(а) и -(а)й, выработаны некоторые закономерности, частично регулирующие соотношение между этими образованиями разных наклонений. В наше время вычленился 4 группы глаголов, которые в данном соотношении занимают различное положение: 1) односложные глаголы айт- "сказать", ал- "брать", бар-/вар- "пойти", бол-/ол- "быть", бул- "находить", йат- "лежать", сан- "считать; уважать", тан- "узнавать", тур- "стать", ур- "бить", хайт- "возвращаться", хал- "оставаться", образующие повелительное наклонение при помощи аффикса -йым; 2) односложные глаголы с гласными переднего ряда и многосложные основы на согласный, имеющие в повелительном наклонении аффиксы -айым, -ейым, а в настоящем времени -йым, -йім, -уйым, -үйым; 3) односложные глаголы с гласными заднего ряда (за исключением входящих в первую группу), которые в обоих случаях принимают аффикс -айым; 4) многосложные глагольные основы на гласный, в том числе отрицательные, у которых и в повелительном наклонении, и в настоящем времени диссимилативное выпадение одного из подобных слогов на стыке основы и формообразующего аффикса приобрело исторический характер, а потому в обоих случаях имеем -йым, -йім.

Редукция в пределах урумского аффикса -айым может касаться как гласных, так и тематического согласного: мен сана хул болайм СМО "я буду тебе слугой"; Ан, даа йох ну? Бахаам Ж "Ану, нет ли еще? Посмотрю-ка я"; Ай біраз түшүнөм СК "Ану-ка немного подумаю". Нередуцированные словоформы от основ на гласный, встречающиеся в текстах богослужебного содержания, заимствованы, очевидно, из турецкого (караманского) книжного источника: енд'ер истемес сен, гітмейейім (разг. т'ітмейім) ГПБ: 42,3-4 "если ты не хочешь, то давай я не пойду".

Форма 1-го л. ед.ч. может усиливаться частицей: Тохта, мен хылырайым-чи башчине У "Постой, поищу-ка я (у тебя) в волосах"; Айда, балам, чал бір ченгарбі, штійым-т'і Г "Давай, сынок, сыграй какую-нибудь мелодию, я еще послушаю".

В 1-м л. мн.ч. куманскими записями засвидетельствованы аффиксы -алым, -елім, -алы, -элі после основ на согласный и -лым, -лын, -лук, -йелім (-гелім?) после основ на гласный: андалым (//-лын, -лук) КК: 65,33 л.; 32 пр. "поймете"; кованалым КК: 73,2 "возрадуемся"; мінэлі ... йувуналы КК: 75,1-3 "чтобы мы поднялись ... чтобы мы омылись"; Бу бейімізні (егелім >) евелім, сый табухны кыламы, баһадур-сен дейәлім (дегелім?) КК: 73,16-17 "Восславим этого нашего господя, почтительное поклонение ему совершим, титан ты - скажем!". Аффиксы данной группы в армяно-кыпчакском языке, по-видимому, уже вышли из

употребления, так как отмечаются только в памятниках, где много огузских заимствований: дагн да айталык кӱ не учун 2 йа 3 болмах керек таных Вроц.1916: 178 об., 16-18 "также скажем, почему нужно 2 или 3 свидетеля". В то же время, широко фиксируются склонные к стяжению формы бывшего желательного наклонения на ^о-й^ох с узкими гласными: йуру барйух войтка да йааздырх Акт.КП 11: 123, 7-8 "пойдем-ка к войту и запишем"; барых холудйух Акт.КП 12: 169, 24 "пойдем попросим". В урумском языке форма на ^о-(й)елим и другие из указанной серии не употребляются, а в песенной речи она приобрела значение 1-го л.ед.ч.: Йол вер, д'ечерим, д'ителим СЛ "Пусти - я проеду, уеду". Как множественную встречаем ее лишь в школьном пособии, характеризующемся книжным влиянием: Нерейеджас селейелим? = ἔως τοῦ λέγουσιν ГХ: 64, 2 "До каких пор нам говорить (отвечать)?", - в греческом эквиваленте выступает будущее I. Образование урумских форм посредством редуцируемого аффикса -айых, -ейик, -аах, -еек, -ӕх, -ӕк, -ух, -ук, -йых, -йик осуществляется по правилам, описанным для 1-го л.ед.ч.

Во 2-м л.ед.ч. в куманских текстах наряду с чистой основой используется форма, усложненная маркирующим аффиксом -кыл, -хыл, -кӱл, -рыл, -гӱл, -рул, -гул, который, несмотря на полноту вокализма, может не подчиняться закону губной гармонии: сөвгӱл НК: 66 об., 1 "полюби". Армяно-кыпчакские памятники, кроме чистой основы, фиксируют формы с аффиксом ^о-н и маркирующими аффиксами -кын, -кин, -гын, -гин, -гун, -гүн. Для усиления повелительности используется энклитика -чы, -шы, проклитика е-, постпозитивное употребление местоимения; ташын Мат.2267: 38, 16 "перевози"; чыдовлу болгӱн Мат.2403: 3, 10-11 "будь терпелив"; бах-чы Акт.КП 8: 227 об., 54 "посмотри-ка"; бар-шы Акт.КП 8: 197 об., 52 "пойди-ка"; е-йе Мат.2267: 31, 21-22 "ну ешь"; тӱйӱл сен Акт.КП 11: 80 об., 36 "заткнись ты".

Маркирующих аффиксов типа -кыл, -кын урумские говоры уже не знают. Здесь при абсолютном преобладании чистой основы, довольно активно употребляется форма с аффиксом -н / -ӱн (1), ее сокращенный вариант от основ на носовой согласный с компенсирующей долготой гласного основы (2), основа, усложненная энклитиками -сана / -сана, -сеце / -се не, -саа, -сее, -са, -се, -чы, -чи, т'ӱ, -а, -е (3), частицами аде, еде (4). Как и в армяно-кыпчакских памятниках, используется сочетание повелительной формы с местоимением (5). Своеобразной контаминацией урумской повелительной формы 2-го л.ед.ч. и украинской аналитической формы "щоб + 3-е л. прошедшего времени индикатива" является аналитико-синтетическая форма "шоп + 2-е л.ед.ч. императива" (6). Примеры: 1) Алмасан, алмаӱн Зап. "Если не берешь - не бери"; Отурун, г'адам СГ "Садись, браток"; 2) Сахлан! ЧЗ "Прячься!"; 3) Чад-сана,

йарем, чал-сана СК "Играй, мой милый, играй"; көр-сене У "ты посмотри"; йалат-са йере харшы! Г "Ану-ка тресни (его) оземь!"; 4) Т'емда еле! СЛ "Ану иди сюда!"; 5) Рей! Гөр сен! Йылхыджи! СК "Эй! Ты смотри! Табунщик!"; 6) Харгайл'ар: Саа босун блай! Шоп сен хасталан! Шоп сен ель! П Ругаются: Чтоб тебе то-то! Чтоб ты заболел! Чтоб ты сдох!".

2-е л.мн.ч. в куманских записях оформляется аффиксами -ннз, -ннз, -уннз, -уннз, -ннз, -ннз и изредка -ннлар, -ннлар. Последний имел, вероятно, значение членимого множества: Бильге, тетик кишлер, менім сезім ешитинлер, екі йолны айрылар КК: 59,8-9 "Знающие, мудрые люди, выслушайте мои слова, разойдитесь двумя дорогами". В армяно-кыпчакском языке, где отмечены аффиксы первого типа, гармония гласных последовательна, ср.: йугунуннз КК: 61,27 "поклонитесь"; пам'етацца болунуз Акт.КП 8: 156 об., 41 "опомнитесь"; исключение составляют словарные примеры: пошман болуннз Мат.2267: 43,23 "покайтесь"; олтурннз Мат.3522: 257,22 "садитесь".

В урумских говорах во 2-м л.мн.ч. три формы - с аффиксами -он / -он, -онлар и -онз / -онз: Сіз ойнаң, йырлаң Б "Вы танцуйте, пойте"; Отурундер бір чикке НБ "Рассаживайтесь скраю"; Вар сораннз йигите СВ "Пойдите, спросите юношу". В последнем примере, помимо чисто песенной вокализации аффикса, наблюдаем неоформление первого из однородных сказуемых. Возможна и комбинация другого рода: Тез варын да алыннз да бір т'емече СК "Быстро пойдите и достаньте скрипку". Аффикс 2-го л.мн.ч. может принимать побудительная частица на "на, возьми", приобретающая в этом случае оттенок вежливости: Наннз, ара-лар, бу стаканнен топрагы СК "Нате, господа, этот стакан с землей".

Форма 3-го л.ед.ч. образуется при помощи аффикса -сын, -сін, -сун, -сүн, который только в куманских записях и в отдельных урумских говорах не является последовательно ассимилятивным: андасун КК: 65, 31 пр. "пусть поймет"; сорсын У "пусть спросит". Форма 3-го л.мн.ч. отличается наличием аффикса множественного числа. Закономерные ассимилятивные преобразования: -сынлар > -сыллар СВ, -сыннар Б-СК; в ВН-СМ исходное оформление.

Эволюция формообразующих аффиксов уже в армяно-кыпчакском языке сравнительно с куманским идет путем упрощения парадигмы за счет утраты дублирующих форм, в частности группы на -(а)лым, которые в урумском языке исчезли окончательно. Это произошло благодаря выравниванию формообразования 1-го л.мн.ч. по образцу 1-го л.ед.ч., представленного только желательной формой. Отмечается активизация усиленных побудительных частиц, прежде всего препозитивных (арм.-кып. хой, аны "пусть", йху "давай", урум. айда, айды "давай" и т.п.). Семантико-функциональное развитие повелительного наклонения опреде-

лялось системой взаимоотношений как между косвенными наклонениями и индикативом, так и между отдельными косвенными наклонениями. Следствием активизации желательного наклонения на -гай в армяно-кыпчакском языке стало ограниченное употребление повелительных форм 1-го и 3-го л. Частичное совпадение форм 1-го л. повелительного наклонения и настоящего (-будущего) времени на -(а)й в урумском языке способствовало углублению прослеживаемой уже в армяно-кыпчакских памятниках контактации этих форм, в частности увеличению числа употреблений этих форм повелительного наклонения в значении настоящего и будущего времен индикатива и наоборот, чему содействовало и отсутствие императивной формы в 1-м л.ед.ч. украинского языка и в 1-м л.ед. и мн.ч. в русском языке. Наличие общих моментов в семантике и употреблении повелительного, долженствовательного, желательного и условного наклонений стало основанием для использования повелительных форм с долженствовательным, желательным и условно-допустительным значениями в непобудительных предложениях. На фоне общего процесса аналитизации урумского грамматического строя выглядит вполне обоснованным усиление способности повелительных форм выражать вторичные модальные значения и формировать различные типы придаточных предложений. Развитие последних, в частности косвенноказузативных, оказалось одной из предпосылок существенных изменений в области понудительного залога, - подробно об эволюции семантики и функциональности повелительного наклонения см. [Таркавец 1986б: 42 - 48].

Настоящее общее на -а/-й и его рефлексы

Для уяснения путей развития форм настоящего времени индикатива, производных от настоящего общего на -а/-й, существенное значение имеют наблюдения и высказывания по поводу происхождения самого настоящего времени на -а/-й, сделанные в связи с другими личными и не-предикативными формами тюркского глагола. Во-первых, это идея общего происхождения личной формы на -а/-й и деепричастия с тем же аффиксом. Во-вторых, предположение о возникновении личной формы на -а от формы на -^ор. В-третьих, мнение о генетической связи индикативной формы на -а и желательной на -а/-й (и даже на -рай). И, в-четвертых, гипотеза о решающей роли связки в становлении финитных форм глагола. В целом реалистическую оценку эти идеи получили в одной из сравнительно-исторических монографий А.М.Щербака, который, со ссылкой на В.Кыльчоглу, обоснованно сводит эту глагольную форму вместе с омонимичным деепричастием и желательным наклонением к осложненному модальным оттенками субстантивно-адъективному имени действия на -а (типа йаза, бара), развитие которого характеризовалось, с одной стороны, усиле-

нием модальности, а с другой - вытеснением модальности временными значениями [Щербак 1981: 54, 82 - 83]. Указанные идеи не только позволяют корректно объяснить выявленные в исследуемых языках изменения, но и сами получают объективную хронологическую и содержательную конкретизацию в свете этого материала.

Происхождение -а из -о^р О.Н.Бетлингк аргументировал их частичным совпадением в якутском языке. Для опровержения данного предположения А.М.Щербак обращается к материалу карачаево-балкарского языка, крымского диалекта караимского языка (то же следует сказать и о тракайском и луцком диалектах [Мусаев 1964: 284 - 285]), диалектов башкирского, кумыкского, татарского и узбекского языков, где выпадение конечного р в форме аориста сопровождается сопутствующими фонетическими изменениями, в частности компенсирующей долгой [там же: 52 - 54; 82 - 83]. Указанное сокращение личных форм аориста появляется уже в куманском языке и широко отмечается в языке урумов, где оно происходит после основ на дрожащий и охватывает только часть личной парадигмы. Частичный характер перехода р > $\emptyset$, сопровождаемого фонетическими изменениями, и отсутствие аналогичной долготы у форм на -а придают данному процессу смысл контраргумента, лишая обобщающую гипотезу О.Н.Бетлингка исходной посылки и ограничивая объемом конкретного материала, охватываемого данной изоглоссой. В этом же объеме наблюдения О.Н.Бетлингк и сопоставительные данные других языков оказываются полезными для ограничения сокращенных форм аориста от новообразованных вариантов формы на -а в урумском языке.

В результате исследования разноязычных данных в плане предложенной Н.А.Баскаковым концепции о решающей роли связки турур в процессе вхождения формы на -а в состав финитных глагольных форм А.М.Щербак пришел, однако, к противоположному выводу и постулирует безсвязочный путь становления формы на -а как финитной: простые личные формы типа бараман "иду" являются, по его мнению, первичными, тогда как составные типа кумыкского бара турумман - производны, вторичны [Щербак 1981: 83]. Для кыпчакских языков и диалектов, генетически связанных с крымскотатарским языком, в этом конкретном вопросе невозможно переоценить куманские данные. Куманскими записями обсуждаемая форма фиксируется, вероятно, в начальный период падения связки: формы на -а/-й со связкой турур (1) или ее сокращенным вариантом -д^{ор} (2) еще абсолютно преобладают над бессвязочными употреблениями (3) и, что особенно важно, не отличаются от последних наличием модального оттенка утвердительности, который находим позже. Например: 1) чохлах ез езенден ель учун аха турур КК: 73,8 - 9 "ручей течет из своего источника для людей"; 2) бери улуй-дыр ЮС: 57,6 "волк воет";

уйуй-мы-дыр, ойов-мы-дыр? КК: 58, 25 л. "спит ли он, бодрствует ли он?"; 3) буйура-мен КК: 15 об., 1 "приказываю". Более того, памятник свидетельствует также о прежней продуктивности аналитической конструкции -а тур-, которая выступала и в прошедшем времени, правда с сокращенной связкой: Тап-тап: тамызык, тама-дырган тамызык, келега-сі бар /еса/, кейе-дырган тамызык КК: 60, 1-2 "Угадай-угадай: капля, каплющая капля, (хотя) у нее есть тень, (это) горящая капля" (загадка о бабочке).

Процесс морфологизации составной формы на -а/-й турур и структурно близкой к ней формы на -а/-й йурур в разных языках крымского ареала происходил по-разному и не одинаково интенсивно. Так, в армяно-кыпчакских памятниках, где морфологизировалась вторая из них (настоящее длительное на -^ойор), первая вообще вышла из употребления, а ее единичные бессвязочные фиксации следует, скорее всего, относить на счет междиалектной интерференции. В караимском языке, где настоящее на -а/-й в 3-м л.ед.ч. формально не отграничено от деепричастия, связка обязательна, и именно в этом лице /Мусаев 1964: 278-281/. И только в урумском языке, где процесс дифференциации деепричастия и финитной формы достиг наибольшей степени, в индикативе она выступает без связки, а в сочетании со связками образует аналитические формы с осложненной вторичными временными и модальными значениями семантики.

Для интерпретации комплексных изменений в сфере настоящего-будущего времени урумского глагола, на которых остановимся подробнее, существенное значение имеет прослеживаемая по армяно-кыпчакским памятникам контаминация между настоящим временем индикатива на -а/-й и повелительным наклонением (1-е л.ед. и мн.ч.). Кыпчакскими пособиями по армянскому языку повелительные формы 1-го л.ед.ч. на -ийім и 1-го л.мн.ч. на -ийіх применяются для перевода армянских глагольного и именного сказуемых в настоящем времени индикатива: аротем ес = ексиді(й)ім мен Мат.3522: 333 об., 15 "уменьшаю, унижаю"; һарү' ем = сорійім Мат.2267: 29, 27-28 "спрашиваю". С этим же значением данная форма используется и в связных текстах (1), где ее сокращенные варианты наряду с индикативным (2) передают и оптативное значение (3), что правомерно расценено Т.И.Груниним в качестве основания для распознавания в последних - по аналогии с азербайджанским языком и анатолийскими диалектами турецкого языка - форм желательного наклонения /Документы 1967: 375-376/. Например: 1) хайсін айтійім да хайсін білінійім Вар.6: 41 об., 8 "которую (молитву) я произношу и в которую верую"; Сені, бій, йалбарійіх, айтійіх барчанһз бір саз біне Мат.2403: 10 об., 9-12 "умоляем тебя, господи, говорим все едино-

гласно"; 2) ходум Мгрдичні кі тэзгэй кельгёніне анча менім ейемніц Нігороснун Акт.КП 11: 7, 17-18 "прошу Мгрдича, чтобы он подождал до прибытия моего мужа Николоса"; 3) а мен хатун біле йалғызым терелешім Акт.КП 12: 169, 26-27 "а я (пусть) буду судиться с той женщиной сам".

Форма на -а/-й как финитная в смешанных урумских говорах развивалась в условиях формального и семантического взаимодействия с желательной формой на -(а)й и настоящим-будущим индикатива на -^{ор}/-маз. В результате этого сложного процесса в урумском индикативе сформировалось многокомпонентное образование, имеющее вид парадигматико-семантического континуума форм настоящего-будущего времени. Этот континуум объединяет парадигмы настоящего-будущего на -(а)/-(а)й, настоящего на -(а)й и настоящего-будущего на -^{ор}/-маз, которые в ряде позиций совпадают формально и не различаются по смыслу. Попытки построения строго выдержанных отдельных парадигм для указанных трех времен желаемого результата не дали, и в конце концов мы пришли к заключению, что частичное совпадение этих времен глубоко органично. В данном случае, по нашему убеждению, следует говорить не о контекстуальном неразличении омонимичных компонентов одного континуума, то есть не о формальном совпадении семантически различных единиц, а об общности формы, об одновременной принадлежности одной и той же формообразовательной модели к различным парадигмам и о неразграничении в семантике этой общей для двух-трех парадигм грамматической формы ее отдельных значений, свойственных (в прошлом) тождественным элементам совпадающих парадигм. Этот частный вывод может иметь и более общее содержание, если отмеченные факты рассматривать в комплексе - принимая во внимание не только подобные случаи в области глагольной парадигматики, но также явления омонимии и синкретизма языковых единиц в целом - словоизменительных, формообразовательных и других.

Современное состояние соотношения парадигм настоящего-будущего на -(а)/-(а)й, настоящего на -(а)й и настоящего-будущего на -^{ор} и данные родственных языков позволили построить принципиальную схему развития урумских форм настоящего-будущего времени (см. стр.103). Она показывает общность форм 3-го л.ед. и мн. ч. настоящего-будущего на -(а)/-(а)й и настоящего на -(а)й, общность, которая в кыпчакских диалектах крымского ареала начала складываться, очевидно, в XIV - XV вв., то есть после составления памятника "Codex Cumanicus" и до времени возникновения армяно-кыпчакских памятников, в которых такая унификация уже нашла отражение. Форма на -(а)й как инодиалектная фиксируется в них преимущественно с йотированным ассимилятивным аффиксом -ай, -эй, -ий, -ій, -үй, -үй, -й, к которому присоединяются

Положительный аспект:

Исходная парадигма
(Настоящее общее на -а/-й кр.-тат. языка)

Основы на гласный		Основы на согласный	
-й-ым	-й-мыз	-а-м	-а-мыз
-й-сың	-й-сыңыз	-а-сың	-а-сыңыз
-й	-й-лар	-а	-а-лар

Унификация

Контаминация с I-м л. повелительного (< желательного) наклонения на -(а)йым, -(а)йых при общем семантическом и частичном формальном противопоставлении

форм 3-го лица

Контаминация с сокращенными формами аориста от основ на прожаший типа барым < барырым "иду, пойду", берім < берірім "даю, дам"

Настоящее на -(а)й

Основы на гласный (согласный)

-(а)й-ым	-(а)й-мыз/-(а)й-ых ¹
-(а)й-сың	-(а)й-сы(ң)ыз ²
-(а)й	-(а)й-лар

Настоящее-будущее на -(а)/-(а)й

Основы на гласный (согласный)

-(а)-м	-(а)-мыз
-(а)-с	-(а)-сы(ң)з
-(а)-й	-(а)-й-лар

Отрицательный аспект:

Исходная парадигма
(Настоящее общее на -а/-й кр.-тат. языка)

{	-ма-й-ым	-ма-й-мыз	}
	-ма-й-сың	-ма-й-сыңыз	
	-ма-й	-ма-й-лар	

Настоящее на -(а)й

(Объединение с I-м лицом повелит.(< желат.) наклонения)

-ма-й-ым	-ма-й-мых/-ма-й-ых
-ма-й-сың	-ма-й-сы(ң)ыз
-ма-й	-ма-й-лар

Настоящее-будущее на -(а)/-(а)й

(Объединение с аористом в I-м и 2-м лицах)

-ма-м	-ма-мыз
-ма-с(ң)	-ма-сы(ң)з
-ма-й	-ма-й-лар

Настоящее-будущее (аорист) на -⁰р/-маз

Положительный аспект

-(а)р-ым	-(а)р-мыз/-(а)р-ых
-(а)р-сы(ң)	-(а)р-сы(ң)ыз
-(а)р	-(а)р-лар

Отрицательный аспект

-мам, -ман,	-ма(з)-мыз, -ма(р)-
-ма-р-ым	-мыз/-маз-ых
-ма(з)-с(ң)	-ма(з)-сы(ң)з,
-ма(р)-с(ң)	-ма(р)-сы(ң)з
-маз, -ма-р	-маз-лар, -ма-р-лар

¹Через косую (/) даны чисто огузские варианты.

²Регулярно редуцируемые элементы аффиксов 2-го лица даны в скобках. Аффикс -сың дает рефлексы -с⁰, -с, -з, -⁰с, -⁰з.

личные аффиксы именной сказуемости -мен; -сен; -й; -біз; -сіз; -лар/-лэр. По значению это форма настоящего общего: оповідатца болуй-мен Акт.КП 8: 229 об., 31-32 "заявляю"; закладат еті-сен ағач будован'е Акт.КП 20: 94 об., 11-12 "ты начинаешь строить деревянное строение"; більдірі-біз Акт.КП 8: 120 об., 6 "сообщаем"; клій-сіз Акт.КП 20: 65 об., 34 "хотите". Форма отрицательного аспекта на -мі здесь противопоставлена запретительному (желательному) наклонению на -май: мен кенсін йараламі-мен йохесе ол мені йаралады Акт.КП 8: 122, 40-41 "я его не ранил, а он ранил меня"; преконат етмі-сіз Акт.КП 20: 65 об., 36 "вы не убеждаете".

Настоящее-будущее на -(а)/-(а)й урумского глагола характеризует преимущественно кыпчакские говоры, выступая здесь параллельно с настоящим на -(а)й и настоящим-будущим на -ор и по количеству употреблений значительно превосходя последнее. В огузских и огузско-кыпчакских говорах настоящее-будущее на -(а)/-(а)й менее употребительно, особенно в сфере будущего, где аорист ему не уступает.

От основ на согласный эта форма образуется при помощи аффикса -а, -е, -ы, -і, -у, -ү в 1-м и 2-м л. и аффикса -ай, -ей, -ый, -ій, -уй, -үй в 3-м л. При образовании от основ на гласный личные аффиксы присоединяются непосредственно к основе глагола, в связи с чем можно говорить о приобретении формантом -й сущности личного показателя 3-го л. В школьных пособиях после глагольных основ на гласный встречается аффикс -йа/-йе: охуйасын "читаешь", діннейесініз "слушаете", кельмейесін "не приходишь" ГХ: 64, 4-8. Формообразующие аффиксы с широким гласным в 1-м и 2-м л. принимают все односложные глаголы, за исключением глаголов айт- "сказать", ал- "брать", бар-/вар- "пойти", бол-/ол- "быть", йат- "лечь", сай-/сан- "считать, уважать", тур-/дур- "стоять", ур- "ударять", хайт- "вернуться", хал- "остаться", которые преимущественно принимают аффиксы с узкими гласными, но возможны и отклонения. Остальные глаголы принимают аффиксы с узкими гласными. Вокализация личных аффиксов ассимилятивная. Сокращенный аффикс 2-го л. ед. ч. -с часто озвончается: Сен барыз ым? В "Ты пойдешь?"; олуйс ат, тепез мені В "станешь конем, лягнешь меня"; Нәсаз? Не шлес? Нед'е лафлаз? В "Что делаешь? Зачем болтаешь?".

Под влиянием аффиксального й в 3-м л. предшествующий аффиксальный гласный и гласный основы палатализируются и теряют лабиальность (1). Этот фонетический переход полнее всего проявился в СВ, где по аналогии с 3-м л. гласный і стал употребляться и в 1-м и 2-м л. (2). Вероятно, этому способствовало отпадение й после і, ы в 3-м л. ед. ч. тех же глаголов (3), в целом типичное для звуко сочетаний ій, ый в СВ. Вместе с тем, наблюдается и противоположный процесс - прогрес-

сивная ассимиляция преаффиксного негубного гласного основы губным гласным корня (4). Например: 1) барійлер "идут", ейтіі "говорит" ВН; охій// охій "читает" СБ; отруй "сидит" У; 2) оздурім "провожу", дім "скажу", авдарім "переверну" болім "буду" СБ; Сен кім боліс? "Ты кем будешь (ты кто)?" ВН; стіс "хочешь" Ж; 3) ді "говорит", алі "берет", айл'анн "крутится", йатн "лежит" СБ; 4) боза сезүйлер СБ "наливают бузу"; көк гудурдүй "гром гремит", не сейлүй о? "что он говорит?" Г; ойн'үйлер// ойн'айл'ар СК "танцуют".

Начальный плавный аффикс мн.ч. в 3-м л. под влиянием й палатализуется: айтйыл'ар СБ-СК "говорят". В ВН вследствие палатализации гласный а переходит в е: ахыллайлер "умничают".

Ассимилируясь, аффикс -(а)/-(а)й после основы на согласный может полностью редуцироваться: наз айтлер она? "как на него говорят?"; отірлер атларга, чабайлер артына, хайтлер т'ері "садятся на коней, скачут за ними и возвращаются назад" ВН; Отурмуз. О басты хамур Б "Сидим. Она замесила тесто"; Т'ітсін сіз көп йерлерге, йүрсүн, көп ші й керүсүн СБ "По многим местам Вы ездите, много чего видите".

Выпадение плавного (с последующим гласным) перед аффиксальным й или после него (в аффиксе мн.ч.) следует рассматривать, видимо, в плане диссимилативной редукции: хайл'ар (< халыйл'ар) артындан Б "они остаются сзади"; хутлүй хайй ер бір шйден де, аздан да хутулуп хай (< халый) Кам. "все теряет, и малое теряет"; ср. во 2-м л.ед.ч. настоящего на -(а)й: т'етіркесе саа, өзүн варып айсы (< алыйсы) Кам. "если не приносит тебе, сам идешь забираешь".

Настоящее-будущее на -(а)/-(а)й передает действие, одновременное с моментом речи, будущее и прошедшее. Это основные, собственно временные, значения данной индикативной формы. Одновременное действие мыслится как общехарактеризующее в момент речи (1) или как свойственное субъекту в принципе (2). Сравнительно с настоящим на -(а)й данная форма в указанных употреблениях имеет более широкое темпоральное и общехарактеризующее содержание: 1) чыхам чыхары - нефес аламам У "выхожу наружу - не могудохнуть"; 2) не стес, ону етально П "что хочешь, то можешь сделать"; хырарламайан мал көтүнмей СГ "неподаренный скот не пасут".

Действие в будущем, кроме чисто временного значения (1), может представляться с сопутствующими оттенками стремления, убежденности, уверенности, особенно выразительными при отрицании (2). В соответствующих контекстах форма на -(а)/-(а)й может иметь более очевидные модальные значения намерения - в 1-м лице (3) и побуждения - во 2-м лице (4). Последние, не являясь уже прямой реализацией внутренней формы, обусловлены коммуникативной целенаправленностью высказывания,

его обращенностью в плоскость будущего. Тем не менее, в таком употреблении формы на -(a)/-(a)й с равной вероятностью можно усматривать и частичное сохранение ею исходной оптативной семантики, типичной для урумских (в значительной степени огузских) текстов XIII века (5). Например: 1) Бет'им бегедже туш керум СЛ "Может, сегодня ночью увижу сон"; Хана, не айтй? СМ "Ану, что скажет?"; 2) Шитмедик, но биз т'итсек, тапамыз Б "Мы не слышали, но, если пойдем, найдем"; 3) Вермем вариппе хызмы П "За бедняка я свою дочь не отдам"; 4) Бнд'ер т'есе ао кіші, беріс (// берін) оңа абу алманы, айтис оңа ВН "Если придет тот человек, дашь ему это яблоко и скажешь ему"; 5) Ону бакып вукуф оласыз падышахымызын емір ЦНБ У, 3664: 1,9-10 "Из него вы узнаете повеление нашего царя" // Еріор не саат кейлерінізе аяк барсарса, о саат бір дакіка тургузмайсыз ... ейлендірмейесіз, бейле ейлейесіз (там же: 1 об., 3-9) "Тот же час, как только нога Григора ступит в ваше село, ни минуты не задерживайте ... тотчас, не задерживая, так и поступите".

Отдельные модальные по смыслу и употреблению словоформы склонны к лексикализации в виде модально-предикативных наречий: саньс "считай", болій "можно", олуй "хватит" У, СБ, СК. Приведенные словоформы в соответствующих населенных пунктах используются в функциях вводного слова, сказуемого и обстоятельства меры.

Допустительные и допустительно-разделительные значения у формы на -(a)/-(a)й развиваются благодаря контекстуальному противопоставлению выраженного ею исчерпывающего условия императивному следствию (1) и разделительному значению конструкции (2) соответственно: 1) Несас, ай неса, хутхар мені У "Сделай что угодно, сделай и спаси меня"; 2) Стій йазлава барла, стій хышлава барла СГ "Хоть к летовнику привяжи, хоть к зимовнику привяжи". Во втором предложении словоформа стій приобретает сущность повторного разделительно-допустительно-го союза, тождественного по смыслу союзам стесе ... стесе, болсун ... болсун, олсун ... олсун, которые по происхождению являются формами условного и повелительного наклонений глаголов сте- "хотеть" и бол-/ол- "быть".

Значение неочевидности у формы на -(a)/-(a)й фиксируют песенные тексты огузского происхождения: Йар, сенін д'ельдігін ің біламадм, д'елесін де рандже д'улун сарасын СЛХ: 20,1-2 "Милый, я не могла знать о твоём приезде, что ты приедешь и обнимешь свою розу".

Форма настоящего-будущего времени на -(a)/-(a)й используется и как настоящее историческое: Алты бучух йылдан сора йапыллы чойунка йолдан СК "Через шесть с половиной лет строится (была построена) железная дорога"; Даа т'итмій мй? Г "Он еще не приходил?".

Настоящее время на -(а)й от глагольных основ на гласный образуется при помощи аффикса -й, которому после основ на согласный предшествует один из шести аффиксальных гласных. Использование аффиксов с широким или узким гласным имеет форморазличительный смысл только в 1-м л.ед.ч. всех говоров и в 1-м л.мн.ч. огузских говоров Г-СК, где имеется частичное совпадение с повелительным наклонением. Корреляция широких и узких вариантов, описанная для 1-го лица повелительного наклонения, существенна и во 2-м и 3-м лицах - за тем исключением, что здесь ввиду отсутствия омонимии с императивом широкие а, е могут более свободно переходить в узкие под влиянием аффиксального й. Личная аффиксация тождественная с настоящим-будущим на -(а)/-(а)й, и только в огузских говорах Г-СК в 1-м л.мн.ч. на месте кыпчакского -мыз выступает императивно-желательный аффикс -ой^ох/-ой^ок; в текстах ХУШ века встречаем и огузский аффикс -оз: аллахын тембеллерини тутмайныз ЦНБ У, 3687: 1, 16-17 "мы не придерживаемся заповедей господних". Особо отметим стяжение форм 1-го л.ед.ч. на -ой^ом и 1-го л.мн.ч. на -ой^ом^оэ, а изредка и на -ой^ох, которое происходит четырьмя способами: падение гласного личного аффикса (1), опущение й с появлением зияния гласных (2), вследствие чего может возникать удвоенный (3) или долгий (4) гласный, напр.: 1) йүрүтүм СВ "вожу", ашатыймыз У "кормим", ййик // ййик Ж "едим"; 2) йүрүм ВН "хожу", йазаам У "пишу"; 3) йүрүм ВН "хожу", айрылым Г "расстаюсь"; 4) йүрүм ВН "хожу", айтүм СВ "говору", ойнам В "играю", ичмём Г "не пью".

Форма на -(а)й преимущественно обозначает действие, одновременное с моментом речи, воспринимаемое (сравнительно с настоящим-будущим на -(а)/-(а)й) конкретно, в пределах определенного отрезка времени, в более тесной связи с моментом речи и приуроченно к отдельным реальным ситуациям, которые имеются в виду даже тогда, когда речь идет о привычке, черте характера, неотъемлемом признаке: Нас туртйісіз, стүңүзге т'ййініз не т'ерек ВН "Как стоите, оденьте на себя что надо"; беде де отруйум Ж "вот так и живу"; түшүнүйсі-түшүнүйсі "тапмайсы" БН "думаешь-думаешь - не припомнишь"; Нед'е сіз мем балам күчүт' етйісіз? Б "Что вы мучите моего ребенка?"; Нас утанмайс сен! СК "Как тебе не стыдно!"; сен тек сөгнүйсүн СГС "ты лишь ругаешься".

Будущее действие мыслится в пределах определенного отрезка времени (1). Несмотря на частичное совпадение с повелительным наклонением, особенно в огузских говорах, модальные оттенки намерения, побуждения, уверенности для этой формы малохарактерны. Разговорные контексты с побудительным значением формы на -(а)й крайне редки (2). Например: 1) Бах, балам, бір йыл. Соң керййіміз, болй-дир СВ "Ухаживай, сынок, один год. Потом увидим - будет (настоящий конь)"; 2)

Балта хахайсыз, дирек йнхлы, сіз де алысыз хызы, т'елісіз В "Срубите топорами, дерево упадет, вы заберете девушку и приведете".

Конкретность семантики, вероятно, не способствует применению формы на -(а)й для обозначения событий прошлого. Редкие примеры: Нечүн бөгүнедже айтмайсыз маа буну? Г "Почему вы до сих пор мне не ска-
зали этого?"; Вот, сен бөгүнеджем де бішій де тушунійсін етмее она
гузель СГС "Вот, донныне ты не подумал сделать для него что-нибудь хо-
рошее".

Формы вторичной модальности. Куманские и армяно-кыпчакские ана-
литические формы со связкой турур / дурур / -д^{ор} модальной семантики
еще не приобрели. В урумском языке, где морфологизация сказуемых
форм на -(а)/-(а)й и -(а)й завершена, связка -д^{ор} является показате-
лем утвердительной модальности: Мен т'ітій-дірім! Не де оса! К "Я
обязательно уйду! Во что бы то ни стало!"; Біз сені чаптырй-дырх!
СЛ "Мы уж тебя заставим побегать!". Пересказательные формы данных
времен в большинстве урумских говоров образуются посредством связки
ет'ен (в песнях возможно екен), а в Ж, СК - при помощи связки -мыш,
-міш, -муш, -мүш, напр.: Тек о хылыч т'есій ет'ен он башын, бахшасы
т'есмій ет'ен СГ "Только тот меч может срубить его голову, другой не
срубит"; Атлар д'ецамай іміш, о хадар дерен о сулар СК "Кони не мо-
гут переправиться, до того глубоки те реки". Известная армяно-кып-
чакским памятникам форма условной модальности употребляется и как
условная, и как уступительная: А строны харджланмахы учүн айтій есе
... ол анын еркіне дір Акт.КП 14: 16 об., 30 - 31 "А если уж он гово-
рит о своих издержках ... то это его личное дело"; Хыдырмага башла-
май болса, табалмай барйох ВН "Если не начнет искать, не найдет ведь
вообще"; Не де селій осан, йннанмам СЛ "Что бы ты ни сказал, не верю".

Определенный имперфект на -(а)й еді отрицательную форму в армя-
но-кыпчакском языке образует посредством форманта -мій еді, противо-
поставляясь запретительному наклонению с формантом -май еді. По сво-
ему содержанию армяно-кыпчакская форма на -(а)й еді / -мій еді может
быть определена как прошедшее конкретное незавершенное время индикатива.
Употребляется синтаксически безотносительно и обозначает вполне
определенные и достоверно известные действия, приуроченные к кон-
кретному отрезку прошлого (1); формы общепризнаваемой семантики
могут использоваться в качестве фоновых (2), включаясь за счет этого
в союзные терминативные придаточные предложения (3), напр.: 1) мен
кенсім де йедім, бильмәс едім кі хайдан алій еділәр Акт.КП 15: 36,
25 - 26 "я и сам ел, но не знал, откуда они его брали"; 2) алайже һет-
мән да польный н'езначи'е орталарына чыхып еді, чах ол йердә, хайда
кі түрк чавушлар чыхып да очекват етій еділәр неміч ельчиләрін Ве-

нец.1700: 144,10 -12 "и гетман польный тоже выехал в их чisle, недалеко, лишь до того места, где турецкие чауши ожидали послов"; 3) Евет нiм кi ельчiлер бармiй едi, ол же куну дiнсiз йеберiп едi татарны Пановц'ага Венец.1700: 144,22 - 23 "Однако, раньше чем послы поехали, в тот же день неверные послали татар в Пановцы".

В урумских говорах форма на -(а)й едi, часто используемая в сокращенном виде (в связи с редукцией связки), наряду с безотносительным (1) имеет и синтаксически связанное, соотносительно-фоновое (2) значение. Отнесенность к прошлому - благодаря более разнообразной семантике форм настоящего-будущего на -(а)/-(а)й и настоящего на -(а)й - здесь уже не столь определена, как в армяно-кыпчакском языке, где данная форма, вероятно, инодиалектна, но еще и не настолько обобщенно-качественна, как у формы на -^ор едi. Например: 1) Анда да тутетрiйiк (< тутетрiй едiк) тобан тыгып, от соң чыгайл'ар СБ "А потом, заткнув (в нору) солому, дымили, вот после этого они и высказывали"; 2) О т'ерекмей едi, ама еке чыхмыш - селедi СК "Оно не надо было, но рассердился - сказал".

Настоящее длительное на -^ой^ор в исследуемых языках имеет фонетически различные форманты: куман. -ей^ор, -уй^ор, -ий^ор, арм.-кып. -нй^ор, -ий^ор, -уй^ор, -үй^ор, в урумском фольклоре, а отчасти и в письменной речи уже конца XVIII века, -ай^ор, -ей^ор, -ый^ор, -ий^ор, -ый^ор, -ий^ор, -ай^ор, -ей^ор, -ий^ор, -ый^ор, -ий^ор, -уй^ор, -үй^ор с самими неожиданными - из-за отсутствия в собственной разговорной речи - преобразованиями: Бу подпiскайы солдатлaн йоллай^орем ЦНБ У, 3663: 1,6 - 7 "Подписки эти посылаю с солдатом"; Хара денiз: "Ахмaм", - дей^ор Г (// дерiоз К, дей^о о СЛ, дiй^о ох Г) "Черное море говорит: "Не потеку""; Осман-паша джан верiй^оз К (// верiй^о оф Г, верiй^о ох Г, верiй^о о ВН, верiй-дiр//верiй^оз Б) "Осман-паша отдает душу". При куман. и арм.-кып. личных аффиксах -мен; -сен; -Ø; -бiз; -сiз; -лар/-лөр в 1-м л.ед.ч. в урумском имеем -^ом.

Куманская форма имела значение действия, одновременного с моментом речи: беш башты ельчi келiй^ор КК: 60,26 "подходит пятиглавый посол". Для армяно-кыпчакской формы Т.И.Грунин выделял значения настоящего данного момента (1), настоящего, выходящего за пределы момента речи (2), и прошедшего (3) (Документы 1967: 367 - 368/, напр.: 1) не-мiч корт кумушун ерiтiп сатый^ор - алыр мi сен? ДГ: 22 "один поляк продает переплавленное серебро от палаша - купишь?"; 2) на Тавко тe-лөгәй пан һәрбеткә не бәһада кен йүрiй^ор ДГ: 69 "то пусть Тавко оплатит Арбету по цене, по которой кожа продается"; 3) бу хачу барып Иловга iшнi йасамий^ор ДГ: 20 "этот Хачу ездил во Львов и дела не сделал". Отрицательная форма на -мiй^ор использовалась и для обозначения

одновременного действия (не только настоящего исторического) (4), а положительная могла иметь значение прошедшего (5), напр.: 4) ол өвгэ бліскосту йох-тур, негінче кі потомуку заведіт етмійір кенсі дз'е-дзінтвосун Акт.КП 8: 170,27-28 "прав у него на этот дом нет (и не будет), пока наследник не заставит свое наследство"; 5) біз мундан неча йыл ілгәрі осадіт етійір-біз йахшы кішіләрі Акт.КП 12: 170,33-35 "несколько лет назад мы (со своей стороны) назначили посредников".

Урумские фольклорно-литературные словоформы имеют значение настоящего данного момента (1), но преимущественно - настоящего длительного (2), во втором случае замещаясь собственными урумскими формами на ⁰р и -(а)й (3), напр.: 1) а керуйум т'і кезлерін пунар т'ібік арлійур СЛХ: 16 об.,23-24 "вот вижу, что глаза твои плачут ручьями"; 2) бу хусустан бу шаатламайы верійірім ЦНБ У, 3680: 1,7-8 "по этому поводу даю это свидетельство"; 3) Т'абіден д'елейур аджу, Мусурден д'елейур караджу ГПАГ: 41 об.,8-9 "Из Каабы идут паломники, из Египта идут солдаты"; сіз білір-сіз ама бен бөйле мінасіп керуйірім ЦНБ У,3684: 1, 15-16 "вы знаете, но я считаю, что (делать) надлежит так"; 3) Кун кунден артайор, ексільмез дердім ГК: 9 об.,16-17 (// артай ексільмей К, артар ексільмез Б, артай ексільмез Г, артар ексільмез олур ВН) "Изо дня в день растут, не уменьшаются мои страдания".

Форма условной модальности этого времени на ⁰й⁰р есә армяно-кыпчакских памятников сохраняет значение настоящего, выходящего за пределы данного момента: а йакуб егәр анда борчун Авактан алып есә да һалі 2-інчі біттірійір есә ... борчлу болгай ... справіцца болма Акт.КП 19а: 1 об.,6-8 "а если Якуб тогда получил с Авака свой долг и теперь требует уплаты во второй раз, то должен отвечать".

Прошедшее длительное на ⁰й⁰р еді для армяно-кыпчакского языка выделяется как определенный имперфект, передающий действие, "длившееся в определенный момент прошлого и, как правило, сопровождавшее другое действие" [Документы 1967: 368]. Действительно, употребленная соотносительно, эта форма имеет значение преждепрошедшего времени (1), а при безотносительном использовании - давнопрошедшего (2), например: 1) ічкәрі отуруп ічійір едіх, на анснзын хахрада аваз чхы-ты ДГ: 46 "сидели мы себе внутри, выпивали, и вдруг в сенях послышался крик"; 2) а салага мен йеберіп едім кенсім, а салып мені кетмійір едір Акт.КП 14: 175,8-9 "а в село своего мужа я послала сама, а не он бросил меня и уехал".

Настоящее-будущее на ⁰р/-маз

В исследуемых языках данная форма очень давно стала специализи-

роваться как глагольно-финитная. В этом нашла воплощение ранняя общетюркская тенденция к дифференциации частей речи и их отдельных парадигматических образований, которая в последнее время получила углубленное, общеалтайское освещение [Кормушин 1984: 63]. Функция сказуемого является для нее основной уже в куманских текстах, которые иногда фиксируют ее и как атрибутивно-функциональную: тувууур ата КК: 76,17 "рождающий отец"; түгенмез тірілік КК: 63,27 "нескончаемая жизнь"; кечер чаклы йазык КК: 66,11 "простимый грех" и под. Армяно-кыпчакские и урумские атрибутивные словоформы нерегулярны по образованию, адекватны по смыслу и сочетаемости: ашыра йарар елі бар еді Венец.1700: 132,15 "у него был очень подходящий народ"; гудьмес пашаан індемес хызы СГ "молчаливая дочь несмеяна-царя"; од есе од добродѣйство учун йетер дугуль Акт.КП 26: 183 об.,23 "он же этим благодарением недоволен".

В роли имени действия засвидетельствованы отдельные словоформы: берірі Акт.КП 11: 188,34 "его долг (уплата)"; Ондан саа т'елір олур Кам. "Оттуда тебе бывает прибыль"; ср. кр.-тат. гъайыблары ве келірлері ТХМ: 212 "их утраты и прибыли". Показательно, что урумское существительное т'елір фонетически противопоставлено сокращенной форме аориста т'ер (< т'елір) "придет", что явно свидетельствует о лексикализации первой из словоформ.

Процесс выделения формы на -оу/-маз как глагольно-финитной в урумском языке достиг завершающей стадии. Особенно это касается тех говоров, где в положительном аспекте вместо именных аффиксов сказуемости стали использоваться личные показатели глагола, а в отрицательном, кроме того, вследствие разных фонетических преобразований, возникли модели, в значительной степени утратившие адекватность изначальным полным формам.

Сокращенные формы от основ на сонорный дрожащий согласный, отсутствующие в языке армяно-кыпчакских памятников, регулярно образуются в урумских говорах. Редукция формообразующего аффикса количественно компенсируется появлением долготы гласного основы: кечүр ВН-СГ, гечүр Ж,СК "перевезет", йүрмүз ВН-У, йүрук Г-СК "пойдем". Начальную стадию стяжения - частичную редукцию межсонантного ударного аффиксального гласного в 1-м л.ед.ч. в четырех графических вариациях отражают куманские записи: 1) berürme(n) КК: 7,27 берүр-мен "даю"; 2) eyrumen КК: 26 об.,1 айүрүр-мен "разделяю, разлучаю"; 3) bitirime(n) КК: 22,19 бітірір-мен "кончаю"; 4) jaendirme(n) КК: 81 об.,29 л. йандырыр-мен "отдаю, возвращаю". Варьирование обусловлено как необычностью самого явления и неразработанностью принципов его графического обозначения, так и нерегулярностью или ошибоч-

ностью раскрытия выносных сонорных согласных переписчиком.

Личные аффиксы в куманском и армяно-кыпчакском языках: -мен; -сен; -0; -біз; -сіз; -лар/-ләр/-лер. Окациональные варианты, обязанные огузскому влиянию: ішләрым "работаю", йалбарырыз "умоляем" Мат.3522: 334 об.,19; 333 об.,8. В урумских говорах наблюдается унификация личных аффиксов формы на -0р в соответствии с собственно глагольной парадигмой личного спряжения. В I-м л.ед.ч. во всех говорах имеем аффикс -0м, а в речи старшего поколения жителей СМ иногда также -мы, -мі. Остальные аффиксы даны в сводной таблице спряжения (с. 103). В письменных текстах XVIII века как исключение встречается огузская форма еперіз ЦНБ У, 3665: 1,4 "целуем". Отрицательная форма с аффиксом -мар при общеурумском -маз (кроме I-го л.ед.ч., где имеем -мам, изредка -ман) как параллельная наблюдается в Б и У: бармарым "не пойду", бармарсы "не пойдешь" и т.д. Ее не обязательно рассматривать как архаизм. Возможно, что это новообразование, связанное с унификацией по образцу позитивных форм.

Состояние формы на -0р/-маз в куманском языке и ее дальнейшее развитие в армяно-кыпчакском, урумском и родственных языках убеждает, что первичным для нее было значение настоящего длительного времени индикатива (в языке древнетюркских памятников ее рассматривают как "вневременную форму, обозначающую действие как признак, проявляющийся вне определенного времени" /Кондратьев 1970: 104/ со ссылкой на /Котвич 1962: 236/). Неопровержимым аргументом в пользу такого заключения является развитие в данных и других тюркских языках связей настоящего времени типа -т0р/-д0р, -й0р. Куманские формы на -0р/-маз соотносятся с латинскими глаголами в настоящем времени индикатива (андлар-біз = intelligimus КК: 65,4 л. "понимаем") и конъюнктива (Йесусына марат йетер = ad iehum tuum certitudinaliter perueniat КК: 71,5 "непременно достигнет твоего Иисуса"), перфектом конъюнктива (кім кім кірер = quoscumque introierit КК: 71,15 "кто бы и когда бы ни вошел") и с немецким настоящим (керілір-мен = ich geizze mich КК: 57 об.,8 л. "я потягиваюсь"). Значение настоящего длительного имеет и большинство текстуально употребленных словоформ. Некоторая ретроспективная обобщенность в характеристике постоянных, обычных действий и состояний позволяет форме на -0р, кроме того, описывать события прошлого, результаты которых принципиально актуальны для говорящего в момент коммуникации, а в одном из контекстов данная форма вообще толкуется как синонимичная с прошедшим результативным на -0п-т0р, напр.: ол кертірір барча ельні куткардач КК: 61 об.,25-26 "он воистину стал спасителем всех людей"; енер-мен вел еніп-тір-мен = ich (böyge >) böyge mich КК: 57 об.,34 л. "я сгибаюсь или я со-

гнулся (и остаюсь в таком положении)". Длительность оказывается семантической базой для обозначения будущих действий. И хотя в куманском языке футуральное употребление форм на ⁰р еще не стало регулярным, предпосылки к этому можно усматривать в использовании их для описания постоянных признаков, актуальных и для будущего, или таких действий, которых говорящий не допускает в принципе. Особенно явно это представлено отрицательными образованиями: ол джеанди йашинмазсен КК: 62 об., 38 "на том свете ты не укроешься".

В армяно-кыпчакском языке форма на ⁰р, также обозначающая одно-временные (1) и общехарактеризующие (2) действия, а в плане прошлого - действия мгновенные, неожиданные (3), все больше используется как футуральная (4). Значение (3), вероятно, связано именно этому. Например: 1) тарбийатны бельгилі етар йа кергузйр Мат.3522: 232, 20-21 "изъявляет или показывает свою природу"; 2) бізден сордулар кі еткенлерін тутар мі біз Акт.КП 14: 47 об., 16 "они спросили нас, придерживаемся ли мы их постановления"; 3) Ол һукка чыхты йалчым менім да башлады айтмага кенсіларіне кі паметатца болунуз, йаман етійір-сіз, тек Бедрос хлыч біле плазом урар енсәсіне да Нігол джәгәтінә ағач біле да йараладылар кенсін Акт.КП 8: 156 об., 40 - 43 "На этот крик вышел мой слуга и стал говорить им: "Опомнитесь, плохо вы делаете", - но Бедрос саблей плашмя как ударит его по затылку, а Нигол колом по лбу - и ранили его"; 4) ол заманы берір-мен, хачан сені өвләндірәм Акт.КП 157: 53, 20 "я отдам тебе тогда, когда буду тебя женить".

Изменение темпоральной семантики формы на ⁰р в направлении от настоящего длительного к настоящему-будущему получило существенное развитие в урумском языке, где она преимущественно уже передает действия в будущем (1), а среди действий, относимых к настоящему, абсолютно преобладают такие, которые простираются и в будущее (2). Футуральные значения нередко сопровождаются модальными оттенками намерения (3) и побуждения (4), которые в придаточных предложениях перерастают в целевое (5). Например: 1) Хартлар, аджеп, деді, маа бір ода барышмамассын йеджелемее? Г "Старейшины, не предоставите ли вы мне комнату для ночлега, а?"; 2) А нет, так, ойнамасам, адыр хачарым бір оба ашух НБ "А нет, если не выиграю, то хватаю кучу костей и убегаю"; 3) евіне герстүрум! СГ "дома я ей покажу!"; 4) Тіт доур бу йолдан, сора чевірсін сағ тараға СГС "Иди прямо по этой дороге, потом повернешь направо"; 5) Бабаң сымарлаган да, шоп сараты брахмасын! СГ "Отец ведь завещал, чтобы буланого коня ты не бросал!".

Формы вторичной модальности. В куманских текстах форма утвердительной модальности на ⁰р-⁰р не получила развития ввиду невыделенной связи ⁰р как утвердительной, в урумских же говорах она уже

вытеснена описательными формами. В армяно-кыпчакском языке это образование отличается активностью употребления в 3-м лице, где оно все еще выполняет и функцию модально нейтральной финитной формы, и в 1-м л.ед.ч., показатель которого -ман/-мен в парадигме аориста изолирован формально. Причину ограничений и падения данной формы следует видеть, вероятно, в том, что сочетание основы того или иного времени со связкой в том же времени вообще является малопродуктивным приемом (ср. давнопрошедшее категорическое на -ды еді). Примеры из арм.-кып. языка: Ішітіп дэ айтты кі йетер-дір бу маңа Акт.КП 8: 172:25-26 "Он выслушал и сказал, что этого мне вполне достаточно"; Мен бу зіяенні кімседен білмен-дір, тек пан Йурко хатунундан Акт.КП 8: 146 об.,22-23 "Я уверен, что убыток этот из-за жены пана Юрко, а не из-за кого-либо другого".

Формы пересказательной (предположительной) модальности, отмеченные в урумских говорах, образуются посредством связок ет'ен ВН-СГ и -мыш Ж, СК, а также при помощи послелога или аффиксоида уподобления: Ғаріп т'ечінір ет'еллер СБ "Жили они бедно"; Біз шіттік, сен евіні сатар ет'енсін СЛХ: 6 об.,23-24 "Мы слышали, что ты якобы продаешь свой дом"; Вай Ғарібім, сен бізі бормаа т'етірір ет'енсін (// ет'ен-іс) Г "Ой Гариб, ты верно привез нас сюда утопить".

Форма условной модальности настоящего-будущего времени на -ор в куманском языке образуется при помощи спрягаемой связки условного наклонения болса: аңлар болсам КК: 65 об.,1 л. "если бы я понял, пойми я". Тожественная аналитическая конструкция свойственная и урумскому языку: Йарын бермез бо(л)са, мен оңа берім ВН "Если завтра он не отдаст, я ему покажу". В армяно-кыпчакском и урумском языках широко употребляются также аналитическая форма на -ор есэ, -ор ісэ и ее сокращенный вариант: евет егәр айтыр есэң йебермегә, бер 29 флі-усун Залескійның Акт.КП 12: 169 об.,2-4 "но если ты скажешь послать, то дай 29 флоринов Залесского"; Бен бурада елер ісем (// елур ісем), т'ім йадхар бені? СБ "Если я умру здесь, кто озоет меня?"; істерсен сен, гіт Самара ЦІБ У, 3669: 1 об.,17 "если хочешь, поезжай в Самарскую паланку". Чисто песенный вариант: елур ейсем К "если умру".

Прошедшее несовершенное (неопределенный имперфект) // конъюнктив на -ор еді с формальной точки зрения характеризуется следующими особенностями. Аффикс мн.ч. в куманском и армяно-кыпчакском языках преимущественно принимает основа на -ор, а в урумском - связка: ешітур-лер еді КК: 1,24 "они слышали", аңлар еділар КК: 65,12 л. "они понимали"; соруштурурлар еді Венец.1700: 118,16 "они расспрашивали"; ха-чар еділер ВН "они убегали". Связка еді в составе данной формы (в основном - в урумской разговорной речи) поддежит таким фонетическим

изменениям: 1) редукция аффиксального i в 3-м л.мн.ч.; 2) переход начального корневого e в i вследствие изменения морфологической сущности связки - превращения в аффиксальную морфему; 3) последующая редукция этого соединительного аффиксального гласного и связанная с этим палатальная и губная ассимиляция второго (собственно аффиксального) гласного i; 4) редукция аффикса прошедшего категорического времени и присоединение личных аффиксов непосредственно к корневой морфеме связки e-; 5) переход e- в i-, палатальная и губная ассимиляция последнего, например: 1) сачар еділер // сачар едлер П "они сеяли"; 2) ташлар іді КК: 61 об., 16 "они бросали"; 3) йанлырдым НБ "я ошибался"; йурурдук ВН - СК "мы ходили, гуляли"; 4) алмаз-ем У "я не брал"; азірлер-ен П "ты приготовил бы"; діннер-е СК "он слушал"; т'етер-ек НБ "мы пошли бы"; 5) алыр-ым ВН "я брал"; верір-ін СЛ "ты отдавал"; йырламаз-цх "мы пели", ерур-унуз "вы вязали" СМ, П; урур-унуз К "вы ударяли" и т.п.

Куманская форма как индикативная соответствует латинским словоформам в имперфекте (ешітур еді = audiebat КК: 1, 17 "он слышал"), плюсквамперфекте (ешітур едім = audieram КК: 1 об., 1 "я слышал") актива и имперфекте пассива (есіргар едім = conpaterbar КК: 66 об., 24 пр. "я сочувствовал") индикатива, достаточно адекватно раскрывающим такие ее существенные признаки, как незавершенность и неопределенность действия в прошлом. Аналогичное содержание форма на -⁰реді как индикативная имеет и в армяно-кыпчакском языке при синтаксически безотносительном использовании (1), а употребленная синтаксически связано, что вообще малопоказательно для армяно-кыпчакских текстов, она обозначает незавершенное фоновое действие (2), напр.: 1) Каспар Хачкога айтмас едір евден кетмеге Акт.КП 8: 234, 47 "Каспар не позволял Хачко пойти из дому"; 2) мана түгелъ һахымны теләді, не кі келір еді Акт.КП 15: 220 об., 8-9 "он уплатил мне весь мой заработок, сколько надлежало".

На фоне предполагаемого нереального условия форма на -⁰р еді армяно-кыпчакских памятников имеет конъюнктивно-предположительное значение с обязательным оттенком непременности (1) и очень часто - исчерпываемости, завершенности (2) действия в прошлом. Значение нереального желания или допущения форма на -⁰р еді приобретает в контексте, всем содержанием которого возможность совершения этого действия отрицается (3). Одним из рефлексов конъюнктивно-желательного употребления формы на -⁰р еді стало ее использование в функции сказуемого придаточного предложения цели (4). Например: 1) егәр кі одробіт етсе едір, на кордун алыр едір менден, хатыма хоймас едір бу хадар заман Акт.КП 14: 39 об., 20-21 "если бы он отработал, то за-

брал бы свой пашал, а не держал бы у меня столько времени"; 2) чырах білә де ізлэселэр едір мені, тапмас едір Акт.КП 12: 119,29 - 30 "если бы даже со свечами они искали меня, то не нашли бы"; 3) Мен сейун айтыр одім сізга тенрі сезі - тіль бильман, толмач йох КК: 61,22 "Я бы с радостью поведал вам слово божье - не знаю языка и нет переводчика"; 4) клій еділэр мені аһың қибік аванлар арзына салмага кі бары-йохум білә хуғулмас едім Акт.КП 11: 4 об.,35 - 36 "они хотели загнать меня в жерло такой ступы, чтобы я ничем не мог спастись".

В урумском языке доля модальных использований форм на -^ор еді возросла еще больше. Здесь наряду с тремя основными типами ее употребления - безотносительным (1), относительно-фоновым (2) и соотносительно-модальным (3) - выделяется уже и четвертый, безотносительно-модальный (4), напр.: 1) Джыйлыр-ык, аблай сыра блен тешік йа-сар-ек НБ "Собирались мы, вот так в один ряд делали ямки"; 2) Т'етер едім о йаһка, раст т'ельдім ешеге К "Шел я как-то на тот край и повстречал осла"; 3) Йаш олайдым, мен де вардым Аһых-Ғарібә СК "Если бы я была молода, то и я бы пошла за Ашиха-Ғариба"; 4) Бу деғушһу бильмез едім! - бу да д'ельді башыма ВН - СК (с фонетическими вариациями) "Не знать бы мне этой войны! - подумалось мне".

Форма условной модальности этого времени, образуемая присоединением связки есә или ее сокращенного варианта -са/-се, передает действие, являющееся уже не только фоном, но и условием выполнения другого действия (1). С употреблением ограничительной частицы да, де, де на фоне соответствующего аспектуального противопоставления форма на -^ор еді есә приобретает уступительное значение (2). Например: 1) Т'ендір, скулу джыйар-ек-се, андан да соң бейлей-ей да суґа бастыры-ей СВ "А если уж мы собирали коноплю, лен, то после этого вязали и замачивали в реке"; 2) зәре маңа барын пайымны, не кі де келір еді есә, досит етті Акт.КП 12: 53 об.,6 - 7 "поскольку всю мою долю, сколько ни приходилось, он мне отдал".

Составная деепричастная форма на -^ор егеч (урум. -^ор ет'еч) в куманском языке соотносится с латинским герундием в аблативе: андар егеч = intelligendo КК: 65 об.,13 л. "поняв". В урумском передает длительное фоновое действие, которое предшествует основному и может противопоставляться ему как общеотрицающая посылка. Известна, судя по собранному материалу, в одном говоре: Йаһшылых болур ет'еч йамал-лых (// йаманлых) да ны т'ерек! СВЧ "Если (поскольку) уж есть добро, то зачем еще и зло!"

Интенсивно-исчерпывающая форма на -^ор/-маз бол- (ол-) в урумских говорах, как и другие аналогичные образования со связкой бол-/ол-, отчасти компенсирует отсутствие категории вида, выражая оттен-

ки полноты охвата субъекта действием, большого объема или даже истощаемости его выполнения, напр.: Дердім артар, ексільмез олур ВН "Страдания мои увеличиваются, не уменьшаются"; Ошча хал, орлан, - де-ді, керунмез олду СЛХ: 24,8 "Будь здоров, парень, - сказал он и исчез"; Сіз бізім одайд д'ельмез олдуңуз БК "Вы перестали к нам ходить".

Обстоятельно-деепричастная форма на -маздан в связи с падением формы на -^ор/-маз как субстантивно-функциональной приобретает адвербиальную морфологическую сущность. Окончательной морфологизации препятствует, однако, сохраняемая ею впредь способность сочетаться с послелогом и служебными именами, которые конкретизируют передаваемое ею терминативное значение, напр.: орах башланмаздан П "до начала страды"; Аших-Гаріп бу лафы ішітмезден т'ельді СЛХ: 17,8 пр. "Не услышав этих слов, подошел Аших-Гариб"; Атеші йамаздан евелъ тутуну т'і-тер Г "Раньше чем разгореться огню, идет дым".

Формы настоящего времени именной сказуемости и их производные

Исследуемым языкам свойственно два структурно-семантических типа неглагольных предложений - тождества/нетождества и наличия/отсутствия. Второй из них исторически сводится к первому и по личным показателям от него не отличается. Окончательной бессвязочной реализации именного сказуемого в этих типах предложения в настоящем времени предшествуют конструкции со связкой, причем с развитием бессвязочного именного сказуемого презентная связка способна приобретать модальное значение (Баскаков 1975: 64, 67, 71). Историческому периоду связочного именного сказуемого предшествовал, очевидно, еще более древний бессвязочный период, ибо выделение связочных образований - процесс не менее сложный и длительный, чем процесс сворачивания связочных конструкций в морфологические. Через стадию именного сказуемого формировались и формируются многие финижные глагольные формы, постепенно отпадающие от именной сказуемости. И связано это не только с предикативной функциональной специализацией соответствующей формы, но и с замещением именных личных показателей глагольными.

Полные неассимилируемые личные показатели -мен; -сен; -біз; -сіз в 1-м и 2-м л.ед. и мн.ч., свойственные куманскому и армяно-кыпчакскому языкам (1), в урумских говорах частично замещены вторичными, ассимилятивными сокращенными или усложненными (2-е л.мн.ч.) вариантами -(й)^ом; -с^о(н/н)/-^ос; -м^оз/-^ох, -^ок; -^он^оз/-^он^оз// -с^он^оз/-с^он^оз (2). Вариант -^ох, -^ок в 1-м л.мн.ч. характерен для огузских говоров Ж,СК, огузско-кыпчакского СГ, а также для литературных текстов из Г и СЛ. Одно из кыпчакских пособий по армянскому языку фиксирует инодиалектные формы личных аффиксов 1-го и 2-го л.ед.ч. -^ом и

-с^он (3). Показателем 3-го л., преимущественно ед.ч., в куманском и армяно-кыпчакском языках выступает сокращенная связка -т^ор/-д^ор (4), за которой уже тогда закреплялось утвердительное (уверенности) модальное значение. Роль показателя 3-го л.мн.ч. выполняет аффикс множественного числа, применяемый нерегулярно - главным образом в случае членного множества (5). Типичной чертой урумских говоров, получившей распространение, очевидно, под влиянием славянских языков, является именное сказуемое не только без связки, но и без личного показателя (6), что придает формам со связкой и показателем лица значение модальной маркированности. Примеры: 1) мен-мен оп'екуну орлан-ларымны менім Акт.КП 12: 215,22 "я - опекун моих детей"; біз-біз бліскій Акт.КП 11: 95 об.,46 "мы - наследники"; 2) бу іші ічіндейім ем де шаатым ЦНБ У,3678: 1 об.,1 - 2 "я принимал участие в этом их деле и являюсь свидетелем"; Т'імніз? ВН "Кто вы такие?"; 3) арісын сен Мат.3522: 341 об.,26 "ты святой"; 4) кімлер-дырлар? Мат.3522: 23516 "кто они?"; бек аджеке-дір бу ішлер ЦНБ У,3664: 1,16 - 17 "дела эти спешны"; 5) сыра-сыра хызлар т'етій - гүзельлер дане-дане У "Рядами идут девушки - красавицы как одна"; 6) ет'іміз - хардаш баласы Кам. "мы - двоюродные сестры"; ср. куман. кекнің көркі, дунйаның сен ті-рекі КК: 72,19 "ты - краса неба, ты - древо жизни".

Именное сказуемое тождества в настоящем времени со связкой ерур, турур/-т^ор/-д^ор. Связка турур и ее сокращенный вариант -т^ор/-д^ор, активно используемые в куманских записях в 1-3-м л., как и связка ерур, имеют чисто вспомогательное синтаксическое значение, что хорошо показывает сопоставление связочных употреблений с бессвязочными (1 - 2). В отдельных армяно-кыпчакских текстах, а также в урумских говорах связка -т^ор/-д^ор встречается без конечного дрожащего (3). Наряду с синтаксическим армяно-кыпчакская связка имеет уже и выразительное дополнительное значение утвердительной модальности (4). В урумских говорах, где именное сказуемое употребляется обычно без связки и показателя лица, не только применение связки (5), но и наличие показателя лица (6) регулярно сообщают именному сказуемому модальное значение уверенности. Последнее усиливается инверсией сказуемого в повествовательном предложении (7). Такая же инверсия в вопросительном предложении выражает требование твердого, однозначного ответа (8). Примеры: 1) кім барчадан тыр һайбатлы КК: 70,4 (с инверсией связки) "который величественнее всех"; 2) учлук сен-сен, бір тең-ріміз КК: 74,15 "троица - это ты, наш единый боже"; 3) бібер бекағу-ду СГС "перец очень горек"; 4) орду-дур Мішконун Акт.КП 8: 254 об., 45 "он действительно сын Мишко"; 5) тек бір джан-дырым СЛХ: 21,27-28 "я таки одна-одинешенька"; Медетім, рус баласы-дыр! ЦНБ У,3668: 1 об.,

9 "Помилуйте, да ведь это настоящий русский ребенок!"; 6) Т'ім йа шорбаджісі бійбн? - Менім СГ "Кто хозяин кобылы? - Я"; Сіз йірмі йыл-лых нышаны джанларсыныз СЛХ: 19,24 - 25 "Вы уже целых двадцать лет обручены"; 7) О-дур дунйаны малы Г "Самое дорогое в мире - это она"; 8) Сен чарырды, бен т'ельдім - не-дір сезу? НЛ,СГ "Ты позвала, я пришел (а тебя нет) - что же тогда значат твои слова?".

Одной из важных вторичных функций связки -т'ор/-д'ор стало выделение в плане утвердительной модальности отдельного члена предложения. Конструкция, в которой данная модальная функция реализуется, формально представляет собой вводное предложение, однако по синтаксическому содержанию эта своеобразная конструкция, именное сказуемое которой оформлено связкой, - лишь член предложения: А 'Ованес бу хадар заман-дыр кләмес хайтармага Акт.КП 11: 126,7 - 8 "А Ованес вот уже столько времени не хочет возвращать"; Джірен тайны арызы бір харыш-тыр ачылмыш ВН,СБ,СЛ,СГ "Рот игреневого коня открыт на целую пядь"; Т'ім-дір көкус т'ечіріп ічер бу алтын хадейден, ону да хаві тут, - о-дур Ашых-Ғаріб Г "И именно тот, кто выпьет этот кубок, глупо вздохнув, - это и есть Аших-Ғаріб, его и держи что есть сил"; Түфенлер атылды, Міна-дыр йыхыды СГ "Грянули винтовки - и Мина (именно он) упал".

Именное сказуемое нетождества со связкой дугуль. Частица-связка, оформляющая отрицание в данном типе именного сказуемого, в куманских записях имеет вид деуль, деуль, а в армяно-кыпчакских - дугуль, тугуль; в урумских говорах - дугуль ВН-У, дегуль Г-СК, изредка СБ,Б; деуль Г, дәль К; дугул НМ, тугул П; в школьных урумских записях и в текстах XVIII века также дейль, а в песнях - дуд'уль.

Связка -д'ор, благодаря сказуемостной маркированности отрицательной формы частицей-связкой дугуль, передает значение утвердительной модальности уже в армяно-кыпчакском языке: повін'ен дугуль-дур аны кібік зіённы наһородіт етмеге Акт.КП 11: 7 об.,24 "он вовсе не обязан возмещать ему убытки"; Су дегуль-дур мырадын - серіан етерсін Г,СЛ,СК "Во все не за водой ты идешь - высматриваешь кого-то".

Специфическими прямыми употреблением формы нетождества является функция сказуемого безличного предложения (1) и сказуемого отсутствия - в значении предикатива йох (2), напр.: 1) Анда йандлар-йахыллар, домушлары. Бізд'е бір шій де дугуль У "Там измучились-исстрадались, родственники. А нам ничего"; 2) Һе, ана, - дій, - лаф дугуль, йарын варын т'етірім СГ "Хм, матушка, - говорит он, - и речи нет, завтра же поеду привезу"; Шіні дугуль айазма Ж "Сейчас богоявления нет (не празднуется публично)".

Вторичные употребления - отрицательное оформление членов пред-

ложения (1), а в армяно-кыпчакском языке - также в качестве антецедента придаточного предложения (эллиптическое образование) (2), напр.: 1) зере ол берді ол соғны, дугуль біз Акт.КП 19а: 3 об., 2 "поскольку те деньги дал он, а не мы"; йеді йыл дегуль, он йыл пеклерім СК "не семь, десять лет буду ждать"; 2) хайсі кі докторнун хахрасыннан да чымацым ол вахтын, дугуль кі йаралагай едім кенсің Акт.КП 8: 185, 44-45 "поскольку тогда я и из двора доктора не выходил, не то чтобы ранил его".

Именное сказуемое нетождества в прошедшем категорическом времени оформляется составной связкой дугуль еді (арм.-кып. // едір) и передает свойственные мотивирующей презентной форме значения, однако практически используется гораздо реже и преимущественно в первичных функциях, напр.: бу таныхлар есе таных дугульлар, ані анда да ол заман дугульлар еді Акт.КП 31: 4 об., 5-6 "а свидетели эти вовсе не являются свидетелями, ни там их в то время не было"; Туферіме дугуль едім, йаш бойуму солдурдум НВ "Не в винтовке дело, погубил я себя молодого"; Бен еле дегульдүм ЖМПр.: 33 "я таким не был".

Именное сказуемое наличия в настоящем времени с предикативом бар/вар обычно выступает без связки -дыр и преимущественно в 3-м л. ед.ч. Связка -дыр чаще всего несет дополнительное значение утвердительной модальности. При обозначении неприуроченного наличия (бытия вообще) подлежащее выступает в исходной форме или отсутствует, будучи имплицировано в сказуемом (1). В случае приуроченного наличия используется несколько конструкций: 2) группа подлежащего и изафетное сочетание; 3) подлежащее в исходной или притяжательной форме, а посессивный субъект второго порядка (обладатель) или место нахождения выражено именем в местном падеже; 4) то же с дательным падежом; 5) то же с исходным падежом. Формы (3; 4), естественные и непеременимые при выражении двойной принадлежности (приуроченности, обладания), в армяно-кыпчакском и урумском языках активизировались и при выражении принадлежности одному субъекту, в чем мы усматриваем влияние славянской аналогии. Примеры: 1) бар-мен КК: 25, 12 "я есть"; Нед'е сен бар да? У "А ты-то зачем?"; 2) Христоснун таныкн бар-дыр КК: 62, 17 "У Христа есть свидетели"; Он аслы вар-дыр мы? СК "Разве это правда?"; 3) анда бізге бар куртулуш КК: 72, 12 "в нем наше спасение"; Сенде вар йуфак ахчі? СГС "У тебя есть мелкие деньги?"; 4) евет не кі хатынча бар-дыр, аны бергін мана ДГ: 119 "но если у тебя что-то есть, отдай мне"; сана тембе бірін вар Б "кто-то тебя поучает"; 5) атланган йанындан меніурү бар ДГ: 132 "у него на левом боку есть там-га"; Сізің тайфадан кім вар йа? СК "Кто у Вас есть из семьи?".

Инновации интерферентного порядка, не закрепившиеся в языке:

выражение наличия без предикатива (1), употребление предикатива наличия в значении связки тождества (2), калька украинского сочетания е тому "прошло с тех пор" (3), напр.: 1) Хыз! Вар, онда, фычын і чіне, текаран даа бордай уну СК "Дочка! Пойди, там, в бочке, немного пшеничной муки"; 2) алай теңірінің севмекіндан башқа, не кім йол бар көк-дегі ханлыкта КК: 62,27-29 "так и без любви к богу, которая есть путь в царство небесное"; 3) білер, Помаһайкодан йурт алып-мен, бар-дыр анар 20 йыл ДГ: 160 "господа, купил я у Помогайко усадьбу, с тех пор прошло 20 лет".

Кроме формы утвердительной модальности, отмечается пересказательная (1) и условная (2), образуемые по общему правилу. Условное наличие передается также немаркированной синтаксической конструкцией (3) и главным образом - условной формой глагола бытия (4). Например: 1) Бір заманда бір ғаріп адам вар ет'ен НК "Был себе однажды один человек"; Ну, еле харлар вар ... вар-мыш та, вар да СК "Ну, такие женщины есть ... и были, и есть"; 2) Бар оса - т'ийініс, а олмаса - бір шій да йох У "Если есть - одеваешь, а нет - то и ничего"; 3) Вар - тахыныр, йох - бахыныр НКД "Есть - нарядится, нет - обойдется"; 4) Джамбазлыгың олса сенің, ідітлігің оса, вар көпур дүбуне отур СГ "Если у тебя есть отвага и удалство, пойди и сядь под мостом".

Именно сказуемое наличия в прошедшем категорическом времени бар еді (арм.-кып. // едір) / вар еді, как и мотивирующая форма, передает значения общего (1) и приуроченного (2) наличия. Его условная форма засвидетельствована армяно-кыпчакскими текстами в частноуступительном употреблении (3). Например: 1) бардым КК: 25,13 "я был"; Ваштан ебет т'ісе вар-ды Ж "Раньше ведь была церковь"; 2) сбам бар еді холума ДГ: 46 "у меня на руках были мои деньги"; анда парикмахерский бар-ды У "там была парикмахерская"; 3) не кі де борчу бар еді есе йурконун мана, өгей орлунун, бүгүн мана барын кеңсі борчун түгел төледі Акт.КП 12: 280,21-23 "сколько бы ни был должен мне мой пасынок Юрко, сейчас он уплатил мне весь свой долг сполна".

Именное сказуемое отсутствия в настоящем времени с предикативом йох в модально нейтральном (без связки) и утвердительно-модальном (со связкой -тур) употреблениях передает значения общего (1) и приуроченного (2) отсутствия, которое может подчеркиваться частицей һең, ің (3). Повторение связки с целью усиления модального аспекта уверенности базируется, очевидно, на двоякости ее синтаксико-модальной роли: при редупликации вторая из связок выступает как чисто модальная (4). Например: 1) көрөнк тө Һазылмаған-ды да йох-тур ДГ: 213 "а брачного договора не написали, и нет его вовсе"; Йох-туролар артың "Их уже нет"; 2) Тавнан даға күсмүш, дағын абери йох ЖМПр.: 35

"Рассердилса заяц на гору, а она и не ведает"; Анасы-бабасы Йох-ту уйде СМ "Ни отца, ни матери дома нет"; 3) Ачыладжах д'ульлер чох, сол-майаджах іч те Йох В "Расцветающих цветов много, неуводящих нет вовсе"; 4) Ха! Бізім хара айыр та наз? Джувругу Йох-тур-дур! "Ха! А наш черный жеребец-то каков? Быстрее него таки нет!"

Форма пересказательной модальности образуется по общему образцу: іч те аялах Йох ет'ен ет'імізден В "кроме нас, никого подобного не было и нет"; Олары аналары Йох-муш СК "Матери у них не было".

Аналитическая форма условной модальности Йох есә (// оса), Йохса изменила свою начальную семантику на противительную и разделительную благодаря устойчивому употреблению в противительных (1) и разделительных (2) конструкциях, где она вначале сочеталась с вопросительной частицей мы в ее парном, разделительном, применении (3). В условно-противительном придаточном предложении союз Йохса приобрел условно-ограничительное значение (4). В урумских говорах образование Йохса(м), Йоса(м) имеет характер частицы и выступает с вопросительным значением, осложненным оттенками удивления, сомнения, недоверия (5). Примеры: 1) Йох алай есә КК: 81 об., 2 пр. (с инверсией) "если не так"; борчлу мен кенсіне 70 талер Йохса төлевүм Йох-тур Акт.КП 8: 224 об., 4 "должен я ему 70 талеров, но платить мне нечем"; 2) гузель мі еді Йохсам йаман Г "хорошо ли это было, плохо ли"; 3) төзгәй мі йакуб ангінчә кі ол іш уч алгай Йохсә мі һалі зараз справітца болгар Торос хатуну Акт.КП 14: 89, 10-11 "должен ли Якуб дожидаться, пока дело кончится, или же пусть жена Тороса ответит сейчас"; 4) Йохсә йахшы еркім білә бермәсәм, кучлук білә бермән Акт.КП 15: 63 об., 31-32 "если уж я не отдам добровольно, то силой не отдам"; 5) Непек бахайсы? Йосам егрәнмее стійсі? "Что ты так пристально смотришь? Или хочешь научиться?"; Ашадың Йосам? "Разве ты уже поел?" Г.

Именное сказуемое отсутствия в прошедшем времени Йох еді (// арм.-кып. едір) и ее утвердительно-модальная форма со связкой -тур отмечены со значением приуроченного отсутствия: эвель... слежен'асы Йох едір Пар.194: 59,9 "раньше перекрытия не было"; дегуш заманында біз Йох едік үйде ВН "во время войны нас дома не было"; Бабамдан ха-йыр баштан кейде хазахчас біден Йох-тур-ду СК "Кроме моего отца, в селе раньше никого не было, кто знал бы по-русски (по-украински)". Пример с парцелляцией: Йох-тур зараз еді У "Сейчас его не было".

Прошедшее категорическое время на -ды

Формообразующий аффикс в исследуемых языках имеет полные и сокращенные варианты: -ды, -ді, -ду, -дү, -ты, -ті, -ту, -тү; -д, -т; -Ø. В куманских записях неглубинные аффиксы, как и в урумском говоре

СВ, возможны после основ с губными гласными: торды "он родился", ельдурдлер "они убили" КК: 61 об.,3; 15. Впечатление абсолютного преобладания аффиксов с губными гласными в итальянской части кодекса, однако, ложно, ибо она загромождена ошибочными написаниями этого аффикса, возникшими вследствие перераспределения элементов смежных букв или неадекватного раскрытия выносных носовых переписчиком: endun / ендім "я спустился", buyurdun / буйурдум "я приказал" КК: 9 об.,8; 21,12. Редкие отклонения встречаются и в армяно-кыпчакских текстах: ельді Вен.468: 54 об.,17 "он умер"; тапулды Акт.КП 11: 83,20 "он был найден". Безвокальные урумские варианты -д-, -т- в 3-м л.мн.ч. - следствие вокальной редукции: боздлар МГ "они разрушили", кечурдлер Р "они переселили". Безвокальность не препятствует прогрессивному ассимилятивному влиянию конечного й основы глагола на аффикс мн.ч.: джойд'ар У "они исчезли" // хойдлар Б "они положили". Нулевой формант наблюдается после основ на плавный (1) и на т (2), напр.: 1) халлар "они остались", ельлер "они умерли" ВН; 2) штін СВ "ты слышал"; сатлар СЛ "они продали". Куманские и армяно-кыпчакские написания типа etim КК: 12 об.,8 ettim "я сделал", алрыш е(т)тік Мат.3522: 298,6 "мы помолились" следует рассматривать, вероятно, в плане графической редукции.

Личные аффиксы: куман. -м; -н; -Ø; -к/-к; -н⁰э; -лар/-лар/-лер; арм.-кып. -м; -н; -Ø; -х/-к; -н⁰э; -лар/-лар; урум. -м; -н/-н; -Ø; -х/-к; -н⁰э/-н⁰э; -лар/-лар/-лер. Армяно-кыпчакский вариант -х- в 1-м л.мн.ч. может выступать и после основ с гласными переднего ряда, что связано, по-видимому, с редукцией аффиксального гласного: кечтіх Акт.КП 12: 86,13 "мы миновали"; ельчтүх Акт.КП 14: 184 об., 34 "мы измерили".

Куманская форма на -ды, соотносимая с латинскими формами перфекта (biriktirdin = uniuisti КК: 69,6 "ты соединила") и настоящего (исторического) времени (ogulun saа кейдирди = filius tuus tibi inquit КК: 71,4 "твой сын одевает (одед) на тебя") индикатива и имперфекта конъюнктива (nechik kim esittik = audiremus КК: 2,23 "как (если) мы услышали"), обозначала действия в прошлом, известные достоверно, и использовалась как в самостоятельном, так и в придаточном предложении. В последнем случае для нее характерен оттенок завершенности: Йемішні бізге тейірдін, Йесусны качан тизурдун КК: 69,2 "ты принесла нам свой плод, когда родила Иисуса". Аналогичное значение передает и армяно-кыпчакская форма (1), парное позитивно-отрицательное образование которой от одного и того же глагола на фоне общего отрицания имеет уступительное содержание (2), напр.: 1) йараларыңны йаздырдың ми ол заман? Акт.КП 8: 122 об.,3-4 "дал ли ты тогда запи-

сать свои ранн?"; 2) телев йох еді, еттілар-етмеділар ДГ: 104 "что они только ни делали, уплатить было нечем". В общих чертах от куманской и армяно-кыпчакской форм не отличается и урумская, что связано с ранней, очевидно доисторической, стабилизацией данной формы во всех тюркских прадиалектах как финитной: Кералмадым сурагын П "Я не смог рассмотреть его лица"; Біз бунда дордүх, естүк Ж "Мы здесь родились и выросли".

Транспонированные употребления прошедшего категорического времени в урумском языке базируются на приобретаемой им семантике завершенности. Используясь соотносительно (в качестве фоновых) с формами прошедшего или настоящего времени, словоформы на -ды передают значения предшествования (1), причины (2) или условия (3). Контекстуальное перенесение в плоскость будущего времени придает прошедшему категорическому значение завершенного действия в будущем. Такая транспозиция типична для данной формы не только в придаточных дополнительном (4), подлежащем (5), времени (6), условия (7), меры (8), но и в главной части бессоюзного предложения с условно-следственным соотношением компонентов (9), а также в простом вопросительном (10) и придаточном вопросительно-изъяснительном (11) предложениях. Для сравнения вспомним, что в турецком языке прошедшее категорическое передает будущие действия в придаточных условия и времени, сочетаясь с вопросительной частицей [Иванов 1977: 67]. Примеры: 1) Түкурдун - енді йох-тур СК "Плюнул - и уже нет"; 2) Сен севлеттин - мен лафламадым У "Ты заставляла говорить - потому я и не разговаривала"; 3) Мен лафетме севмейим зйадесне: айттым - битти Г "Я не люблю много говорить: сказал - конец"; 4) Мен не дедім, он'ет СГ "Что я скажу, то и делай"; 5) Суд не т'ести - олур СГ "Что суд присудит, то и будет"; 6) Вардын - енді сөледжек саа, емтет ЕК "Пойдешь - так он тебе сразу и скажет, надейся"; 7) Д'еліннен т'йову отурду - өледжеклер СГ "Сядут жених с невестой - умрут"; 8) Өле джаным агырды - тек сөлеп агламадым К "Так разболелась душа, что ни рассказать, ни выплакать"; 9) Герунме, сахин! Герунген - ашадлар СГ "Не показывайся, спрячься! Покажешься - съедят"; 10) Не буйурдун? СГ "Что прикажешь?"; 11) Түшүнүлер: наз етіп чыхардлар ону? У "Стали они думать: как им его стащить?".

К конвергентным инновациям принадлежит употребление отдельных словоформ будущего категорического в побудительных предложениях, которое для тех же лексем нам довелось отмечать также в карачаево-балкарской, кумыкской, татарской и казахской речи. Например: Т'еттік анда, отруймуз! НМ "Пойдем (пошли) туда, посидим!"; Отурдүх! Адакка догурдүх йох СМ "Сядем (сели)! В ногах

правды нет"; Йаттых, енді д'еч Ж "Ложимся (легли), уже поздно".

Именное сказуемое в прошедшем категорическом времени со связкой еді (// арм.-кып. едір). Образование едір, по предположению Ж.Дени [Deny 1957: 51] и Т.И.Грунина [Документы 1967: 336], возникло в результате метатезы из формы прошедшего времени глагола ер- "быть": ерді > едір. Урумская связка еді, подвергаясь сокращению, дает рефлекс -йды, -йді, -йду, -йду; -ды, -ді, -ду, -ду, -ты, -ті, -ту, -ту; -д(лар), -т(лар); еі; ē; ∅, напр.: Тодора-йдым, Тодур оддум ВН "Была я Федорой, стала Федором"; Ет'іміз сторож-дух СК "Мы обе были сторожами"; Біз енді хыз баллар еік СБ "Мы ведь были девочками"; Мыңда бар ē бір хоншу П "Был здесь один сосед"; Буну етмед'ен-ін да? У "Эту ты ведь не сделал (не записал)?" Куманскими записями зафиксировано только начальное сокращение -йды, а армяно-кыпчакскими и ассимилятивными рефлекс -ды, -ді и т.д., напр.: барча йара-йды КК: 63 об., 22 "все (его тело) было сплошной раной"; чыхары-ды Акт.КП 8: 168, 27 "он был за границей"; борчу-ду Акт.КП 14: 118 об., 27 "он был должен".

При помощи этой формы передаются значения тождества (1) и различных предиктируемых признаков (2). По ассоциации со связкой условного наклонения было бы (укр. було б) урумская связка еді иногда выступает как конъюнктивная (3). Например: 1) Сен-сен едің бем алым НЛ "Ты была моей судьбой"; 2) борчум ол хадар едір Акт.КП 17: 46, 3 "мой долг был такого размера"; Сен онбле-йдің МК "Ты был с ним"; халіс кезде еді У "было это как раз осенью"; 3) Ао сібірт'і да аблай халтрай: маңа тіймесе, йахшы еді да У "Этот-то веник точно так же дрожит: хорошо бы, если бы меня не тронула"; Ель кезу йарых берсе - гузель еді У "Если бы чужими глазами можно было (незрячему) видеть, было бы хорошо".

Форма утвердительной модальности характерна для урумского языка: "Чох т'ельді?" - десің. Бір дене-ді алеім. Маңа бір дене еді-дір У "Говоришь: "Много ли приходило?" - Видимо, был один. У меня наверняка был один". Форма условной модальности свойственна уже и куманским записям, где она соотносится с латинским конъюнктивом как условная и условно-временная: ешіттім ерсе = cum + audierim (перфект) "если бы я услышал"; болды есе = postquam factus est (перфект) "после того как он стал"; нечік кім ешіттім есе = cum + audirem (имперфект) "как (если) я услышал" КК: 2, 27; 70 об., 13; 2, 13. Армяно-кыпчакские словоформы используются в придаточных условия (1), времени (2) и изъяснительных (3), например: 1) іш кі теләдің есе, төрә аллына теләгәй едің Акт.КП 14: 186 об., 36 "если уж ты платил, то платил бы перед судом"; 2) тек бахтым есе, узахы бузган едір

Акт.КП 8: 146 об., 20-22 "когда я смотрел, то замок уже был сло-
ман"; 3) нем мухайер тонлук клийир еді, - бильмен, егере аны берді есе
Акт.КП 20: 116 об., 38 "и еще он требовал мухойра на шубу, - не знаю,
дал ли его".

Давнопрошедшее категорическое на -ды еді как соотносимое с ла-
тинскими плюсквамперфектом (1) и перфектом (2) индикатива отмечено
куманскими записями только в синтаксически не связанных употреблени-
ях: 1) ешитти еді = audierat "он услышал было"; елумлік болдуқ еді
= mortales facti eramus "мы родились смертными"; 2) болдум еді =
factus fui "я стал было; я был когда-то" КК: 1 об., 4; 79, 2; 12 об.,
13. Урумская форма на -ды еді имеет аналогичное значение, даже когда
используется параллельно с формой на -ды: Егленді йар, т'ельмеді-йди,
барйох анда бір шей бар-дыр В "Задержался милый, не приехал, навер-
ное там что-то случилось".

Будущее время конъюнктива и индикатива на -рай

Формообразующие аффиксы: куман. -рай, -гэй, -гей, -кай, -кей;
арм.-кып. -гай, -гэй, -кай, -кей; инодиалектные арм.-кып. образова-
ния: алгышлагам "да помолюсь", алгышлагасын "да помолишься", алгыш-
лага(й) "да помолитесь", алгышлагаз "да помолимся", алгышлагасы(ны)з
"да помолитесь", алгышлага(й)лар "да помолитесь" Мат.3522: 333, 25 -
333 об., 1; 334, 12-17; урум. полные -рай, -гай (после н, џ, ғ), -хай,
-кай (после х) ВН-У; -гей, -кей ВН; -гэй, -кей СВ; -д'ей, -т'ей,
-д'ий, -т'ий СМ-У; сокращенные -га, -га, -ха, -ка ВН-У, -ге, -ке
ВН, -ге, -ке СВ, -д'е, -т'е СМ-У (в П отсутствует). Личные аффиксы:
куман. и арм.-кып. -мен; -сен; -Ø; -біз; -сіз; -лар/ -лер/ -лер;
урум. -^ом; -^оо; -Ø; -^омыз; -сы(ны)з; -лар/ -л'ар/ -лер.

Куманская форма, соотносимая с будущим I (сөвүнгэй-сен = gaude-
bis КК: 71 об., 8 "утетишься"; кованрай = gloriebuntur КК: 72, 6 "об-
радуются") и будущим II (йынанрай = crediderint КК: 72, 6 "уверует")
индикатива и настоящим временем конъюнктива (кешке ешиткэй-мен =
utinam audiam КК: 2, 11 "если бы мне услышать"; кім лайых болрай =
quod condignus sit КК: 74, 10 "чтобы быть достойным"), преимущественно
имела значение будущего категорического и даже долженствовательного:
кергузділер аларға кім Христос Бетлемге (// Бетлемде) тоғрай КК: 62,
1-2 "показали им, что Христос родится (должен родиться) в Вифлееме".
В придаточном цели конъюнктивное значение трансформируется в целе-
вое: тенері маңа берсін анді кеңуль кім терче дағы йақшы тіль үврен-
гей-мен, сізге йақшы тенері сөз айтқай-мен КК: 61, 23-25 "пусть бог
даст мне быстрее и лучше изучить язык, чтобы лучше рассказать вам
слово божье". На базе данного конъюнктивного значения строится и

долженствовательный оборот: керек ким биз ... баккай-биз КК: 63 об., 4-5 "надо, чтобы мы ухаживали (вырастили)".

Армяно-кыпчакская форма на -гай, используемая для воспроизведения армянского желательного наклонения (арм. հրապան, арм.-кып. бой-рух етмэх сөзлөр Мат.3522: 333,12 "повелительные слова"), имеет преимущественно конъюнктивное содержание как в синтаксически свободном (1), так и в синтаксически связанном (2) применении. Здесь конъюнктивное значение также трансформируется в целевое (3) и долженствовательное (4), а кроме того - в предположительное (5) и ирреально-отрицающее (6). Как индикативная форма на -гай может быть определена в качестве будущего категорического (7). Например: 1) Иыхкун-дур, танда хойгай-сиз Акт.КП 12: 175 об.,8 "сегодня воскресенье, да представите вы его завтра"; 2) клер-биз саңа екекуция еткэй-биз Акт.КП 8: 166 об.,8-9 "мы хотим над тобой учинить экзекуцию"; 3) Аның үчүн йазып хойдук төрө біті(к)ні, һәр вахт холумузга алып есләге(й)-биз төрөмызны да көргүзгә(й)-биз өзгә милләткә Вроц.1916: 162 об.,4-8 "Мы для того написали судебник, чтобы постоянно, беря в руки, помнить наши законы и показывать другим народам"; 4) на төрө чыхып керек кенсіләріңә көргүзгәй доводларыңа керә Акт.КП 20: 39,52 "то суд должен выйти и показать им в соответствии с их доказательствами (гра-ницы их земель)"; 5) тутунуп барчаны прын'ат етмә алай, нечик кенді ол ішләрни еткэй Акт.КП 24: 19, 34 "обязавшись принять все так, словно он сам вел эти дела"; 6) показат етәлмәс кә мен нечик йук бол-гай-мен кенсіңә Акт.КП 12: 95 об.,2-3 "он не может показать, что я был якобы его поручителем"; 7) пане войте, нечә-нечә бу ішні күн күндән салгай-сиз саһат саһаттан? Акт.КП 14: 192 об.,17 "господин войт, до каких пор Вы будете откладывать это дело со дня на день, с часа на час?"; мен, Кевор, Каспар оғлу, тутунур-мен кә кельтіргәй-мен кетхойаларга 1 иги халі ДГ: 15 "я, Кевор, сын Каспара, обязуюсь, что привезу старейшинам 1 хороший ковер". И все-таки употребление (7) нельзя считать чисто индикативным - здесь всегда в большей или меньшей мере присутствует конъюнктивный оттенок.

Урумская форма на -рай имеет лишь конъюнктивное применение. Же-лательное (1; 3) и побудительное (2; 4) значения она имеет в самостоятельных предложениях (1-2) и в придаточных изъяснительных (3-4). Во втором случае побудительное значение может трансформироваться в побудительно-предположительное (5), а последнее - в предположительно-уступительное (6). Широко применяются бессоюзные (7) и союзные (8) придаточные цели, рефлексам которых, обязанными славянскому влиянию, являются придаточные причины (9), отношения (10) и определительно-целевые (11). Примеры: 1) Дизін усне йатхай едім ... ~~Кухаря~~

райым У "Прилечь бы мне к тебе на колени, подремать бы"; 2) Йанрай! СБ "Сгорел бы он!"; 3) Мен хайлолмам алрам ону ВН "Я не согласна его взять"; 4) айтты т'етт'енче, бирне де бермед'ем Б "уходя, он сказал, чтобы я (эту скрипку) никому не давала"; 5) Торнум т'ельді, сахлайым, олар да т'егейлер ВН "Внучка моя приехала; надеюсь, что и они придут"; 6) Т'ім халрайсыңыз, халій маңа, у болій маңа ВН "Кто бы из вас ни остался, останется мне, достанется мне"; Ао тек-а бір т'ере йыр-ларай - аону йедже мен усваивать етем У "Пусть он ее хоть один раз пропоет - ночью я ее усвою"; 7) Сен мені унутмағайс да, бір хадені сен алыс, бір де халсын маңа Б "чтобы ты меня не забыл, один хубок возьмешь ты, а другой пусть останется мне"; 8) Ҳачас більмем хандә, шоп о барабар т'етмед'ейс У "Убегаешь не знаю куда, чтобы не идти с ним вместе"; 9) Хычирмаа чарйох, шоп учуп т'етмед'ейлер Б "Кричать нельзя, чтобы они не улетели"; 10) А шоб о алай бір чірт'ін лаф айт-хай йа бір шій! Алай шій йох еді У "А чтобы он просто так сказал какое плохое слово или что! Такого не бывало"; 11) Тапмай мы гузель атлар маңа йібермед'е, шоп мен епсі падшахын йенд'ем? Б "Разве он не может найти хороших коней, чтобы я победил всех царей?".

Архаичные употребления: на месте современного инфинитива в должностовательных (1) и фазисных (2) конструкциях и в составе предположительной конструкции, не утратившей продуктивности (3), например: 1) Мен т'ерек баррайым ВН "Мне надо бы пойти"; 2) башлады ойулрай ао буз майышмара ВН "начал этот лед прогибаться, проваливаться"; 3) Стёпа да бильд'ій т'ерек У "Степа тоже, наверное, знает".

Прошедшее время желательного наклонения на -рай еді. В составе этой формы армяно-кыпчакский аффикс -рай тоже может выступать в виде -гій, -кій. Куманская форма, соотносимая с латинским имперфектом (кешкә ешиткәй едің = audires КК: 1 об., 23 "если бы ты услышал") и плюсквамперфектом (кешкә ешиткә/й/ едің = audiuisses КК: 2, 4 "если бы ты услышал") конъюнктива, передавала ирреальное желание: Бергей едік джанымузну да тенімізні тенріге, ол болушсун КК: 62, 11 - 12 "Мы бы отдали богу наши души и наши тела, только бы он помог нам (был с нами)". Основные значения армяно-кыпчакской формы - побудительное (1) и желательное (2), производные - побудительно-ирреальное (3), целевое (4), должностовательное (5), сослагательное (6) и ирреально-пересказательное (7), напр.: 1) холтхамыз ол еді кі бийікініз допустіт етмәгей едіңіз апелляция позванныйга Акт.КП 26: 106, 37 - 38 "наша просьба состояла в том, чтобы ваши милости не допустили ответчику апелляцию"; 2) Оғул болгій еді кі екі холу біле ұстүме топрах салғай еді Вен.468: 54 об., 20 - 22 "Вот если бы у меня был сын, чтобы было кому бросить горсть земли на мою (могилу)"; 3) іш кі теләдің есе, те-

ре алына төлөгөй едін Акт.КП 14: 186 об.,36 "если уж ты отдавал, то отдавал бы перед судом"; 4) огул болмады кі көмгөй еді да малын мен-гөргөй еді Вен.468: 54 об.,17-18 "не было у него сына, чтобы похоронил его и унаследовал его имущество"; 5) керек кредиторларга төлөгөй еді Акт.КП 14: 69 об.,24 "он должен был уплатить кредиторам"; 6) егер теңрінің өгүтү кельгөй едір үстүме, бу-дур өлүм, на аның үчүн етіп да Һаздырып едім добромну Акт.КП 12: 45,31 - 32 "если бы (тогда) на меня сошла воля божья, то есть смерть, то ради этого я составил тогда и дал записать опись моего имущества"; 7) да кенсініңкі үчүн сл'убоват етіп едір кі хачмагай едір Акт.КП 15: 121 об.,15-16 "а в отношении своего он уверял, что не убежит".

Урумская форма на -рай еді передает только ирреальное значение, что связывается с ее окончательным утверждением как конъюнктивной: Аблай етмегөй едін, Һахшы-Һыд ВН "Было бы хорошо, если бы ты так не сделал"; Не олса, олрай еді, тек сені көрд'өй едім У "что бы ни случилось, пусть бы случилось, только бы мне увидеть тебя".

Желательное (запретительное) наклонение на -(й)ай / -май

Эта форма, принявшая активное участие в формировании континуума настоящего-будущего времени урумского индикатива и вошедшая в качестве формы 1-го л.ед. и мн.ч. (уже с личным глагольным аффиксом) в парадигму повелительного наклонения всех исследуемых языков, в положительном аспекте используется только в составе прошедшего времени желательного наклонения на -(й)ай еді огузских урумских говоров. Лишь как отрицательную выделяем ее в виде запретительного наклонения армяно-кыпчакского языка и урумских говоров. Формообразующий аффикс сокращенный: -май / -мәй (урум. -май / -мей) < -майай / -мәйәй / -мейей. Личные аффиксы: арм.-кып. -мен; -сен; -д; -біз; -сіз; -лар / -ләр; урум. -о_м; -сы(н/н) / -сі(н/н) / -о_с; -д; -ымыз / -іміз // -хх / -ік; -сы(н/н)з / -сі(н/н)з; -л'ар / -ләр.

Описываемая форма функционирует в зависимых конструкциях. Армяно-кыпчакские словоформы, наличие которых в текстах следует относить на счет огузской интерференции, передавали значения желания (1) и побуждения (2), трансформируемые в целевое (3), ирреально-пересказательное (4) и сослагательное (5). Урумские используются в союзных и бессоюзных придаточных цели (6). Например: 1) холар-мен кі мен те-рәмні тас етмәй-мен Акт.КП 8: 111,1 - 2 "прошу, чтобы я не утратил своего права"; 2) Асвадур мені холду кі позват етмәй-мен Акт.КП 17: 79 об.,1 "Асвадур попросил меня, чтобы я не возбуждал иск"; 3) кен-сілерін заступіт етіп барчада ... кі бір трудност ... көрмәйләр Акт.КП 17: 101 об.,27 - 29 "заместив их во всем, чтобы они не испытывали

никаких затруднений"; 4) Мошко інэмәді кі нахт сөгсә болмай Айдин-нің Акт.КП 8: 251, 20-21 "Мошко не поверил, что у Айдина нет наличных денег"; 5) а егер кі ... ейәмні хойалмағай-мен, ані Афендікка хатунуна ол суманы теләмей-мен Акт.КП 11: 134, 7-9 "а если я не смогу представить моего мужа и не уплачу ту сумму жене Афендики"; 6) Чох ішлемә д'ерек, шоп утанмайсын алхан Ж "Надо много работать, чтобы не было стыдно от людей"; Абу көшәсі болмай атхан, абу ісанны да йа-ратхан П "Чтобы этот закуток не оказался заброшенным, он создал и этого человека".

Прошедшее время желательного наклонения на -(й)(а)й еді. Армяно-кыпчакская (сокращенная) форма, известная лишь в отрицательном аспекте как прошедшее время запретительного наклонения на -май еді (// едір), используется с оптативной семантикой в придаточных изъяснительных и цели (1; 2) и со значением ирреального предположения в придаточных условных и определительных (3; 4), напр.: 1) холуп еді пан Кіркору кі мені хатындан йебермей едір Акт.КП 17: 212 об., 26-213, 1 "он просил пана Киркора, чтобы тот меня от себя не отпускал"; 2) мен есә забігат етіп аңар кі бір бірін обрашті етмайлер еді түштүм орталарына Акт.КП 26: 29, 13-14 "а я, стараясь что-нибудь сделать, чтобы они не ранили друг друга, влез между ними"; 3) хайда кі одскочіт ет-май едім, ельдүрүр едір мені Акт.КП 8: 129 об., 36-37 "если бы я не отскочил, он убил бы меня"; 4) йохеса ол кун йох еді кі 1000 татар түшмәй еді ічләріндән Венец.1700: 122, 22 "не было такого дня, чтобы из их числа не погибало 1000 человек".

Урумская форма, органически свойственная огузским говорам Г-СК, иногда встречается и в кыпчакских, взаимодействуя с прошедшим временем желательного наклонения на -рай еді (ср. пример (5) в предыдущем абзаце). И там и здесь она контаминирует с определенным имперфектом на -(а)й еді, конъюнктивные значения которого могут быть обусловлены футуральной семантикой настоящего-будущего на -(а)/-(а)й. В огузских говорах имеются полный и сокращенный показатели -(й)ай еді / -(й)ей еді // -(а/е)й еді, а в кыпчакских только сокращенный. Будучи формой конъюнктивной, урумская форма на -(й)(а)й еді выступает преимущественно в самостоятельных предложениях ирреально-оптативной семантики (1) и в придаточных ирреального условия (2), реже - в придаточных изъяснительных аналогичного содержания (3), напр.: 1) Ай сычан, вай сычан, хаңмай едің сен П "Ой мышка-мышка, не убежала бы ты"; Сен йаз-майайдың буну СГ "Не писал бы ты этого"; 2) Тутмай еді бу сытма бе-ні, тутар-дың сені П "Если бы не напала на меня эта маллрия, я схватил бы тебя"; 3) Йалварайым мен саңа, айрылх олмайайды Я "Умоляю тебя, только бы не было разлуки".

Настоящее-будущее время условного наклонения на -са

Формообразующий аффикс: куман. и арм.-кып. -са, -се; урум. -са, -се; личные - куман. -м; -н; -Ø; -к/-х/-к; -ңыз/-ніз; -лар/-ләр/-лер; урум. -м, -н/-н; -Ø; -х/-к; -ңыз/-ніз // -ңыз,/-ніз; -лар/-лер. Связка условной модальности: куман. болса, есе, есе, арм.-кып. есе, -са, -са, урум. бо(л)са // о(л)са, (е/и)се, -са.

Как и куманская форма на -са, соотносимая с презенсом конъюнктива (ельбекінден, кім тілесе, алыр рәйгән = de tua abundantia volt ... gratis КК: 70 об., 5 "кто пожелает, получит от твоих щедрот безвозмездно") и будущим П (сөвүнгей-сен сонғы күнде, орулуң өчін қачан алса = gaudebis vltima die filius tuus vindictam quando sumserit КК: 71 об., 8 "ты утетишься в последний день, когда сын твой отомстит за себя"), армяно-кыпчакская форма широко засвидетельствована с общеусловным (1), общеуступительным (2), частноусловным (3) и частноуступительным (4) значениями, а также входит в состав описательных модальных форм - предположительной (5) и уверенности (6), напр.: 1) кельсәніз Адырнага, тенрі берсә, артхары аның кібік сбы һадірләп одад етәр-мен Акт.КП 25: 201 об., 21 - 22 "как приедете в Эдиру, если бог даст, я приготовлю и верну те деньги"; 2) менім сытарам үснә - ельса, тірільса, борчул болгай-мен төләмегә Акт.КП 15: 389 об., 9-11 "будет жив или нет, я должен буду уплатить, - это на моей совести"; 3) нечә кеп болса, анча ігі-дир Вроц.1916: 178 об., 20-21 "чем больше (свидетелей), тем лучше"; 4) егәр хайсі ерменіні обвінут етсәлер не іште дә болса Акт.КП 8: 140 об., 25 - 26 "в каком бы деле ни обвинили какого-либо армянина"; 5) болса болур кі Каспар зійән етіп-тір кенсілеріне Акт.КП 11: 186 об., 31 "вероятно, что убыток им нанес Каспар"; 6) буну версәм керәк Люблин йармаркының сонрусунда Акт.КП 15: 317 об., 22 - 23 "я должен уплатить это в конце Люблинской ярмарки".

Форма на -са урумских говоров утратила изначальный модально-синтаксический функциональный синкретизм и специализировалась как чисто модальная. Общеусловное (1) и общеуступительное (2) значения здесь для нее наиболее типичны. На фоне конъюнктива на -^{ор} еді (3) и прошедшего категорического на -ды (4) у формы на -са развивается ирреально-предположительная семантика. Использование условной формы с частноуступительным и частноусловным значениями в связи с оформлением придаточного предложения безусловной семантики принадлежит к архаичным (5). В то же время, получили развитие самостоятельные предложения восклицательного типа, в которых форма на -са передает значения ирреального желания (6), побуждения (7) и предположения (8). В огузских говорах и песенной речи сохраняется аналитическая модальная форма -са т'ерек (9), эквивалентная кыпчакской форме -рай

т'ерек (см. выше). Имеется ряд лексикализировавшихся условных и уступительных словоформ, обладавших синтаксической устойчивостью (10). Примеры: 1) Йа агац борона болмаса, тек әгузлер харыштырып йуруй П "А если деревянной бороны нет, тогда только быки ходят мешают"; Джелъ ессе м, хум саврулур СК "Если подует ветер, поднимается песок"; Енд'ер аслы олса, бөкүлдү бөлім Г "Если это правда, то я пропал"; 2) көмсен де, чыжай Г "хоть закопай (тайну), все равно вылезет"; 3) Чаре олса, ах йарем, учар да варыр едім ВН- У "Если бы было можно, мой милый, я полетел бы к тебе"; 4) Хызым йарын т'есе, гүзель еді Нов.І "Если бы моя дочь приехала завтра, было бы хорошо"; 5) мышығын да бо- са уруй СВА "хоть кошку ударит"; Баір д'ельсе, отлар ессе, от гемер бені ВНБ: 4 об., 14-15 "Когда настанет весна и вырастет трава, трава похоронит меня"; Качан пейдоса кукурузлары, о вахт СК "Когда появится кукуруза, тогда"; Не хадар стесе, о хадар верій о СТ "Сколько он захочет, столько и даст"; 6) Вах-са - шінді ахылма еді! Унутмасаң д'ебет! СК "Ты смотри - только что было на уме! Не забывать бы все-таки!"; 7) Саба да олса, дурсам да т'ігсем ішіме, йар, ішіме ВН, П "Настало бы утро, встать бы мне и пойти на работу"; 8) Йа мен биль- мем, ханда оламасаңыз - йа бір йерде учхан, йа бірі урған! У "А я-то ведь не знаю, где бы вы могли быть - то ли куда попадали, то ли кто побил!"; 9) Сен аниасан т'ерек К "Ты, наверное, понял"; Она да дайан- сан т'ерек СЛ "Перетерпеть бы тебе и это"; 10) Йок есе КК: 31 об., 13 "если нет, однако"; Йох есе Акт.КП 15: 63 об., 31 "однако", Йохса ДГ: 21 "но, только"; урум. Йохса "или; что ли"; есе В-СК, елесе Г-СК "значит"; хайдесе Акт.КП 8: 234, 40 "где-нибудь"; кімсе / т'імсе "кто-нибудь"; здесе / стесе "хотя" и т.п.

Прошедшее время условного наклонения на -са еді в куманском языке соответствовало латинскому будущему I индикатива (аниасан еді = intelliges КК: 65, 38 пр. "если бы ты понял, понять бы тебе") и имело, вероятно, ирреальное содержание: Егер тоз-топрақ куйашдан мін құрла йарық болс'еді, һануз теңрінің йарыхлығна кере қарағы-дыр КК: 59, 26 - 28 пр. "Если бы пыль и прах были во сто крат ярче солнца, то и тогда в сравнении с сиянием бога это была бы тьма". Армяно-кыпчакская форма, тоже используемая синтаксически связано, имела конъюнктивные значения ирреального условия (1) и предположительно-уступительное (2), напр.: 1) хачан кі кельтірсәләр еді солодну тийирманга Званецкий ... на міркасын бермәсләр еді Акт.КП 20: 100 об., 9-10 "а если бы они поставляли солод на Жванецкую мельницу ... то не платили бы меру за него"; 2) хайсілерін болур едір йеберме хайда да кю-сам едір Акт.КП 23: 119 об., 36-37 "которых я мог бы послать куда угодно"

Урумская форма на -са еді, которая при синтаксически связанном (соотносительно с конъюнктивом на -ор еді) применении передает ирреально-сослагательную семантику (1), обладает способностью употребляться безотносительно - со значением ирреального желания (2), что, кстати, наблюдается и в других языках /Юлдашев 1965: 233/. Например: 1) дерлер кі Шах-Сене ейі хыз олса еді, Гариб айырылмаз еді ондан СЛХ: 16 об., 5-6 "скажут, что если бы Шах-Сене была хорошей девушкой, то Гариб не расстался бы с ней"; 2) Олса еді бір хара хаш сырым ачмайа ВНБ: 4 об., 7-8 "Вот если бы была у меня чернобровая - открыть тайну".

Настоящее-будущее время долженствовательного наклонения на -сар. Отмечено лишь в армяно-кыпчакском языке, где имеет формообразующий аффикс -сар/-сэр и принимает личные аффиксы -мен; -сен; -ө; -біз; -сіз; -лар/-лэр. Инодиалектная аффиксация: йеберсэрым мен "я должен буду послать", холсарсын "ты должен будешь просить" Мат.3522: 280, 17; 285 об., 9. Ассимилятивные изменения: халмісэрлар Мат.2267: 40, 29-30 "они не должны остаться"; телісэр еді // теласэр еді Акт.КП 17: 207, 11 // 200 об., 5 "он должен был возместить". Безотносительные значения: кроме долженствования, также значения намерения (1) и уверенности (2); связанное - в придаточных изъяснительных - побудительное (3), напр.: 1) сб харджлыхка халдымасар-мен Акт.КП 25: 201 об., 24 "я не намерен откладывать деньги на расходы"; 2) халіке йолу баркетмеге да ол рокта телев маңа болмісэр Акт.КП 14: 164, 9-10 "сейчас ему предстоит поездка, и в тот срок он мне наверняка не уплатит"; 3) хайсі кі мені холду тезсэр-мен кенсіне Акт.КП 8: 118 об., 18-19 "который попросил меня, чтобы я подождал".

Прошедшее время долженствовательного наклонения на -сар еді, кроме долженствования в прошлом (1), передает - на фоне условного наклонения - уверенность (2), напр.: 1) тутундум кі аны антым тібіне етмісэр едім Акт.КП 20: 189, 15 "я обязался, что не должен был этого делать под присягой"; 2) алар учун болсар едір вензен, біз раст кельмесек едір анда Акт.КП 12: 259, 32-34 "если бы мы там не оказались, его бы из-за них наверняка посадили в тюрьму".

Глагольные имена на -ған и -(й)ан и их производные

Формообразующий аффикс - куман. -ған, -гән, -ген, -қан, -кән, -кен; арм.-кып. -ған, -гән, -қан, -кән. Аффиксация в урумских говорах намного разнообразнее, что обусловлено как чисто кыпчакским развитием аффикса -ған, так и взаимодействием данной формы с огузским причастием (глагольным именем) на -(й)ан. Поскольку звуковое оформление показателя здесь связано с функцией форм на -ған // -(й)ан, урумскую аффиксацию даем пофункционально.

Субстантивное употребление форм на -ран// -(й)ан

Урумская аффиксация: -ран, -ган, -ген, -гэн, -хан, -кан, -кен, -кэн, -йан, -йен, -ан, -ен, -н ВН-СГ с закономерным для СБ переходом конечного н в л перед аффиксом мн.ч. В Ж, СК, где в данной функции господствует имя действия на -дых, параллельно встречается и форма на -(й)ан как субстантивная, что характерно и для письменности XVII века.

Варианты -ган/-кан - после основ на -г, н, ц /х ВН-Б, спорадически У, Г-К. Аффикс -йен в П - следствие развития к', г' > т', д', й перед е. Варианты -йан, -йен, -ан, -ен ВН-У - результат перехода ф, г, к > й > ø в межвокальной позиции, который в Г-СК, песенной и письменной речи поддержан контаминацией с огузской формой на -(й)ан.

Как название действия форма на -ран активно использовалась в ку-манском языке (1) и очень продуктивна в урумском, где отчасти вытесняется придаточными славянского типа. В армяно-кыпчакском языке, подвергшемся сильному украинско-польскому влиянию, форма на -ган приобрела морфологическую сущность причастия, и в роли субстантивных там фигурируют отдельные образования лексического или инодиалектного типа (2) [Гаркавец 1976]. Например: 1) йазуклы-тыр-мен кергенімден, ешитгенімден, тутганымдан, артух йегенімден, артух ічгенімден КК: 61, 3-4 "я грешен моим зрением, моим слухом, моим осязанием, моим едением и моим питием"; ср. арм.-кып. йазыхлы-мен кезлерім біле ... ху-дахларым біле ... арзым у тілім біле Мат.2403: 71,11 - 72,7 "я грешен глазами моими ... ушами моими ... устами и языком моими"; 2) барча йазыхларымны айтыр-мен хайсі кі хылынып-мен джаным тенім біле де барча сарышларым біле де сөзлерім біле, еркли-ерксиз, бильгенім біле де бильмегенім біле Мат.2403: 70 об.,6-14 "я исповедую все мои грехи, которые я совершил душой и телом моими, помыслами и словами моими, вольно или невольно, ведая или не ведая".

Урумское глагольное имя на -ран, как и всякая другая тюркская субстантивно-функциональная форма, стремится употребляться неоформленно, и это особенно характерно для функций изафетного определения (неоформленный родительный) (1), прямого дополнения (2), а также послеложных конструкций (3). Вместе с тем, в других косвенных падежах без послелога оформление притяжательности и множественного числа осуществляется последовательно (4), что в целом относится и к синтаксическим образованиям переходного типа, совмещающим в себе черты члена предложения и придаточного предложения (5). Например: 1) халис, падша сөлеген т'ереті, хахай алыи падшанн таджысыны СГ "сразу, в момент, когда царь говорил, он схватил царскую корону"; 2) беле чалган

те шитмедім // даа шитмееннер эле гузель чалан Г "я еще не слышал такой игры" // "бни еще не слышали такой хорошей игры"; 3) о харт чобан-ных еткен дорган бері НЛ "тот старик был чабаном с малых лет"; анам еленден бері СК "после смерти моей матери"; 4) Аште бу болганна да уйай П "Вот и с этим, что произошло, он соглашается"; 5) Дуйса да, шо доғмуш болмағаны ВН "А если узнает, что он неродной"; О вахта йн-наньр сана, шо сен мені хыдырғаныңа Б "Тогда он поверит, что ты меня ищешь"; Айтй, шо мен алай айтханымы П "Говорит, что я так сказал"; Бізім улахыллы кечүрдлер Хрымдан бек чохтан, када Екатерина Вторая олғанда царицей У "Наших улакынцев переселили из Крыма очень давно, когда Екатерина Вторая была царицей". Урумская форма на -ран как субстантивно-функциональная, и это видно из приведенных примеров, в значительной степени сохраняет исходную многофункциональность, хотя в плане притяжательного и аспектуального словоизменения она уже малопродуктивна. В связи с этим намечаются предпосылки адвербиализации отдельных падежных форм, в частности формы на -ранца, а также ее новообразованного огузского эквивалента: илле даым еклісе ічінде сакын ол ібат етенде ЦНБ У, 3673: 1,8-9 "особую, постоянную бдительность проявляй в церкви во время отпращиваний".

Сравнительно-терминативные формы на -ранча, -гінчә и производные. К числу регулярных куманских образований принадлежит обстоятельственная глагольноименная форма на -ранча и деепричастие на -гінчә. Обе представляют собой формы экватива: первая - от глагольного имени на -ран, вторая - от древнего глагольного имени на -рын, то есть от различных вокальных вариантов общеалтайского глагольного имени на -r^on/-k^on [Кононов 1980: 97]. Последнее ко времени появления эквативной формы в тюркских прадиалектах выступало, очевидно, с нейтральным аффиксальным гласным. Куманские примеры: Баса учүнчі күнде елүмден копты бітүвләр айтғанча КК: 74 об., 10 "И на третий день, как сказано в писании, он воскрес"; Йахшырах-тур бу дунйада еркі біле йазухын айтмаға тамухта дағын керті йарғуда куч біле айткынча КК: 63, 11-13 "Лучше на этом свете исповедать свои грехи по собственной воле, чем в аду и на истинном суде рассказывать по принуждению". В армяно-кыпчакском языке функциональное единство образуют формы на -(ма)гінчә и -мінчә, вторая из которых, не исключено, может оказаться сокращенной производной от первой [Гаркавец 1979: 78].

Количество вариантов формообразовательного аффикса -ранча/-рынча в урумских говорах возросло как за счет йотации и утраты начального согласного на фоне контаминации с огузскими эквивалентами, образованными на базе глагольного имени на -(й)ан/- (й)ын, так и за счет вариативности аффикса экватива -ча, -че, -джа, -дже. Кроме то-

го, в ряде говоров возникли вторичные сложно-неделимые формообразовательные аффиксы, включающие также аффикс принадлежности -сы/ -сі или его рефлекс -с/ -з и следующий после него аффикс дательного падежа притяжательной парадигмы -на/ -не. Более того, в функциональную сферу данного сравнительно-терминативного деепричастного континуума были включены обстоятельственные формы тождественного значения с другой вторичной аффиксацией: -ранча(х), -рангерек, -ранкерек, которые в урумских говорах дали закономерные для каждого из них фонетические рефлексy. В обобщенном виде данный континуум представлен такими показателями: -ранча, -ранче, СВ, СМО; -ранджа, -рандже СЛ; -ранчас, -ранчес ВН -У, СЛ; -рандjas, -ранджес, -ранчесне Б; -ранд'ерек, -рант'ерек СМ; -ранчерек СМ, Б; -ранчере СМ; -ранчах СВ, Б; -ранчек СВ; -андjas, -ындjas, -анджес, -ынджес Б, Г -СК; -анджа, -ынджа К -СГ; -анча, -ынча, -анче, -ынче Г -СК со всевозможными ассимилятивными вариантами.

Кыпчакские и огузские формы, выступая в функции обстоятельства времени, передают действие, до начала которого завершается основное (1). Однако в песнях отдельные огузские словоформы и их кыпчакские стилистические субституты могут обозначать также предшествующее действие (2). Другие значения - сравнения (3), образа действия (4), замещения (5), условия (6), меры (7). Характерной конвергентной чертой является употребление данных форм в конструкциях, переходных между членом предложения и союзным придаточным предложением (8). К конвергентным принадлежит, вероятно, и функция дополнения (9). Для пословиц показательна конструкция с эллиптированным сказуемым или включающим предложением в целом (10). Примеры: 1) Ашайл'ар. Ашаранчерек. А сон т'етийлер ишт'е У "Едят. Пока не поедят. А потом едут на работу"; Кун дорундан кун батыя варынджаадах ГХ: 49,5 "От восхода солнца до самого заката"; 2) Бен башмы кестериндже(з) (// керсеткенчек) йаш джанымы солдурдум ИЛ// СВ "Как только я показал свою голову, погубил мою молодую душу"; 3) Он же как елунджес СК "Он же как будто умер"; 4) Бахла хайнаганчах шлей НБ "Он работает так, как варится фасоль (долго и медленно)"; 5) Адың чыхканчерек джаның чыхсын СМ "Чем потерять имя, лучше потеряй жизнь"; 6) Калатана калата деджес, калатаның көпегіне барганчек калата деджес У "И своего крестного отца батюшкой назовешь, и его собаку, если придется обратиться, тоже батюшкой назовешь"; 7) олунджа малымы оджайа вердім СЛХ: 27,24-25 "весь мой товар, сколько было, я отдал ходже"; 8) түкурмек пока йерче сінгенчез, йүз йалан айтй ВН "пока плевков впитается в землю, сто раз соврет"; Чем онда т'итиндже, т'елійім мында БК "Чем идти туда, пойду-ка я лучше сюда"; 9) бахай пішкенчек Р "ждет, пока сварится";

10) Менден т'етт'енчерек, сана барганчес СМ "Пока от меня уйдет да пока от тебя дойдет (много изменится)".

Причастие на -ганлы в куманских и армяно-кыпчакских записях засвидетельствовано отдельными словоформами perfectного (1) и долженствительного (2) значения: 1) кельгә/н/лі КК: 29,20; 66 об., 2 пр. "который пришел; придя"; һалі 5 йыл-дыр бу ат тас болганлы Акт.КП 8: 162,5-6 "уже 5 лет, как тот конь пропал"; 2) елүмлүләр йа ельгәһләр Мат.3522: 232 об., 13-14 "смертные или должны умереть". В урумском говоре ВН форму на -ганлы отмечаем в сочетании с послелогом: Потому шо олар сүфтеден, догганлы бері сувухка находились "Потому что они с самого начала, от рождения находились на холоде".

Атрибутивное употребление форм на -ған//-(й)ан

В урумских говорах кыпчакский аффикс имеет варианты -ған (иногда -ан), -ған, -хан, -кан, -ген (иногда -ен), -кен, -гән, -кән, -д'ен, -т'ен, -йен (по наблюдениям Ф.И.Оглуха, в СМ было также -джен). Параллельно с ним в огузско-кыпчакских говорах Г-СГ фигурирует и огузский показатель -(й)ан, -(й)ен, типичный для Ж, СК. Последний после основ на гласный имеет форму -н.

Как атрибутивная урумская форма на -ған//-(й)ан обычно обозначает прошедшее, результативное или одновременное с моментом речи, постоянное, общехарактеризующее действие и во многом сохраняет исходную сочетаемость и функциональность, о чем свидетельствует, например, возможность ее употребления в роли изъяснительного определения при названии произведения (1) и определения при названиях времени (2) и места (3), - а эти функции считаются исконными. Например: 1) Туз сач-хан масал У "Рассказ о том, как сеяли соль"; 2) адам йухлаан заман абрай ебет СЛ "человек ведь, когда спит, вздрагивает"; 3) Варан йере ев йап ЖМПр.: 36 "Куда ни попадешь, строй дом".

Причастное определение приобрело способность согласоваться со своим определяемым при обособлении (1). Иногда это свойство наблюдаем и при отсутствии обособления (2). Примеры: 1) Оп-оп, девелер, Харасувдан д'еченнер, ест'і чарых д'йеннер, ер вахты түркү сөленнер СГС "Ох-ох, верблюды, идущие из Карасу, обувавшие старые чарухи, все время распевавшие песни"; 2) бліскій ... барча добросуна халганга Акт.КП 14: 20,5 "наследник всего его оставшегося имущества"; алғаннар шйлерін хырслағаннар У "они украли купленные ими вещи"; куманский окказионализм: алғаным халлалым хошылдым КК: 58 об., 15 "я соединился с моей взятой законной женой". Это же касается и функции именной части сказуемого: демір хапулар түбүне хапаннар көпеклер еді СЛ "собаки были закрыты за железными дверями".

Куманская форма на -ран со связкой настоящего времени или без нее имела перфектное значение: Андан улам бар барча болран-турур КК: 74 об., 6 "Чрез него все сущее стало быть"; армяно-кыпчакскую форму как финитную не встречаем, даже в грамматических пособиях. В урумском языке, судя по собранному материалу, в качестве финитной употребляется только форма на -ран, контаминирующая с формой на -(й)ан. Иными словами, есть основания все фонетические варианты аффикса относить к инварианту -ран. Фонетические разновидности: -ран, -ган, -хан, -кан, -ген, -кен, -гэн, -кэн, -д'ен, -т'ен, -йен, -(й)ан, -(й)ен, -н, а в СВ также -рал(лар), -гэл(лер) и под. Пересказательно-неочевидная по своей семантической сущности данная перфектная форма может приобретать специфический модальный оттенок притворства (1), а в темпоральном плане - на основании перфективной обобщенности (2) - у нее может возникать и оттенок одновременности с моментом речи (3), напр.: 1) Сен кезлерің йум - сен ельгенсі СМ "Ты глаза закрой - ты ведь умер"; 2) Рысыз рысызга рыз сорган, ет'ісі де олар рыз джойган ІМ "Бессовестный у бессовестного добывается совести, а ведь они оба совесть потеряли"; 3) Йа бу бахша чалышнар да! СК "А они ведь иначе играют"; Нерелерден нерелере т'ітен, турнам? ЖМПр.: 9 "Откуда и куда летите вы, журавли?".

Специально рассмотрим синтаксические построения, в которых форма на -ран//-(й)ан исторически могла бы интерпретироваться как зависимое сказуемое, выраженное непредикативной, обстоятельством-функциональной формой глагола, семантически соотносимой с морфологически дифференцированным деепричастием на -о^п (1). Явная аналогия с последним заставляет предполагать, что в простых предложениях с однородными сказуемыми (2) и в бессоюзных сложных предложениях гипотаксической семантики (3) форма на -ран выполняет роль зависимого сказуемого, хотя форма 3-го л.ед.ч., свойственная данному употреблению, в плане конвергентного синтаксиса может рассматриваться и как личная форма независимого сказуемого. Подчиненное синтаксическое значение глагольного имени на -ран имеет очевидную выразительность синтаксического и морфологического факта, если субъект обозначенного им действия выступает в других лицах, то есть когда между внешним обликом (3-е л.ед.ч.) и личным значением формы на -ран возникает явное противоречие (4). Например: 1) Ішлемд'е стемед'ен - ашама стій Б "Работать он не захотел - есть хочет"; 2) Даа йахын т'емеен хырый СЛ "Еще не приблизившись, кричит"; 3) Хайтан еріф, хыз варый, селамнашый Г "Когда парень вернулся, девушка пошла, попрощалась"; 4) Мен т'ельмеген, т'іксекік тіймесін СВ "Пока я не приду, пусть никто не прикасается";

Сахасы башлады гыдырлаан тушмее СГ "Стала бита лететь переворачиваться"; логическое противопоставление при совпадении в лице: Айахлары сланмаан балых тутулмай МГ. "Не замочив ног, рыбы не поймаешь (рыба не ловится)".

Аналитические образования с формой на -ран. В памятниках армяно-кыпчакского языка и урумских говорах отмечается целый ряд аналитических образований, построенных на базе глагольного имени на -ран, которые отчасти тождественны по форме, но преимущественно отличаются по семантике. Отмечаемая межъязыковая омонимия составных образований, из которых куманским записям свойственна лишь форма -ран турур (//-тыр), лежащая в основе перфекта на -ран(-дыр), обусловлена разным статусом базовой формы на -ран в этих языках: в армяно-кыпчакском это главным образом причастие, притом пассивное, тогда как в урумском - преимущественно предикативная форма, усложненная связками.

Армяно-кыпчакский перфект на -ган-дыр / -ган дугуль-дыр получил применение благодаря прямому воспроизведению славянской модели - пассивно-предикативной конструкции с пассивным причастием прошедшего времени совершенного вида [Гаркавец 1976]. Урумское же образование на -ран-дыр является формой утвердительной модальности прошедшего неочевидного (пересказательного, перфекта) времени: Мен көрмеен-дир-им Г "Я точно не видел".

Давнопрошедшее результативное армяно-кыпчакского языка тоже является разновидностью составного пассива - здесь оно оформляется показателями -ган еді (// едір) / -ган дугуль еді (// едір). В урумском языке форма на -ган еді / -ма(ғ)ан еді сама по себе в отношении залога не маркирована - залоговость определяется основой глагола. Основное ее темпоральное значение - давнопрошедшего времени (1) - в соответствующем окружении может проявляться как предпрошедшее (2), напр.: 1) Хайсі кі сөз сөзден бу түрлу едір йазган Акт.КП 24: 44 об., 30 - 31 "которое (завещание) дословно было написано так"; Енді тек біз хал-ран-ых Г (из халран едік) "Теперь только мы остались"; 2) Йахнону Авак ордун 4-үнчі над право поволат етті к'ер'езмені үснө ельдүрген Мартиннің негінчә көмүльгән дугуль едір Акт.КП 17: 6 об., 27-29 "в четвертый раз, сверх права, он позвал Яхно, сына Авака, на могиле убитого Мартина, пока тот еще не был похоронен"; Ман ана сатын алган едім торундарыма чйхаймах, да олар ашамага болзадлар ВН "Я как-то купила своим внукам сметаны, так они не смогли есть".

Перфектным пассивным формам заверщенного действия на -ган болду и -ган болуп-тур армяно-кыпчакского языка по компонентному составу соответствует урумская форма притворства-уподобления на -ган бол- (// ол-), напр.: Ну, хайлетий хыз. Стемеген олуй башындан, бурулуй

будтобу СГ "Ну, девушка соглашается. Сначала притворяется, что не хочет, будто бы хочет отвернуться".

Армяно-кыпчакские формы на -ган болса (реже -ган есе) и -ган болса едір представляют собой вневременную и прошедшевременную формы условной модальности составного сказуемого и тоже используются преимущественно как пассивные. Соответствующие урумские формы на -ран бо(л)са / -ран о(л)са / -ранса (1) и -ран бо(л)са еді / -ран о(л)са еді (2) являются формами условной модальности прошедшего и давнопрошедшего результативного и отмечаются, как правило, в активном залоге. В самостоятельном предложении приобретают оптативное значение (3). Например: 1) Паста ашаган боса, олмалы башы бар еді НМ "Раз уж он ел кашу, то голова у него таки была"; 2) Сен чыхмаган осаң еді Йола, о сені тапар еді Кам. "Если бы ты тогда не уехал, он бы тебя нашел"; 3) Ерзурум шейірі-дір, ага. А бен Карса етішт'ен олсам ей еді! СЛХ: 23 об., 20-21 "Это город Эрзерум, уважаемый. А мне бы надо было попасть в Карс!".

Армяно-кыпчакская форма на -ган екән имеет обстоятельственно-временное значение фонового действия и отмечена отдельными употреблениями. Урумская же регулярная форма на -ран ет'ен (1), как и ее огузский эквивалент на -ан-мыш (2), представляют собой формы пересказательной модальности прошедшего результативного времени (перфекта). Например: 1) Мамасы да стемій ону: холсуз т'етірц'ен ет'ен Б "А его мать ее не хочет: привел, мол, безрукую"; Чи бін ельдүрген ет'ен СГ "Он (делает вид, что) бьет мух"; 2) Анам он беш йашна еді. бабам д'ірім беш йашна. Салдатлара т'ітен-міш СК "Матери моей было пятнадцать лет. Отцу было двадцать пять лет. И пошел он (как я потом узнала) в солдаты". Ассимилятивное окказиональное образование в песенной речи кыпчакско-половецкого говора: Йеді йыл бір гүзель үчүн халлер йутхун-муш СБ "Семь лет он тяжело страдал из-за красавицы".

Армяно-кыпчакская форма на -маган етсәр, очевидно, является лексикографической: арм. անհտա՛լ, ւո՛ւսանե՛լո՛ւ ем = кесмеган етсәрмен "я должен сделать неразрезаемым" Мат.3522: 325,15.

К своеобразным урумским новообразованиям принадлежат сравнительно-уподобительные производные на -рандайы, -ран т'ібік, -ран д'ібік, используемые обычно с данным (1), а иногда и с терминативно-временным (2) значениями: 1) А сора атештен хорхандайы хорхайл'ар ондан У "А потом они боятся его как огня"; Барій, хорхкан т'ібік барій, вроде хорхай, т'ерат йанна СБ "Пошел он, пошел как бы побаиваясь, вроде боится, к скакуну"; 2) Ачай айат хайу; тек чыххан т'ібік - четлік кеше отуруй СЛ "Открыл он дверь в сени и, как только вроде бы вышел, присел сразу за углом".

Модальная связка екен/ет'ен, исторически являясь формой глагольного имени на -ран от глагола е - "быть", лексикализировалась, очевидно, до времени разделения огузских и кыпчакских прадиалектов, о чем свидетельствует ее наличие и в огузских языках и звуковое оформление в кыпчакских языках: так, вместо вероятного еген ВН,Г,К,СГ, еган СБ, ед'ен СМ - У,СЛ, ейен П, е(й)ен Ж,СК во всех урумских говорах имеем ет'ен < екен (ср. арм.-кып. екэн, тур. eken). Будучи словоформой лексикализированной, связка ет'ен, вместе с тем, отчасти сохраняет формальные, семантические, функциональные признаки синкретичного глагольного имени на -ран, употребляясь не только в предикативной (1), но и в субстантивной (2) функциях. Сочетаясь со связкой еди, образует регулярную форму давнопрошедшего результативного (неочевидного) времени (3). Например: 1) Бир шй бар ет'ен вродебы, ама мен езум кермедім СГ "Вроде бы что-то было, но сам я не видел"; 2) Мен ондан гузель ет'еним. Ондан ахыллы ет'еним СГ "Я вообще-то и лучше нее. И умнее нее"; 3) Даа биз дунйаа йох ет'ен-ик - долап йапхан хартбабалар НН "Нас еще и на свете не было - деды делали стенные шкафы".

Причастно-предикативная форма на -мыш

Форма на -мыш, свойственная огузским языкам, по своей семантике и функциям соотносится с кыпчакской формой на -ран в ее атрибутивном и предикативном употреблении. Субстантивные функции она утратила очень рано и в современных огузских языках известна как причастие, способное субстантивироваться в отдельных словоформах (Кононов 1956: 130). Отмечается она и в смешанном кыпчакско-огузском языке куманских записей; как инодиалектная фиксируется в армяно-кыпчакских памятниках, а в огузских урумских говорах Ж, СК принадлежат к числу продуктивных, отличаясь некоторой активностью также в огузско-кыпчакском говоре СГ, в песенной и литературной речи.

В урумском языке форма на -мыш прежде всего является финитной. Как атрибутивная она передает приобретенный признак (1), однако и в этом значении ее почти окончательно вытеснило огузское же причастие на -(й)ан. В смешанных и кыпчакских говорах фиксируются заимствованные прилагательные на -мыш (2), способные субстантивироваться (3). Некоторые из них сохраняют перфектную семантику (4). При глаголах состояния и движения атрибутивная по содержанию урумская форма на -мыш выполняет функцию слитного сказуемого, указывая на приобретенное состояние (5). Например: 1) болдурмыш адам "утомленный человек"; тутул-мамыш директен хохла(н)мамыш (// хохламайан) нар т'етір "принеси гранат, которого никто не нюхал, с дерева, которое никто не трогал" СК; 2) Бірі ох(у)мыш, бірі тохмыш СВ4 "Один начитанный (грамотный), дру-

гой упитанный"; 3) дормуш "родной", көрмеміш "невидаль"; 4) О т'аміль адам, өгреніміш НЛ "Он человек способный, ученый"; йазылымш сурет // сурат "писанное лицо"; тінтілымш тавух т'ібік СБА "как ошипанная курица"; 5) Бахса не бахсын - Хыдырлез-баба тохтамыш дуруй СК "Когда смотрит - Хыдырлез-баба остановился и стоит"; Йа бунда йангыз дірек бурулмыш йатый. Аслыдат'і аслан йігіт йорулмыш йатый СВ "Вот лежит вывернутое одинокое дерево. Под ним лежит утомленный молодой великан".

Прошедшее результативное (неочевидное) на -мыш. Формообразовательный аффикс -мыш, -міш, -муш, -мүш в песенной речи может иметь стилистический вариант -быш, -біш (см. стр.66). Личные показатели - собственно глагольные, с узкими аффиксальными гласными: -^ом; -^он; -^о; -^ох/-^ок; -^он^оа; -лар/-лер. В песенных текстах встречаются и показатели -ам, -мен, -с^о(н).

Анализ семантики словоформ с учетом лексического значения основы и общего содержания высказывания и контекста позволил выделить два ключевых семантических аспекта, сложившихся исторически: перфектно-объективный (1-4) и перфектно-субъективный (5-9). В первых случаях говорящий объективно отмечает определенное событие, исходя из косвенных данных или результата, что, собственно, и лежит в основе первичной семантики перфекта. Во вторых случаях излагаемый факт умышленно трактуется говорящим как неочевидный, объективно не реальный, не оправданный или вымышленный. Эти вторые значения, воплощающие смысл пересказательности-неочевидности, закрепились и за связкой еміш, іміш, -м^ош, посредством которой реализуется вторичная пересказательная модальность (10). Словоформы объективной перфектной семантики описывают действие или состояние в прошлом как явление настоящего, уясняемое по результату, в том числе благодаря обобщению результатов (1-2), косвенных свидетельств (3) или с чужих слов (4). Словоформы субъективной перфектной семантики прежде всего используются для описания событий прошлого в художественном повествовании, где реальные факты умышленно приравняются к вымыслу (5). Для этих форм характерно также значение неуверенности (6) и специфичные вторичные оттенки пренебрежения (7), удивления (8). При их помощи говорящий обращает внимание собеседника на явления, им не замеченные или проигнорированные (9). Примеры: 1) Бардах та ер бір йері замаскаланмыш СК "А горшок-то - со всех сторон испачкан замазкой"; 2) унутмуш лахырды етмее Ж "забыла она (по-своему) разговаривать"; Шерааты д'есілімш - бітімш енді СЛХ: 19 об., 11-12 "Приговор вынесен - конец"; 3) Уйанмаса, еле биль т'і хасеветлі йухуиз батмыш СЛХ: 12, 24 "Раз уж не просыпается, знай, заснул он тяжким сном"; 4) Шіттім, йарем евленміш - башна бойнуз бітімі? НЛ "Услышала я, что милый женился, - разве у него на лбу выросли

рога?"; 5) Баздырйан басмышым, парасын алмышым; бен бір йедже хонуштум - борчлу халмышым СК "Ограбил я куша, отобрал у него деньги; погулял одну только ночь - и оказался в долгу"; 6) Енді о чох алмыш, ама даа стій СК "Набрал он уже много, но хочет еще"; 7) Оно пшіе де д'ечмеен шій - сен ону алмыш! СК "Оно никуда негодная вещь - ты ее купил!"; 8) Бахай базырдыан т'ійата - ет'і дене адам халмыш! СК "Смотрит купец в бумаги - осталось два человека!"; 9) Бен сені джандан севмішім - не хачарсын бенден? ГК: 1 об., 1-2 "Я полюбил тебя всей душой - что же ты избегаешь меня?"; Өльмүшүм бен де сенін дердинден, севдандан! СГ "Я же умираю от страданий, от любви к тебе!"; 10) Падушан-миш ебет бу аты да СК "Кони-то эти принадлежали царю".

Форма утвердительной модальности, образуемая посредством связки -тор, сообщает оттенки категоричности (1), уверенности (2), достоверности (3), уточнения, конкретизации (4), а также производные - видо-вые оттенки интенсивности (5), исчерпываемости (6), напр.: 1) Сондан екеси йатый: Бет'ім іч етміш-тір-ім бу шій! Не сөлеміш-тір-ім е! СК "Потом злость проходит: Совсем некстати я это сделал! Что это я наговорил!"; 2) Александр Параскева йазмыш-тыр ону СК "Конечно Александр Параскева ее записал"; 3) Мермер дашы дөшөнміш-тір майдеси Г "Его кварталы выложены мрамором"; 4) Т'ім йолламыш-тыр йа сені мында? СК "Кто именно тебя сюда послал?"; 5) Хашын-гезүн чатмыш-тыр - не хайрыра батмышсын? СБ "У тебя совсем хмурый вид - почему ты печальна?"; 6) Олар білійлер-ді. Ама олар енді өльмүш-түр Ж "Они знали. Но все они уже умерли".

Если в случае утвердительной модальности семантика словоформы на -мыш развивается естественным путем - от неопределенности к конкретности, категоричности, то с присоединением пересказательной связки ет'ен наблюдаем противоположный процесс: инодialeктная форма на -мыш, будучи воспринята как модально нейтральная, индикативная (ср. в тексте ХУШ века: бу мавиль үзре хавиль етмішік ве ельйазмызы хо/й/мушух ЦНБ У, 3678: 1, 12-13 "об этом примирении мы составили этот договор и поставили наши подписи"), за счет связки ет'ен приобретает перфектно-субъективное значение пересказательности: анджа газета "Мус-Газель" де йазай: Арзіян чөлүне, Ера-су бойуна Фарібім богулмуш ет'ен СЛХ: 20, 13-15 "вот и газета "Мус-Газель" тоже пишет: в Азиатской пустыне, в реке Урал утонул, мол, мой Гариб".

Аналитические формы на -мыш бол- (// ол-), -мыш дур- передают значения завершенности (1), намерения (2), притворства (3) и длительности (4) соответственно: 1) Сіз бізім одайа д'ельміш олдуңуз К "Вы пришли к нам в дом"; 2) Джаду харысы вар. Айырмыш олду СК "Была там ведьма. Вознамерилась их разлучить"; 3) дөртүнчі: нема йаман сөз ішітсе -

iшitмeиш болсун Вен.468: 60 об.,26-27 "в-четвертых, если услышит скверное слово, пусть сделает вид, что не слышал"; 4) йа о сельви ту-буне йасланмыш дуран т'им-дир? СЛХ: 11 об.,20-21 "А это кто, что разлегся под тем тополем?".

Давнопрошедшее конъюнктивное на -мыш болрай еді куманскими и армяно-кыпчакскими записями фиксируется лишь при грамматическом переводе иноязычных словоформ: искусственные образования такого типа раскрывают потенциальные возможности языкового строя: кешка ешітмиш болрай едініз "если бы вы услышали", андамыш болрай едік "если бы мы поняли" КК: 2,8; 65,26 пр.; ай кі алғышламыш болга едім Мат.3522: 334, 9 "о если бы я помолился".

Условные формы на -мыш оса (1) и -мыш оса еді (2) представляют собой прошедшее и давнопрошедшее время условного наклонения: 1) Унут-мамныш осам, совсем бахша түрлү олур еді Ж "Если бы я не забыла, все было бы совсем иначе"; 2) Йох башланды - йох пїтті. Анам вар-ды-м, деміш осайдын, вар, дер-дім ЖМПр.: 11 "С нета началось, нетом и кончилось. Если бы ты спросил меня тогда, есть ли у меня мать, то я бы ответил, что есть".

Давнопрошедшее неочевидное на -мыш еді имеет модальное содержание, свойственное простым формам, за исключением специфических оттенков пренебрежения, удивления, обусловленных тесной связью с настоящим, напр.: Вен бeгун ічмішім, т'ефім алмнышм. Т'ефім басхын-мыш-тн - сазым хытмыш-тыр-ым СВ "Сегодня я выпил, поднял настроение. Настроение оказалось гнетущим - я поломал свой саз"; августозун 15-сінде - 17-сінде мітрополіті алып Кефейе кетүрдулер. О заман Кефе алынмыш-іді ЦНБ У,3669: 1,15-16 "15-17-го августа они забрали митрополита и доставили в Кафу. Кафа тогда была уже взята".

Глагольное имя на -(й)аджах

Форма на -(й)аджах, типичная для среднего и южного диалектов крымскотатарского языка [Изидинова 1982: 14-15] и всех без исключения урумских говоров, отсутствует в куманском языке, а в армяно-кыпчакских записях встречается изредка, очевидно как инодиалектная. Урумский формообразующий аффикс имеет варианты -(й)аджах, -(й)еджек, -(й)джах, -(й)джек, -(й)джа-, -(й)дже-. В песенной речи огузских говоров со стилистической целью (по аналогии с естественными корреляциями -ан// -ран, -ай// -рай, -а// -ра) перед начальным гласным аффикса -аджах может появляться согласный р: ачылраджах д'уль едің К "ты была расцветающей розой".

Субстантивное употребление формы на -(й)аджах

С принятием показателей принадлежности урумский формообразующий аффикс подвергается фонетическим изменениям, как, напр., в 1-м л.ед.

ч.: -(й)аджагым, -(й)аджагым, -(й)аджаам, -(й)аджам, -(й)аджам и т.д. Армяно-кыпчакские записи таких изменений не фиксируют.

В субстантивных функциях притяжательные формы (1) более употребительны, чем непритяжательные (2), хотя семантически (действие в будущем с оттенками обязательности, долженствования) и функционально от них не отличаются. Притяжательная аффиксация, очевидно, дополнительно подчеркивает субстантивность. Примеры: 1) Бір даа бір ахча аладжамыз-вереджекиміз йох-тур ЧНБ У, 3677: 1, 10-11 "Больше никто из нас никому никаких денег не должен"; гибридная конструкция: Біль, шо хайтаджагым СЛ "Знай, что я вернусь"; 2) Шінді т'ельді хонушаджах йеджесі Б "Вот пришла ночь гулянья"; Турналар о доргуйа айл'анный отуруй-л'ар - хонаджара бензер т'ібік СЛХ: 18, 2-3 пр. "Журавли поворачивают прямо к нему - словно намерены сесть"; Хырсызын кетү хулуш хырсладжахта МГ "Вор больше всего боится, когда красть".

Атрибутивное употребление формы на -(й)аджах

Как атрибутивно-функциональная (причастная) форма на -(й)аджах выполняет функцию определения при словах, обозначающих субъект (1), объект (2), место (3), время (4) действия, изредка - функцию объектного определения при волеизъявительном существительном (5) и знаменательной части составного сказуемого - в сочетании с послелогом уподобления (6). При эллипсисе определяемого причастие функционально субстантивируется (7). Примеры: 1) Сенден д'еледжек файда аллахтан д'есін СГ "Польза, которая должна прийти от тебя, пусть придет от бога"; 2) Сатаджах шійім йох СЛ "Мне нечего продать"; 3) бір йастык, литургіада отураджах ЧНБ У, 3676: 1 об., 15 "одна подушка - стоять во время литургии"; 4) падышах хызын береджек заман выставить етій балконга СБ "царь, когда будет выдавать дочь, выставит ее на балкон"; 5) шіні джыйны башлайджах ізін олду СЛХ: 9 об., 3-4 пр. "вот дали разрешение начинать гулянье"; 6) Алмайджах т'ібік олсам, о вахта дуйурмайып хайтыр т'ітерім йене Алеп шейіріне СЛХ: 25 об., 4-5 "Если окажется, что не получу (свою невесту), тогда, не давая о себе зная, я вновь вернусь в Алеп"; 7) Адамын аладжары мал тапар, алмайджары нал тапар ЖМПр.: 36 "Везучий находит коня, невезучий - подкову".

Аналитическая форма намерения на -(й)аджах бол- (// ол-) имеет рефлекс со стяженной связкой: Харавул отрій, йі-бэрмеджек болій СБ "Стоит стража, старается не пропустить".

Будущее категорическое на -(й)аджах

Личные аффиксы: $-^0_m$ (в СМ также $-m_y$, $-m_i$); $-c(^0)(n/n)$; $-^0$; $-^0_m^0z$; $-c(^0)(n/n)(^0z)$; $-лар/-лер$ с узким негубным вокализмом или $-^0_m$; $-^0_n/-^0_n$; $-^0$; $-^0_x/-^0_k$ // $-^0_e$; $-^0_n^0z/-^0_n^0z$; $-лар/-лер$ с широким

и узким вокализмом первого слога аффикса и узким - второго. И здесь, как в парадигме настоящего-будущего времени, отмечается, таким образом, унификация аффиксального обозначения лица. Обычное явление - сокращение аффиксальной части.

Финитная форма на -(й)аджах передает будущее действие, которое мыслится как приуроченное к определенному, часто указанному лексически отрезку времени и совершенно реальное (1). Этой футуральной форме органически свойствен модальный оттенок категоричности - действие часто представляется не просто реальным в плане выполнения, но обязательным, непременным, неотвратимым (2). Особенно выразительно это видно при обозначении действия, не осуществленного из-за случайности или благодаря принятым мерам предосторожности (3). Индикативная категоричность с перенесением акцента из плоскости объективной реальности в сферу субъективной модальной оценки закономерно трансформируется в косвенномодальные значения долженствования (4), побуждения (5) и намерения (6). Долженствовательное показательно для авторских ремарок в пьесах (7) и вводных предложений в песнях (8). Значение намерения, очевидно, послужило основанием для применения формы на -(й)аджах с конъюнктивной семантикой в придаточных цели с соответствующим славянским подчинительным союзом (9). Обязательность, долженствование приобретают обратный смысл, когда форма на -(й)аджах обозначает действие, невозможное с точки зрения здравого смысла (10) или по внутреннему убеждению говорящего, что имеет место в афористических и восклицательных предложениях, при риторическом вопросе и под.(11). Примеры: 1) бунда да еледжеріз Ж "здесь и умрем"; 2) Ет'і кезу патлайджах! Г "Глаза бы ему ослепли!"; 3) Йене йахшы, бір йанна хачтым - усме тушеджеклер! У "Хорошо еще, что я отскочила в сторону - так бы и упали на меня!"; 4) Сабур етеджес. Сабур етмѐ т'ерек У "Ты должен терпеть. Терпеть надо"; 5) ве де Фома куну бурада булунуп йола чыкаджак-сыз ЦНБ У, 3664: 1,15-16 "и в день Фомы вы, собравшись здесь, отправитесь в путь"; 6) Бу, ерт'ен халхты - бір йере даа йолладжах буну ххазмете СГ "Встала она рано - еще куда-то хочет послать ее по делу"; 7) Ана (едіне ерет'есі, ішлейджек, Ғаріб орду да ічері т'іреджек) СЛХ: 3 об.15-16 "Мать (в руках кудель, будет прясть, а сын ее Ғариб должен входить в комнату)"; 8) Атлар т'елійлер хошудан, тері ахаджах саңиңдан СЛ "Приближаются скакуны - пот будет течь с их грибов"; 9) Мен есап кермеє стем сенне, шоп мен т'етеджегім шанымма Б "Я хочу с тобой рассчитаться, чтобы ехать к моей невесте"; 10) Ежек кудеджек, Ғаріп те сүйүнеджек! НМ "Осел засмеется, а бедняк возрадуется!"; 11) Хайда бараджам саңа ташлап шорбаджікні?! У "Куда я пойду, покинув хозяйство на тебя?!"; Селеджек! СГ "Скажет! (Жди)".

Форма утвердительной модальности образуется присоединением связки -тыр/-тір (1), пересказательная - при помощи связки ет'ен ВН - СГ или -мыш Ж,СК (2), а условная - посредством связки бо(л)са, о(л)са, есе, -са, -се (3), напр.: 1) Сен баххансы мені, значит, бабам оладжах-тыр-сын СЛ "Ты меня воспитал, значит, и отцом моим непременно должен быть ты"; 2) Чах еве т'етіреджек ет'ен! Сен тек емтет СГ "Он тебя до самого дома доведет! Надейся"; 3) Джанавар баласыны ашаджах оса, чамурча булгап ашай НҚД "Если волк вознамерится съесть своего детеныша, то в грязь испачкает, а потом съест".

Будущее в прошедшем (конъюнктив) на -(й)аджах еді имеет двоякое спряжение: аффиксы лица принимает либо связка еді, либо основа времени. Семантика формы - реальное намерение в прошлом (1) и ирреальное предположение (2), напр.: 1) Торғум домуз сойаджах еді. Бардың, сойдух домузну ВН "Внук мой хотел зарезать свинью. Пошли мы, зарезали свинью"; 2) Иа не ашатаджах едін? Ашатма да тапмаз едін не Б "А чем бы ты кормил? И покормить-то не нашел бы чем".

Слитное деепричастие на -а/-й

Данное деепричастие (Гаркавец 1985) в исследуемых языках оформляется аффиксами: куман. -а, -ә, -е, в одном случае -ы (ал торхам Иа-йлы түшер КК: 60 об.11 "мой алый шелк падает расстилаясь" - наречие?) после согласных; -й после гласных; арм.-кып. -а, -ә, -й; урум. -(й)а, -(й)е, -й, а иногда, преимущественно при редупликации, -ә, напр.: магра-магра йебёрсин СЛ "с ревом подохнешь"; mathimanyн оху вериніз бана ГХ: 63,13-14 "прочтите мне ваш урок".

Деепричастие на -а/-й вместе с формами настоящего времени на -(а)й, -Ой^ор, возможности на -а(л)(ма)- и долженствования на -асын-дыр/-асыз-дыр, вторичными деепричастиями на -йын, -(й)арах, -майлы, -майынча и др., наречными формами на -лей, -лейін, -дай, -дайын восходит к глагольному имени на -(й)а. В настоящее время, как и в армяно-кыпчакском, а отчасти уже и в куманском языке, деепричастие на -а/-й урумских говоров принадлежит к числу малопродуктивных, малоупотребительных форм, хотя в живой речи и особенно в песенном урумском фольклоре оно обнаруживается во всех исторически свойственных ему функциях. Тенденции фонетического, морфологического, семантического и функционального развития деепричастия на -а/-й в исследуемых языках в принципе совпадают. Основная из них - углубление специализации, сужение объема функций и превращение в средство формирования наречий и отнаречных служебных слов. Отличие между языками и говорами состоит в неравномерности данного процесса: в кыпчакских урумских го-

ворах и армяно-кыпчакском языке сравнительно с огузскими урумскими говорами, песенной и литературной урумской речью, претерпевшими сильное огузское влияние, падение данного деепричастия происходило гораздо интенсивнее. Фактором, способствовавшим этому падению, на предыдущих этапах было активное развитие присоединительного деепричастия на -^оп, вторичного отрицательного деепричастия на -мійін, а также обстоятельственных глагольно-именных форм. В период контактов со славянскими языками функциональному ограничению деепричастия на -а/ -й способствует развитие инфинитива и союзного сложного предложения, а в простом - также тенденция к полному оформлению сказуемого включенного предложения.

Деепричастие одновременного действия на -(й)арах огузских и огузско-кыпчакских урумских говоров выполняет функцию зависимого сказуемого, напр.: Сіз башлайарах түркі сөлемей, епсі де індемей діннейлер Ж "Когда вы начинаете петь, все слушают молча"; Мен т'ітерек мēm атым басан йеріне тобух есуп чыхар СЛ "Когда я буду ехать, на местах, где будет ступать мой конь, будут появляться кошки".

Отрицательное деепричастие на -майлы кыпчакских урумских говоров выполняет функцию обстоятельства образа действия: Авзу - бахла хазан: тохтамайлы айты да айты НМ "У него не рот, а котел с фасолью; говорит и говорит без остановки".

Долженствовательная форма на -асы-дыр/ -асыз-дыр зафиксирована только для слова тій- "подходить, годиться, надлежать" и лишь в кыпчакском переводе армянского судебника: тійәсі-дир емдідән сонра бі-тік біле йәпсүнмәге "отныне надлежит пользоваться письменным (судебником)"; тійәсіз-дир крисданларга йалган іш үчүн бармага өзгә милләт-һиң терәсіне йенмәге кәнүлүкнү "не годится христианину обращаться в суд другой нации, чтобы ради неправого дела одолеть истину" Вроц. 1916: 163,4-7; 191,13-16.

Деепричастие на -йын армяно-кыпчакских памятников преимущественно имеет палатальный формант с редуцируемым гласным, а в случае отрицательной основы - с редуцируемым й: әскілійн "по-старому", үндәмійін "не будучи призван", болмійін "не будучи (способен)" Акт.КП 20: 99, 24; 1 об.,5; 171 об.,36.

Позитивная форма входит в состав сравнительно-уподобительных адвербиальных форм на -лійін, показательных и для куманского языка: сыздың йавлейін КК: 70 об.,10 "ты растаяла маслом"; Татулну ельчілі-йін йебермійір Акт.КП 12: 177 об.,31 "Татула в качестве посла к ней не отправляла". Отрицательная форма, в отличие от позитивной, в куманском и армяно-кыпчакском языках используется активно и является отрицательным эквивалентом присоединительного деепричастия на -^оп.

Присоединительное деепричастие на -^оп

В куманском и армяно-кыпчакском языках деепричастие на -^оп выступает только в позитивной форме, имея своим отрицательным эквивалентом деепричастие на -майын // -мійін. В урумских говорах активно используется в обоих аспектах, в связи с чем, вероятно, было утрачено деепричастие на -йін.

Формообразующий аффикс: -^оп (-ып, -іп, -үп, -ұп, -п); после аффикса отрицания -йып, -йіп; последние в песенной и письменной речи иногда сохраняются и после позитивных основ на гласный (сусайып // сусап "захотев пить"; йейіп тойдуктан сора ЦНБ У, 3684: 2, 7-8 "наевшись до отвала"); возможно озвончение тематического согласного: алыб барды Б "понес", соруб д'ітіі СГ "идет, расспрашивая"; в СК отмечается ассимилятивное изменение отрицательного форманта: сормайып // сормаап "не спросив, не спрашивая".

Функции в урумском языке: зависимое (присоединенное) сказуемое (1), слитное сказуемое (2), компонент перифрастического оборота (3), обстоятельство времени (4), образа действия (5), причины (6), цели (7), условия (8), уступки (9), знаменательная часть модального (10) и фазисного (11) оборота, напр.: 1) Көзү көрүп ділі тариф ейледі ГПАГ: 36 об., 12 "Глаза его видели, язык рассказал"; 2) Анд'і де ойнамаа бильмей, скаме сутне ойнай, олтуруп халхай Г "Кто же не умеет танцевать, пританцовывает, сидя на скамье"; 3) Йүрегім йанып т'ітер ЧЗ "сердце мое сгорает"; 4) Зарені джыйып алыл'ар үйлерчине П "Когда зерно соберут, то забирают в дома"; 5) Чомасам гөзлерін йуммаап атласан, бишіі олмас СК "Даже если бы ты прыгал, не зажмурив глаза, все равно бы ничего не получилось"; 6) пірее өкеленіп йорганы аташе атма СГ "разозлившись на блоху, одеяло в огонь не бросай"; 7) турку йазып д'езіі МГ "он ездит записывает песни"; 8) йа бен ағлемейіп д'імнер ағлесін? Г, СЛ "если я не оплачу, то кто оплатит?"; 9) сува көтрүп сувсуз т'етіріі СГ "поведа за водой, приведет без воды"; 10) Аону тапып стес даа, о Алёшну? У "Ты хочешь его найти, этого Алексея?"; 11) ашап бітірей ер бір шіні СМ "он проел все".

Тенденция к избеганию деформации сказуемого включенного предложения и его полному оформлению развивалась в исследуемых языках в рамках славянской аналогии, и потому функциональность присоединительного деепричастия здесь все больше ограничивается набором употреблений славянского деепричастия прошедшего и отчасти настоящего времени. Как результат возникают употребления, первично не свойственные этой форме. Одним из них является сочетание с условной связкой - функция обстоятельства уступки: О да бильд'ен оса беле есабы, сүрекленіп те оса т'елір еді Г "Если бы он знал об этом, то добрался бы

хоть ползком". Среди других черт деепричастия на $^{-0}\text{п}$ конвергентного периода следует отметить прежде всего утрату способности сочетаться с отдельным подлежащим и с модальными и фазисными глаголами в составе конструкций, показанных выше, а также в перифрастических оборотах, исконно компенсировавших отсутствие в тюркских языках категории вида.

Прошедшее результативное на $^{-0}\text{п}(-\text{т}^0\text{р})$, свойственное куманскому и армяно-кыпчакскому языкам, а также степным диалектам крымскотатарского языка [Изидинова 1982: 11], в исследуемых языках выступает преимущественно в позитивном аспекте. Отрицательная форма отмечена в куманских записях: Аве сен, кыз, кім джаныны алмайып-сен болмачы КК: 70,3 "Привет, дева, которая не напрасно получила душу". Личные аффиксы: -мен; -сен; -т⁰р; -біз; -сіз; -лар/-лер/-лер.

Для решения вопроса происхождения данной формы и объяснения семантики существенное значение имеют куманские данные, согласно которым присоединительное деепричастие на $^{-0}\text{п}$, сочетаясь со спрягаемой связкой тур-и ее сокращенным аористным вариантом -т⁰р, образовывала различные аналитические формы: давнопрошедшее результативное на $^{-0}\text{п}$ турды (1), аналитическое причастие на $^{-0}\text{п}$ турган (2), повелительное наклонение на $^{-0}\text{п}$ турыл (3), обстоятельную форму на $^{-0}\text{п}$ турганда (4), прошедшее результативное на $^{-0}\text{п}$ турур / $^{-0}\text{п}-\text{т}^0\text{р}$ (5; 7), прошедшее результативное длительное на $^{-0}\text{п}$ туруп-тыр (6), что имеет аналогию и в других родственных языках [Гаджихмедов 1981 и др.]. Показательно, что сокращенная связка в куманском прошедшем результативном хотя и продолжала употребляться даже в 1-м и 2-м лицах (5), однако встречается уже и бессвязочное оформление (7). Примеры: 1) олтуруп турдын КК: 70 об., 18 "ты села"; 2) бізні чыгарып турган өлүмнің кабакындан КК: 69, 17 "проводящая нас чрез врата смерти"; 3) тутуп турыл КК: 24 об., 21 "держи"; 4) кім татлы ошпаз езіз керип турганда етлі сірке ічірділер КК: 72, 9-10 "которая стояла и смотрела, когда ее сладчайшему сыну давали пить уксус с желчью"; 5) Кекте арынмыш атанын онында олтуруп турур КК: 74 об., 10-11 "Вознесясь на небо, он сел одесную отца"; енер-мен вел еніп-тір-мен КК: 57 об., 34-35 л. "я сгибаюсь или согнулся"; 6) куйүп туруп-тыр-мен өлүлернің қопмакыңдан дағи мену тірілікіні КК: 74 об., 18-19 "я ожидаю воскресения мертвых и вечной жизни"; 7) кім бізге урух тузруп-сен азыхра КК: 69 об., 1 "которая родила зерно нам на пропитание". В приведенных примерах форма на $^{-0}\text{п}$ турур / $^{-0}\text{п}(-\text{т}^0\text{р})$ имеет перфектное значение и выражает длительное действие, завершнное в прошлом, известное и актуальное по своему результату или известное по косвенным свидетельствам, из чужих слов и т.п. В армяно-кыпчакском языке, где эта форма в значи-

тельной степени морфологизировалась, она передаст аналогичную семантику: болман мен алтун инджини хоймага зере кетерип-мен Акт.КП 12: 215,26-27 "я не могу представить (в суд) драгоценности, так как я их истратил"; надикэ бу огланни суруп-сен Акт.КП 8: 88 об.,37 "теперь ты этого мальчика, оказывается, прогнал".

При образовании формы условной модальности формант -^ор в 3-м л. опускается; приведем пример синтаксического употребления - в косвенно-вопросительном предложении: сордум сынарымдан ол бир тенк Ангурйа мухайірі, егер андан ми хардашлар сатун алып есе Льв.177: 229,3-4 "я спросил у моей жены о той одной штуке ангорского мухояра, у нее ли купили братья".

Давнопрошедшее результативное на -^оп еді (// едір) наряду со значением давнопрошедшего времени (1) может употребляться и как плюсквамперфект - в последнем случае решающую роль выполняют контекст и терминативные союзы (2), напр.: 1) хайсі кі 300 йылдан бері артых ексик неча кі Каменец шһерінде ерменілік тохталып едір һануз орнаг 'айсмавурк йох едір Лен.2: 605 об.,21-26 пр. "уже около 300 лет, как армяне поселились в Каменце, но (за все это время) не было оригинального жития святых"; 2) алайже нїм кі терэ олтуруп едір, йана ол же возний приволат етті терэ алнына ... а йахно турмады Акт.КП 17: 6 об.,35-39 "точно так же, раньше чем суд начал заседание, тот же приказчик снова вызывал его в суд ... но Яхно не явился". Форму условной модальности приводим в частноуступительном значении - при синтаксическом оформлении придаточного изъяснительного: і йовшем не кім бар едір де халып еді есе ... Вартерес кийевум алдырды холумдан Акт.КП 40: 11 об.,29-30 "и вообще все, что только было и что только оставалось, у меня отобрал мой зять Вартерес".

Терминативные деепричастия на -рач и -гачох

Формообразующий аффикс: куман. -рач, -гэч; арм.-кып. -гачох, -гечох, -качох, -кечох; урум. -т'еч в составе деепричастной связи ет'еч. Воспроизведение армяно-кыпчакского аффикса как -гай чох (кельгай чох ДД: 154 вместо кельгачох "как только придет") при субстанциальном прочтении армянской буквы իյոյ, которая в конце открытого слога часто имеет нулевое значение, тюркологических оснований не имеет.

Куманская форма на -рач употреблялась с темпоральным значением предшествующего действия (1), свойственным и армяно-кыпчакскому деепричастию на -гачох (2). Кроме того, куманская связка егэч засвидетельствована также с модальными значениями - уступительным (3) и причины (4). Последнее свойственно и урумской связке (см. стр.116). На-

пример: 1) Сонра келіп йынанмаганлар егглі тамухка тушургіргеч йынан-
ганлар алгач мену учмакнын тынчына йана кайтрай КК:80,5-7 "Затем он
придет и, заставив (ангелов) сбрасывать неверных в геену огненную и
забрав верных с собой, опять вернется в вечный райский покой"; 2) ол
кельгечох Стымболга горонцын інстанціа етіп бізні Льв.863: 7,6 "как
только мы прибыли в Стамбул, он обратился к нам с неостложной прось-
бой"; 3) Кену егеч оглың өлді КК: 71 об., 7 "Будучи праведным, твой
сын умер"; 4) эч йамансыз егеч не кыйнар-сен эч йазыксыз егеч ез на-
зік бойуңны? КК: 75,3-4 "будучи совершенно лишенным зла и греха, за-
чем ты мучишь свое нежное тело?" .

Глагольное имя (инфинитив) на -ма(ға)

Глагольное имя на -ма в исследуемых языках под воздействием ино-
язычного влияния утратило функциональный синкретизм и в двух своих
формах - исходной (-ма) и дательного падежа (-маға/-майа) - преврати-
лось в инфинитив, оставив в каждом из языков субстантивные и адъек-
тивные лексемы с аффиксом -ма, косвенно свидетельствующие о пределах
его бывшего синкретизма.

Процесс превращения формы на -ма(ға) в инфинитив проходил не
одинаково интенсивно, что обусловлено различной мерой иноязычного
влияния на исследуемые языки. В куманском языке имеем дело с появле-
нием этой тенденции. В армяно-кыпчакском инфинитив - форма устоявшая-
ся [Гаркавец 1979: 38-44]. Сопоставление материала урумских говоров
привело к выводу, что в большинстве из них эта форма уже приобрела
инфинитивную морфологическую сущность, тогда как в СЛ и СГ она все
еще продолжает оставаться изменяемой субстантивно-функциональной фор-
мой глагола, а в К, где вообще-то она утратила изменяемость, посте-
пенно тоже превращается в инфинитив [Гаркавец 1981 в 7]. Примеры старо-
письменных субстантивного (1) и атрибутивного (2) употреблений: 1) егер кі бу ікі ділі егренірселер окумасыны, йазмасыны ве лакрыды ет-
месіні ЦНБ У,3642: 2 об. 13-15 "если они научатся читать, писать и
разговаривать на этих двух языках"; 2) бенім дердім касеветтен гель-
ме-дір ЦНБ У,3690: 1,15 "моя печаль от несчастья".

Обстоятельственная форма на -мадан. В СЛ и СГ образование на
-мадан еще осознается как форма исходного падежа. В других говорах,
где форма на -ма субстантивных словоизменительных аффиксов не прини-
мает, элемент -дан в ней уже не вычленяется, и сложно-неразложимый
аффикс -мадан воспринимается как целостный деепричастный формант,
указывающий, что действие, обозначаемое деепричастием, следует после
основного (основное завершается до его начала). Активностью использо-
вания не отличается. Более характерна для говоров Ж, СК (1), литера-

турных (2) и фольклорных (3) произведений: 1) Ну, сен бір азджых та абу азбара д'ірмеден, ебур азбара д'ірсен, йаваш-йаваш дорру т'іт Ж "Ну, не заходя в этот (соседний) двор, как войдешь в следующий, иди дальше прямо и прямо"; 2) Булар лафлар бітірмеден худалары д'ельді СЛХ: 18,11-12 пр. "Пока они еще не окончили говорить, пришла их сватья"; 3) Кепчек сымадан араба хапахланмаган НМ "Пока колесо не поломалось, араба не перевернулась"; Он беш йашна сар бені гүль чырайым солмадан Г "Полюби меня в пятнадцать лет, пока мое румяное личико не увяло".

Обстоятельственная форма на -маджа(з), -медже(з) включает сравнительно-терминативный аффикс -джа/-дже и фонетический рефлекс аффикса принадлежности 3-го л. -сы/-сі. Как терминативная данная форма известна огузским говорам (1-2), а как сравнительная - и кыпчакско-огузским (3). Терминативное значение - действия, до окончания которого должно совершиться основное (1), а в огузских песнях - сразу после которого происходит основное (2). Сравнительное - образа действия (3). Производное - причины (4). Примеры: 1) Кіно бахмаджа(з) айтыр еділер масаллар СЛ "Пока не смотрели кино, рассказывали сказки"; 2) Бір татары тутмаджез йолум ачылды НД "Как только я поймал одного тартина, мне пришлось уехать"; 3) Чеврй тохтамамаджа Б "Крутится безостановочно"; 4) О хартлары мен да білмйім, а шітмедже біліім. Шітмедже біліім о туркулери Ж "Тех стариков я тоже не знаю, а знаю, поскольку слышала. Поскольку слышала, я знаю те песни".

Долженствовательное наклонение на -малы, которое изредка (как следствие огузской интерференции) встречается в армяно-кыпчакских текстах и отдельных урумских песнях, отражено и в парадигматическом разделе итальянской части куманского кодекса. Личные показатели: -мен; -сен; -дыр/-дир (урумская форма отмечена лишь в 3-м л. - без связи); -біз; -сіз; -дирлар/-дирлер. В отрицательном аспекте применяется частица-связка дугуль (1). Сочетание основы на -малы со спрягаемыми связками е-, бол- "быть, стать" в прошедшем категорическом времени индикатива дает прошедшее время долженствовательного наклонения (2), а со связкой бол- в желательном (3) и условном (4) наклонениях - формы будущего времени желательно-долженствовательного наклонения (форма намерения) и условной модальности долженствовательного наклонения (с оттенком намерения) соответственно. Примеры: 1) мен од евге бармалі дугуль-мен Акт.КП 8: 222 об.,24 "я не обязана идти в тот дом"; 2) бермелу болдум КК: 10 об.,15 "я должен был дать"; егер кі артых чыхса еді анар хайтармалы едіх Акт.КП 8: 98,7-8 "если бы вышло больше, то мы должны были им вернуть"; хачан кетмелы болды пан Кріштоф Каменецк Йсберді акторга йалчисін Акт.КП 26: 8 об.,13-14 "когда

нан Криштоф должен был (намеревался) ехать в Каменец, то послал кисту своего слугу"; 3) ні мен йаздырміїр-мен кі бермелі болгай-мен ловла 2 цантнар халай Акт.КП 8: 215,43 "ни я не давал расписки, что якобы буду должен дать во Львове 2 центнера олова"; 4) кетмелі болсам Каменецкэ аллр-мен Акт.КП 26: 8 об.,12 "если я буду ехать в Каменец, то возьму". В одном урумском песенном тексте встречается форма на -малы в сочетании с орудийно-совместным послелогом: булунмаз да д'езмеліЙлен СІХ: 31,12 "не будет найден, даже если будут вынуждены обойти (весь мир)". Очевидно, это образование - результат контаминации с аналогичной формой имени на -ма: арамызда аз-бучух нізамыз олмайлан ... барыштых ШІБ У,3678: 1,2-3 "поскольку между нами был небольшой спор ... мы помирились".

Отглагольное существительное на -малых малопродуктивно. Куманский пример абстрактного названия действия: Анын учун севунуп тезме керек: ол тезмелух бу джеһанда кысха-дур КК: 62,35-36 "Поэтому следует страдать с утешением: это страдание на этом свете кратковременно". В урумском говоре СБ от И.С.Ангелиной, 1888 года рождения, уроженки Старогнатовки, эта форма записана со значением "достаточный для", типичным для существительных на -лых: Ну, бізім бір пара шорбаджылых бар еді, ейленмелік "Ну, было у нас небольшое хозяйство, что бы как-нибудь прокрутиться".

Глагольный интенсив на -мала- в исследуемых языках ничем своеобразным, по сравнению с другими языками, не отличается: тумала- КК: 62 об.,16 "закладывать в носу"; тырмала-ДГ: 78 "царапать"; селемелеш- "сплетничать", шаммала- "растеряться" ВН - СК.

Глагольное имя на -мах

В куманском и армяно-кыпчакском языках глагольное имя на -мах, которое в предикативном употреблении превратилось в отдельную форму долженствовательного наклонения, представлено и как глагольно-именное название действия, процесса, состояния, о чем говорит и автор латинских заметок по куманской грамматике: "Заметь, что выражение -мах, присоединяемое к глаголу во втором лице единственного числа повелительного наклонения, образует деривативное существительное. Существительное же, которое я называю деривативным, происходит от глагола точно так же, как comestio "поедание" от comedendo "едение", bibitio "питие" от bibendo "выпивание", oratio "речь" от orando "говорение". Например: олтур - "сядь", а олтурмак - "сидение", тур - "стой, остановись" или "встань", а турмак - "стояние, останавливание" или "вставание" и тому подобное" КК: 64,27-31. В субстантивном употреблении глагольное имя на -мах, образуемое преимущественно от

позитивной глагольной основы, способно принимать субстантивные аффиксы принадлежности, числа, падежа и сочетаться с послелогами и служебными именами. Обозначает действие, процесс, состояние безотносительно ко времени и мере их проявления - как явление самодовлеющее, соотносительное на данном уровне абстракции с предметом. Благодаря этому в словарных частях куманского кодекса форма на -мах регулярно соотносится с латинскими отглагольными существительными, а в армяно-кыпчакских словарях - со склоняемой именной формой армянского глагола на -д, которую выделяют как инфинитив, но главным образом - с отглагольными существительными: байасац'ут'іун = кетурмах сөз йа кетермах сөзү йа кері айтмах "спор, отрицание", эрайут'іун = сезмах "чувствование" Мат.3522: 238,7-9,25. Это значение подтверждается и текстами.

Атрибутивное употребление глагольного имени на -мах наблюдается в изафете I (1) и в позиции предикативного определения (2), а исторически также в долженствовательном наклонении (см. ниже), где с морфологизацией аналитической конструкции функция предикативного определения переросла в собственно предикативную. Например: сармах сепет Вен.311: 162,11 "подойник"; алай бу борч телемах сбагм учун заховат етійір-мен теремні біргесіне етмеге Акт.КП 12: 169 об.,17-18 "так я сохраняю за собой право судиться с ним относительно моих денег на уплату этого долга"; 2) Қочқар музі қойурмақ, қойурмақдан қойурмақ КК: 60,17 "Роги у барана покрученные, круто покрученные".

Производные образования: обстоятельственная терминативно-сравнительная форма на -махча(з) (1), абстрактное название действия на -махлых (2), имя деятеля на -макчы (3), привативная субстантивная форма на -махсыз (4), абстрактное существительное на -махсылых (5) и интенсив на -махла-(6), напр.: 1) Бен сана десем, демекче(з) хашдеріні чезерсі(н) СБ "Не успею я тебе сказать, как ты уже согласна"; керкече еркече СВЧ "точь-в-точь"; 2) алай бізні іліңдірді сөмеклігінің тузағы КК: 69 об.,5 "вот так пленили нас и сети его любви"; тоймахлыхка тоймах йох К "в сытости сытости не бывает"; 3) әпкелемекчі болмағыл КК: 66 об.,13 л. "не гневайся"; 4) тохталмахсыз йуруй БК "ходит безостановочно"; 5) керелмахсылых Вен.3: 46 об.,1 "ненависть"; тохталмахсылых БК "непрерывность, непрестанность"; 6) хачан айағын салмахлай ет'і тосат! СМ "Как махнет ногами дважды!".

Долженствовательное наклонение на -мах. Процесс становления армяно-кыпчакской долженствовательной формы на -мах базируется на устойчивом опущении связки настоящего-будущего времени турур/-т^{ор} и в сущности представляет собой один из частных случаев морфологизации предикативно-функциональных глагольных форм в этом времени. Некоторые звенья этого процесса, не засвидетельствованные армяно-кыпчак-

скими памятниками, восстанавливаются благодаря их фиксации более ранними куманскими записями. Материал урумских говоров, где должностная форма встречается только в отдельных песнях и только в 3-м л. ед. ч., дополнительных сведений по этому поводу не дает. Известная степным крымскотатарским говорам форма намерения на -макшы /Изидинова 1982: 127, аналогичная казахской на -мак(шы) /Ысқақов 1974: 315/, и в семантическом, и в структурном плане от описываемой формы отличается.

Куманское имя действия на -мак/-мах с данным модальным значением выступало в аналитических конструкциях трех типов: 1) Аңар ата овул біле менүдеш теңрі деп әуінчлі табунмакмыз керек-турур КК: 74 об., 14-15 "Ему (святому духу) мы должны поклоняться как богу, вечно-единому с отцом и сыном"; 2) Анын үчүн ... бізге сарынамак керек Кріс-тоснуң кыяларын дағын өлүмүн КК: 63 об., 1-2 "Поэтому сегодня и в продолжение этого месяца нам следует размышлять о муках и смерти Христа"; 3) Йене һайбат біле кельмек-турур тірілерні өлүлерні йаргулама КК: 74 об., 11-12 "И снова в славе (своей) он должен прийти судить живых и мертвых". В конструкциях (1-2) имя действия на -мах выполняло роль подлежащего, причем субъект обозначаемого им действия выражался аффиксом принадлежности самого глагольного имени (1) либо дательным падежом субъектного дополнения (2). В (3) форма на -мах выступает как предикативное определение (знаменательная часть сказуемого), и, очевидно, именно эта конструкция лежит в основе армяно-кыпчакского должноствовательного наклонения на -мах, употреблявшегося со связкой в прошедшем времени (4) и в 3-м л. настоящего-будущего времени (5). В урумском тексте связка отсутствует и в 3-м л. настоящего-будущего времени (6). Например: 4) ол борчну хайсін кі борчлу-мен йакубга Охас оглуна да теләмах едім бу ашкан си Онксентге Акт. КИ 14: 14, 17-18 "тот долг, который я должен Якубу, сыну Охаса, и который я должен был уплатить на минувший день св. Аксентия"; кептән теләмах едір да теләмеді Акт. КИ 14: 174 об., 29-30 "он должен был уплатить давно и не уплатил"; 5) бар борчум Киркорга Вартерес оглуна 8 фліу 12 сөг бу йер санову да теләмах-мен Йазловца йармаркина Акт. КИ 17: 1, 19-21 "у меня есть долг Киркору, сыну Вартереса, в 8 флоринов 12 грошей местного расчета, и я должен уплатить на Язловецкую ярмарку"; кеңіләрі дә турмах-тырлар кектегі йаруучунуң алиһна йаруга Вроц. 1916: 163, 10-13 "они сами должны будут предстать пред судом небесного судьи" // бол-сарлар кектегі йаруучунуң алиһна турмага (там же, 20-21) "они должны будут предстать пред небесным судьей"; 6) Керчин фронту айдарамак, Керчин фронту хилдарамак К "Должны погнать на Керченский фронт, зимовать на Керченском фронте". В армяно-кыпчакских текстах параллельно фик-

сируется и известная по куманским записям конструкция с синкретичным должностовательным именем керек, которая имела здесь определенноличную (7) и неопределенноличную (8) синтаксические разновидности: 7) А так тэзмек керек-сен Акт.КП 8: 166 об., 8 "Итак, ты должен подождать"; роздз'ал болмах керек бегунден 2 нафтада Акт.КП 11: 203 об., 28-29 "раздел должен состояться через две недели"; 8) З хэыл фліу біле 10 карал хайтармах керек Акт.КП 15: 305, 19-20 "следует вернуть 10 королевских (?) и 3 червонных флорина"; бурун кайгырмах керек керті кен-уль біле кенсі йазухун учун, екінчі - тілің біле айтмага КК: 63, 8-9 "прежде следует искренним сердцем прочувствовать свои (твои) грехи, а потом самому исповедать их".

Глагольное имя на -дых

Форма на -дых, широко используемая в собственно огузских говорах Ж и СК, лишь в виде случайных словоформ представлена в куманских и армяно-кыпчакских текстах. В куманском это форма местного падежа непритяжательной парадигмы (1), а в армяно-кыпчакском - отглагольное существительное (2), отдельные словоизменительные образования (3) и адвербиальная производная форма с привативным аффиксом (4), а именно: 1) дунья болмадыкта сені танлап-тыр қонушра КК: 70, 21 "когда еще не было вселенной, он избрал тебя обителью"; 2) кечтіх Вен.3:10, 26 л. "проход"; 3) айтып кі йүк йазылып едім ув'едз'оний сөвдүку блә при-родзоний огулларым учун на ім'е йурко да Аксент учун Акт.КП 26: 120 об., 39-40 "говоря, что я по слепой своей любви записалась поручи-тельницей за моих родных сыновей по имени Юрко и Аксент"; 4) хазах есе туйдухсуз урду устлеріне Венец.1700: 135, 22 "а казаки неожиданно напали на них". Формы (1; 3; 4) имеют вид регулярных и появились, вероятно, вследствие огузского грамматического влияния.

В урумском языке форма на -дых активно используется огузскими говорами Ж, СК и менее широко огузско-кыпчакскими СГ, К, СЛ, Г, где она не выдерживает конкуренции с кыпчакским глагольным именем на -ған. В разговорной речи кыпчакско-огузских говоров, а тем более кыпчакско-половецких, форма на -дых не отмечена и известна здесь только по песенным текстам. Формообразующий аффикс имеет варианты: -дых, -дік, -дух, -дук, -тых, -тік, -тух, -тук. Присоединяется преимущественно к глагольным основам, не осложненным аффиксами косвенных залогов, отрицания и возможности. Словоформы на -дых продолжают принимать аффиксы принадлежности, числа, падежей, сравнения, изредка уменьшительности, сочетаться с послелогоми и служебными именами.

Урумское глагольное имя на -дых имеет значения имени действия (состояния), а также его результата, объекта, а иногда и места дей-

ствия. Первое из них исходное. Другие возникли в результате эллипсиса определяемого - благодаря отождествлению действия с его результатом, объектом, местом.

Неопределенный падеж притяжательной парадигмы как название действия выступает в функциях подлежащего (1), прямого (2) и косвенного (3) дополнения и определения (4-11). Как процессуальное определение при названиях состояния (4; 7), объекта действия (5; 8; 10), места (6; 9) и времени (11) глагольное имя на -дых вступает с ними в изафетную связь. Направление изафетного подчинения обычно обратное: синтаксическим определяемым является форма на -дых с притяжательным аффиксом 3-го л., тогда как логически определяемое ею существительное в роли синтаксического определяемого входит в другое (рамочное) изафетное сочетание (4-6) или - при обращении - употребляется синтаксически не связано (7). Реже применяется прямой порядок атрибутивного подчинения: форма на -дых с аффиксом принадлежности того лица, в котором выступает субъект обозначенного ею действия, образует с названием этого субъекта изафет III и одновременно в роли примыкающего определения, теперь уже с определяемым существительным, которому она предшествует, образует изафет I (8; 9) или изафет II (10; 11). Примеры: 1) Бенім бунда д'ельдігім бір хыз учун СГ "Я пришел сюда из-за одной девушки"; 2) Уйан-уйан сен, йарем, йар олдуумуз білейік Б,К,Дн. "Проснись, проснись, моя милая, узнаем друг друга в любви"; 3) Сізе көрдүгүм чох севінірім ГХ: 70,5 "Я очень рад Вас видеть"; 4) Йутхуздум олдуру парамы СЛХ: 4 об.,1 "Я проиграл все бывшие у меня деньги"; 5) Айттыры дафың йүрегімі йапай СЛ "Сказанные тобой слова успокоили меня"; 6) хондуру евімі, ағалар, йыхып та т'ітерім ГК: 1 об.,16-17 "Я, уважаемые, уничтожу мою обитель и уйду"; 7) Башыма дендүгү гүль йүзлү оджа Г,СЛ "Исноликкий господин, пришедший ко мне"; 8) Аллахын йараттыры махлуклар ПП: 33,14 "Божьи создания (твари)"; 9) Көрдүгүм йерлере, чөлйлере ерарым бен сені ВНЕ: 2 об.,7-8 "Во всех краях, которые я видел, я ищу тебя"; 10) біз гүзель білійік масаллар сөледігін түркүлері, сөледігін йері СК "мы хорошо знаем песни рассказываемых сказок, места из рассказываемых сказок"; 11) О йанна т'іттігін т'ереті сар тарафта СК "Как будешь идти туда, то с правой стороны".

Как название результата, объекта, места действия форма на -дых в функции подлежащего применяется в основном при выражении суждений тождества (1), изредка - суждений наличия (2) и атрибутивных (3). В последних преобладают, однако, словоформы, склонные к субстантивации (4) и способные выступать также в роли обращения (5) и главного члена номинативного предложения (6), напр.: 1) Хамушлуктан д'ечамам - міндігім етек ВП "Через заросли камыша мне не перебраться - еду я на

осле"; 2) Бізім дедігім/із/ олмаса, хызымызын дейені олсун СЛХ: 13 об., 10-20 "Если не получается по-нашему, пусть будет так, как сказала наша дочь"; 3) ічтігім сінсін, севдігім сенсін Г "мое питье пусть впитается, моя любовь - ты"; 4) Абу йара (// йана) т'ітті сенің севдігің, сардығың СГ "Вот в эту сторону пошлатоя милая"; 5) Не-дір бу гузельлік сенде, севдігім, сардырым? СГ "Что же такое эта твоя красота, милая моя?"; 6) Диван дедіклері мі? Діз чөкүп абеле йалварій ім онда, напай? СК "Название "диван"? Это - когда, став на колени, умоляет что ли".

Дательный падеж глагольного имени на -дың имеет обычные для этого падежа косвеннодополнительные значения объекта мышления, речи, почитания, уважения, переживания (1) и предмета признательности, компенсации, предназначения (2), адресата (3), напр.: 1) Сен йандын уйа-тамадығына, о да йансын уйанмағанына СЛХ: 12 об., 5-6 "Ты переживала, что не смогла его разбудить, а он пусть переживает, что не смог проснуться"; 2) Базір д'ан-аға, абер т'етірдігінізе Сізе бір түрку селе-йім СК "Уважаемый купец, за то, что Вы принесли мне весть, спокю я Вам одну песню"; 3) стемедігіме верселер СК "если отдадут меня за нелюбимого".

Форма винительного падежа глагольного имени на -дың выполняет функцию прямого дополнения (1), иногда сочетаясь с изъяснительным союзом (2), напр.: 1) чыхай бахайл'ар онун олдуғларыны НЛ "выходят, смотрят, кто они такие"; 2) дуйарсыңыз кі орах йахын олдуғу ЦНБ Д.А., 27 л.: 25, 13-14 "узнаете, что близко страда"; Башындат'і бурумчаны бырахырсын йүзүне - о вахты білір т'і бізім т'ельдігімізі СЛХ: 12 об., 4-5 "муслиновое покрывало, которое у тебя на голове, брось ему налицо - вот он и узнает (проснувшись), что мы приходили".

Местный (кажется, только неприятный) падеж глагольного имени на -дың передает обстоятельственновременное значение действия, на период протекания которого приходится основное: Хары малы - тохмах: ічері д'ірдікте да башма урулур, чхары чыхтыхта да ЖМПр.: 8 "Богатство жены - валец: в дом входишь, из дома выходишь - все по (моей) голове стучит". Значение предшествующего действия передает форма исходного падежа (тоже отмечены лишь неприятные употребления) имени на -дың в сочетании с послелогом сора: Ал бу біз отуран евден сет'із ев т'ечтіктен сора тохузунду ев бенім евім-дир СЛХ: 8 об., 1-3 "Начиная от этого дома, где мы сидим, как пройдешь восемь домов, девятый дом мой".

В сочетании с аффиксоидами -чун (1), -нен (2) послеложного происхождения и послелогом т'ібік (3) форма на -дың передает косвеннодополнительное значение лица, ради которого выполняется действие (1),

обстоятельственные значения предшествующего во времени события (2) и сравнения (3). Притяжательная форма дательного падежа в сочетании с послелогом кере выражает косвеннодополнительное значение соответствия (4). Примеры: 1) Бу севдигімчүн, бу өзүмчүн СГ "Это - за мою любимую, это - за меня"; 2) аман о кечтүкнен айырды, брахты бізі НЛ "как только двинулись, он отделил и бросил нас"; Бір адым атладынен чечинишн көрүнүр НКД "По первому твоему шагу видно всю твою жизнь"; 3) О мөм сөледигім д'ибик о ер гуну туркуйден СК "Как я сказала, он каждый день с песней"; 4) азретдерініз сордугыңызга кере сізге ре бильдиріп ЦНБ У,3667: 1,36 - 38 л. "в соответствии с запросом Вашего святейшества, я Вам сообщаю".

Сравнительно-терминативная форма на -дыхча(с) отмечена в песенном урумском фольклоре и литературных текстах параллельно с разговорными формами на -ранча(с) // -индже(с) и под. Зафиксированные словоформы образованы от непроизводных глагольных основ и применяются как обстоятельственновременные - с терминативными значениями предшествующего (1) или последующего (2) действия. Первое значение, собственно огузское, как и сама данная форма, обычно трансформируется во второе под семантическим влиянием кыпчакских сравнительно-терминативных форм, возникших на иной морфологической базе. Вторичные обстоятельственные значения - условия (3) и причины (4). Например: 1) Алем ата міндік-чез уду йол беклер Г, ВН "Сев на коня, Алим перекрывает большую дорогу"; 2) Гамберім харшыма дурдүхчес дженнет бана девлет-тір Б "Пока мой Гамбер при мне, рай - мой удел"; 3) Сырма мыйых дурдүхчас сахалдыа т'ім бахар? СГ "Если есть молодой усач, кто обращает внимание на бородача?"; 4) Есап үстүне есап вар. Өле олдүхче, Аших-Гариб, хырхына бір сөле СЛХ: 10,8-9 "За счет и расчет. А коль так, Аших-Гариб, исполни (пока) одну песню для сорока".

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение проблематики исторического развития тюркских языков, функционирующих в иноязычном окружении, предпринятое в настоящем исследовании с учетом теоретического и практического опыта в области лингвистики языковых контактов, позволяет сделать выводы, отдельные из которых, помимо тюркологического, могут иметь и общелингвистическое значение.

Данные урумских и армяно-кыпчакских письменных памятников, фольклора и повседневной речи урумов свидетельствуют, что эволюция исследуемых тюркских языков осуществлялась в исторически меняющихся социальных условиях тюркско-индоевропейских языковых контактов и происходила при тесном взаимодействии факторов саморазвития и межязыкового и междиалектного взаимовлияния, в двух неразрывно связанных направлениях - дивергенции и конвергенции. Первые особенно сильно проявились в период относительно изолированного существования этих языков - после территориального отделения от однородного массива тюркских диалектов крымского ареала и до вступления в интенсивный контакт с языками другой типологии - славянскими. Вторые (факторы взаимовлияния) преобладали в периоды формирования урумского языка на базе тюркских и новогреческих говоров Крыма, ретюркизации урумского языка под влиянием крымскотатарских говоров окружения и славяно-тюркского двуязычия носителей армяно-кыпчакского языка на территориях их островного распространения.

Эволюция урумских говоров оказалась разнонаправленной в разные периоды. Вначале тюркские говоры Крыма, лежащие в их основе, подверглись разностороннему воздействию субстратных новогреческих говоров соответствующих населенных пунктов Крыма. Затем, с падением последних, под влиянием местных крымскотатарских говоров произошла некоторая ретюркизация урумских говоров, более интенсивная в городах и густонаселенной сельской местности. Пополнявшие урумский этнос представители нетюркских народностей (ясыри-невольники, вольноотпущенники) воспринимали урумский язык, очевидно, без существенной коррекции в

сторону крымскотатарского говора окружения (говор урумов Старогнатовки, в преобладающей части грузин по происхождению, в плане реторкизации соотносим с урумскими говорами Жданова и Старого Крыма, в основе которых лежит речь крымских горожан). Развитие урумских говоров в период урумско-восточнославянского двуязычия в плане их структурной эволюции в своих основных чертах совпадает со структурной перестройкой армяно-кыпчакского языка под воздействием польского и украинского, что придает наблюдениям над развитием одного и другого языков типологический характер: аналитизация строя, дифференциация лексико-грамматических классов, групп и разрядов внутри них по типу славянского деления на части речи, утрата специфических категорий и форм и появление аналогичных славянским на всех структурных уровнях осуществляется в рамках славянского языкового типа. Отличия отмечаются в случаях частного структурного расхождения между самими славянскими языками. К примеру, в армяно-кыпчакском языке, в отличие от урумского, под влиянием польского языка определение приобрело способность выступать в постпозиции, но для развития согласования, в частности причастного, решающей оказалась вовсе не эта специфическая особенность, а более общие факторы [Гаркавец 1987].

Взаимодействие между урумскими говорами и окружающими тюркскими языками, наречиями Крыма и их функционально-стилевыми вариантами осуществлялось на фоне межстилевого взаимовлияния в самой тюркской речи окружения. Основные тенденции последнего были усвоены урумским языком, а после переселения в Северное Приазовье и прекращения непосредственного контакта с указанными инотюркскими языками и наречиями и их функционально-стилевыми вариантами межязыковое и междиалектное взаимодействие переросло во внутриязыковое, диглосийное, межстилевое взаимовлияние с гиперистическим развитием дублетных стилистических корреляций-субституций в письменной и особенно песенной речи.

Наблюдение над живой разговорной речью урумов показало, что координативность или субординативность между взаимодействующими системами, несмотря на преобладание одной из тенденций, не является ни всеобъемлющей, ни целостной, ни строго последовательной. Устанавливаемое в момент речевого акта субординативное либо координативное отношение между отдельными единицами плана выражения или плана содержания двух языков вначале характеризует лишь эти единицы. С установлением определенных отношений и между другими единицами двух языков субординативность либо координативность могут распространяться на целые сферы или уровни - при неизбежной неоднонаправленности возникающих зависимостей. Возникающие противоречия превращаются тем самым из внесистемного во внутриструктурный фактор развития языка. Вследствие

этого тенденции саморазвития, межъязыкового и междиалектного взаимовлияния оказались настолько органически переплетенными, что во многих случаях не представляется возможным строгое разграничение одних и других. Тем более, что потенциальное направление разрешения внутривидового противоречия данной системы нередко уже изначально совпадало с направлением иноязычного, инодиалектного влияния.

Сопоставление фактов индивидуальной речевой деятельности носителей армяно-кыпчакского языка, зафиксированной письменными памятниками полторасталетнего периода, и аналогичное сравнение различных временных или различных эволюционных (но одновременных) состояний урумской речи убедило, что инновация координационного и субординационного, дивергентного и конвергентного порядка, возникая в речи индивидов, закрепляется в языке, с одной стороны, за счет ее обобществления, а с другой - благодаря ее органическому увязыванию с другими изменениями в структуре языка. Так, превращение формы на -ранда в ряде урумских говоров в деепричастную оказалось необратимым не только из-за приобретения этой инновацией социальной облигаторности, но и благодаря падению в этих говорах местного падежа, которое тоже стало общественной нормой.

Изучение инноваций, вызванных иноязычным влиянием в исследуемых языках, в указанных социолингвистическом и внутривидовом аспектах позволяет констатировать, что при общем отсутствии кодификации в урумском и армяно-кыпчакском языках наибольшей склонностью к необратимости обладают изменения, фиксируемые в разговорной речи всего общества, по крайней мере - значительной его части. В то же время, изменения, характерные для письменной и песенной речи, не имея прямого выхода в разговорную речь всего коллектива, менее устойчивы, более обратимы, хотя очень часто и более существенны. Яркий пример последних - стилистические корреляции-субституции в урумской песенной речи или кыпчакские морфологические кальки армянских словоформ в грамматических пособиях. Фактор обобществления оказывается, таким образом, решающим. Иначе говоря, не только направление структурного развития языка в принципе предопределяется конкретно-историческими социальными условиями взаимодействия языков (или разновидностей языка при диглоссии), но и возможность окончательного закрепления в языке результатов этого взаимодействия.

В настоящем исследовании (и это так, очевидно, в принципе) изменения языковой структуры на самопроизвольные и обязанные межъязыковому и междиалектному взаимовлиянию делятся с известной долей условности, поскольку чаще всего тенденции саморазвития и внешнего влияния, отталкивания и уподобления, усложнения и опрощения грамматического

строю очень тесно переплетаются, совпадая, накладываясь или чередуясь на разных этапах и в разных сферах языка, что хорошо иллюстрируется, к примеру, развитием фонетического строя урумского языка.

Специфической тюркской языковой чертой, обусловленной агглютинацией и одновременно обуславливающей агглютинацию, является, как известно, сингармонизм. В языках тюркской группы он развит неодинаково. Видимо, и в языковых образованиях, лежащих в основе урумских говоров, он ограничивался небной и губной гармонией гласных и частичным параллелизмом фонематических противопоставлений заднерядных гласных переднерядным и гортанным, заднеязычным, переднеязычным и губным согласным палатальным. Под влиянием новогреческой фонетики в указанных корреляциях произошли существенные сдвиги. Возникло новое для тюркского звукового строя явление палатализации ранее не смягчавшихся согласных, два из которых (к', г') дали конвергентные рефлексы - сначала ћ, ђ новогреческого типа, а затем - уже под славянским влиянием - т', д' славянского типа. Произошло ослабление небного противопоставления гласных с выделением отодвинутых гласных и, э. Изменился способ реализации фонематического качества тюркского слога. Ранее оно определялось характером строго дифференцированного по небности и лабиальности гласного при артикуляционной и акустической устойчивости согласных, многие из которых обладали ограниченной сочетаемостью. Теперь же - в связи с ослаблением небного противопоставления гласных, ослаблением корреляции согласных по палатальности / непалатальности, частным переходом гортанно-язычкового к в х и появлением палатализации - ведущая роль в реализации качества слога в ряде случаев постепенно передается видоизмененному согласному. Прежде всего здесь имеются в виду сочетания палатализованных согласных с губными гласными переднего ряда е, у: т'ор < т'өр "слепой", т'урлу < түрлу "определенного вида". Ср. также красноречивые армяно-кыпчакские написания: деорт Акт.КП 20: 96,17 д'өрт "четыре", т'өк'улан Thor. Sekr.: 135, 8 пр. т'өкүлгөн "вылитый". Гласный э в урумском языке очень рано перешел в е, поэтому здесь не встречаются показательные фонетические рефлексы типа древнерусских Кобяк, Котян < Кебэк, Кетен. Высказанная версия может быть применена для объяснения палатализации согласных в гагаузском языке и осуществляемой в том же духе фонетической адаптации турцизмов в болгарском языке, а также индоевропейской и тюркской лексики в русском языке (типа дубель, конфитюр, тубетейка). Таким образом, собственно тюркские небные сингармонистические противопоставления, послужив начальной внутривидовой базой для восприятия новогреческих фонетических инноваций в области консонантизма, впоследствии (уже под влиянием славянской аналогии) были серьезно

ослаблены рефлексам, ими самими превосходящимися или не отрицаемыми.

Выражение субъектных, объектных и релятивных значений в рамках соответствующих синтаксических конструкций осуществляется посредством взаимно мотивированного сочетания лексико-грамматического содержания глагольной формы и падежной, послеложной или служебноименной субстантивной формы, входящей в данную конструкцию. Управление в таком понимании представляется двусторонне выражаемым типом синтаксической связи. Поэтому влияние новогреческого субстрата на систему падежного склонения проурумских говоров имело своим последствием не просто локальное конвергентное преобразование в области именного словоизменения с закономерным отражением в комплексе средств формирования наречий, но и затронуло систему глагольных категорий. Падение местного падежа привело к расширению функциональности и семантики датива. С утратой новогреческого говора-основы каждый урумский говор, в той или иной мере взаимодействуя с собственно турецким говором окружения и исходя главным образом из своих собственных, внутрисистемных соотношений, стремится достичь нового равновесия и по-новому распределяет функциональную и семантическую нагрузку между именными словоформами и глагольными средствами выражения субъектной, объектной и релятивной семантики. В результате получают дальнейшее развитие аналитические конструкции (послеложные и служебноименные) и вырабатываются новые синтетические формы - более специализированный по содержанию сравнительно с утраченным местный падеж на -це и орудийно-совместный на -(б)л(е)н / -нен. Ломка косвенно затронула глагольную категорию залога, прежде всего каузатив, так как в понудительно-опосредовательных конструкциях раньше значительную роль играл дательный падеж, оказавшийся функционально и семантически перегруженным. Попутно в процессе деепричастной морфологизации получила дополнительную поддержку обстоятельственная форма на -ранда, которая с падением местного падежа на -да отпала от парадигмы субстантивного словоизменения. Следовательно, и это конвергентное в своей основе изменение, будучи органически увязано с самопроизвольными, внутрискруктурными дивергентными преобразованиями, из локального превратилось в комплексное, общесистемное. И в этом его структурная необратимость.

В системе глагола тенденция саморазвития обусловлена дальнейшая дифференциация залогов при одновременной лексикализации отдельных медиальных и транзитивных образований, аналитизация и непосредственно сопровождающая ее морфологизация форм выражения возможности / невозможности, углубление функционально-семантического деления между косвенными наклонениями и индикативными временными формами, тоже сопровождаемое процессами интеграции и унификации. Эти и другие в осно-

ве своей самопроизвольные изменения осуществлялись в новых социалингвистических условиях: армяно-кыпчакский язык вступил в активный контакт с польским и украинским языками, а урумские говоры, которые сами по себе сформировались в результате взаимодействия кыпчакских и огузских говоров Крыма с новогреческим субстратом, оказались в количественно и функционально преобладающем украинско-русском языковом окружении. Более того, переселение урумов в Северное Приазовье привело к новому смешению на местах поселения (в большинстве говоров) разных кыпчакских и огузских говоров. В связи с этим в системах исследуемых языков выделяются изменения, в значительной степени относимые на счет междиалектного взаимодействия, и инновации, вызванные или поддерживаемые влиянием языков иной типологии. Первые отмечены преимущественно в урумском языке, где одним из наиболее существенных результатов междиалектного взаимовлияния следует считать образование континуума форм настоящего-будущего времени на основе разнодиалектных парадигм - с одновременной перестройкой системы личных (сказуемых) формантов индикатива и косвенных наклонений в целом. В памятниках армяно-кыпчакского языка, диалектно однородного, инодиалектные элементы характеризуются интерференционной окказиональностью, и их роль в эволюции армяно-кыпчакского языкового строя поэтому не столь существенна.

В процессе образования урумского континуума форм настоящего-будущего времени междиалектное взаимовлияние стало и толчком к активизации прежних тенденций, и источником исходного материала, и долговременным и наиболее активным фактором данного изменения. За период двухсотлетнего изолированного от основного тюркского массива функционирования каждого из урумских говоров рассматриваемый процесс - в ходе целостной перестройки говоров - перешел в завершающую стадию и теперь уже может квалифицироваться как самопроизвольный для каждого из них процесс стабилизации и унификации этой его частной подсистемы.

Контакты со славянскими языками способствовали углублению деления на части речи, в частности расчленению класса глагольных имен и последующей специализации отдельных форм, выделению из этого комплекса одной из форм как инфинитивной - с аналитизацией глагольного формообразования в рамках славянской аналогии. Аналитизация выражения модальных, фазисных и других модификационных значений хотя и имела исторические предпосылки в самой тюркской глагольной системе, однако при абсолютном преобладании синтетизма и агглютинации не находила условий для активного развития. Только с появлением такого фактора, как иноязычное влияние, аналитизация данной семантической сферы глагола резко активизировалась и, дав уже в доступный для исследования

период заметные результаты, все более расширяется и углубляется.

Каждое из конвергентных изменений, таким образом, возникало не на пустом месте, а имело глубокие корни в самом строе тюркских языков, благодаря чему следует говорить как об общем, так и о частном взаимодействии тенденций саморазвития и межкузыкового и междиалектного взаимовлияния, дивергенции и конвергенции, об обогащении тюркской грамматической системы не абсолютно чуждыми элементами, но такими образованиями, которые в той или иной мере потенциально предвосхищаются (не отрицаются) самой этой системой. Аналогичное объяснение имеет не только появление новых явлений, но и утрата определенных элементов системами исследуемых языков из-за отсутствия эквивалентов в контактных языках иной типологии.

Отсутствие структурных заимствований морфемного уровня (аффиксов формообразования и словоизменения), с одной стороны, свидетельствует о действенности билингвальной координации на морфемном уровне при ее утрате в области морфологической семантики и в синтагматике, а с другой - о типологической устойчивости агглютинативного морфологического строя, которая, в свою очередь, оказалась одной из предпосылок существования устойчивой билингвальной координации на уровне фонем.

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ ЯЗЫКОВ

азерб. - азербайджанский	лат. - латинский
алт. - алтайский	мамл.-кып. - мамлюкско-кыпчакский
араб. - арабский	новогр. - новогреческий
арм.-кып. - армяно-кыпчакский	ног. - ногайский
башк. - башкирский	перс. - персидский
гаг. - гагаузский	пол. - польский
гр. - греческий	рум. - румынский
др.-тюрк. - древнетюркский	рус. - русский
каз. - казахский	тат. - татарский
кар. - караимский	тур. - турецкий
кбалк. - карачаево-балкарский	турм. - туркменский
кирг. - киргизский	уйг. - уйгурский
ккалп. - каракалпакский	укр. - украинский
кр.-тат. - крымскотатарский	урум. - урумский
куман. - куманский	чув. - чувашский
кумык. - кумыкский	якут. - якутский

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ ИСТОЧНИКОВ И НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

- Акт.КП - Актовая книга Каменец-Подольского армянского войтовского суда // Центральный государственный исторический архив Украинской ССР в г.Киеве. - Ф. 39, оп. 1, ед. хр. 8; 11; 12; 14; 15; 17; 19а; 20; 22; 24-37; 40-42; 157; 158.
- Андр. - п. Андреевка Тельмановского р-на Донецкой обл. (говор Г).
- Б - п. Богатырь Великоновоселковского р-на Донецкой обл.
- БК - п. Белокаменка Тельмановского р-на Донецкой обл. (говор СЛ).
- БТ - п. Богатырь - по данным дипломной работы "Славянско-тюркское лексическое взаимодействие в условиях Донбасса" О.А.Тарасевой (кафедра общего и исторического языкознания Донецкого госуниверситета, 1982 г. - далее ДонГУ).
- Варш. - Варшава (Польша):
Главный архив древних актов. - ВОР XII 9/1; ВОР XII 9/6;
Институт востоковедения Польской Академии наук. - Рукописи № 6 (Tryjarski 1976a - факсимиле л. 1; 37-38 об.; 1976b - факсимиле л. 90-93 об.; 1977 - факсимиле л. 41-41 об.).
- Вен. - Вена (Австрия):
Австрийская национальная библиотека. - Cod. Arm. 3 (Tryjarski 1968-1972: 885-889 - факсимиле л. 1-1 об.; 83 об. - 84; 106; конкорданс к кыпчакской части армяно-кыпчакского словаря); Cod. Arm. 13 (Kraeplitz-Greifenhorst 1912: 308 - текст псалма № 50/51; Dubinska 1961 - факсимиле л. 1; 71 об. - 72; Tryjarski 1983a - факсимиле псалма № 151, л. 210);
Библиотека Конгрегации мхитаристов. - Рукописи № 84 (Tryjarski 1968-1972: 897-902 - факсимиле л. 1-2 об.; 4 об.; конкорданс к кыпчакской части армяно-кыпчакского словаря); 143; 311 (Tryjarski 1968-1972: 890-896 - факсимиле л. 13; 232 об. - 233; 300-300 об.; конкорданс к кыпчакской части

¹ Для рукописей, хранящихся за границей, указаны публикации, по которым они использованы. Урумские рукописи, место хранения которых не названо, принадлежат к коллекции автора. При ссылках на дипломные работы страниц словарных статей не даются.

армяно-кыпчакского словаря); 440; 441 (Schütz 1971: 297-300 - факсимиле л. 4 об.; 8 об.; 11; 48; текст л. 5 об.- 6 об.; 7 об.- 8; 10 об.- 11; 16-16 об.; 48); 444; 446; 447; 452; 468 (Dery, Tryjarski 1964a: 46-61 - факсимиле л. 54 об.- 62); 479; 481; 525; 536; 553.

- Венец. - Венеция (Италия): Библиотека Конгрегации мхитаристов на острове св.Лазаря. - Рукописи № 11; 81; 359 (Dubinska 1961 - цитаты из разных мест); 446 (Tryjarski 1976 с - факсимиле л. 59/62 об.- 78/81 об.); 1126; 1270; 1700 (Schütz 1968: 173-215 - факсимиле л. 107-115, 6; 122 об., 14-157; Vasary 1969: 141-151 - текст л. 89, 18-106; 115, 7-122, 13; 158-161, 1); 1750; 1788; 1817.
- ВН - пгт Великая Новоселка Донецкой обл.
- ВНБ - пгт Великая Новоселка, рукописный песенник Балжи Григория Федоровича. - 27 л.
- ВНр. - пгт Великая Новоселка, румейский говор.
- ВНр.ч - пгт Великая Новоселка, румейский говор - по данным дипломной работы "Румейско-тюркско-слов"янська лексична взаємодія в умовах Донбасу" Г.Н.Чердакли (ДонУ, 1982 г.).
- Вроц. - Вроцлав (Польша): Библиотека Национального института им. Оссолинских в г. Вроцлаве. - Рукописи № 1359/II; 1590/II; 1916/II (Lewicki, Kohnowa 1957: 166-252 - факсимиле л. 166 об.- 193 об., 1; 203-211; 293 об.- 296; в ЦГИА СССР в г.Киеве есть позитивный микрофильм: КМФ 15, оп. 2, № 294).
- Г - пгт Гранитное Тельмановского р-на Донецкой обл.
- Георг. - п.Георгиевка Великоновоселковского р-на Донецкой обл. (говор СМ).
- Герла - Герла (Румыния): Краевой исторический музей в г.Герле. - Рукопись № 6 (23) (Коланджян 1969: 441-442 - фрагмент текста без указания на страницу).
- ГПБ - пгт Гранитное, рукопись богослужебной книги Попова Степана Федоровича. - 70 л. - Греческим и старорусским письмом.
- ГК - пгт Гранитное, рукописный песенник Кичика Павла Михайловича. - 15 л.
- ГПАГ - пгт Гранитное, рукопись Попова Василия Антиповича, пьеса "Аших-Гариб". - 43 л.
- Григ. - п.Григорьевка Тельмановского р-на Донецкой обл. (говор СГ).
- ГХ - пгт Гранитное, рукописный сборник Хары Гавриила Спиридоновича. - 70 л.
- ДГ - /Документы 1967/.
- Дн. - п.Днепроэнергия Великоновоселковского р-на Донецкой обл. (говор К).
- ДТС - Древнетюркский словарь. - Л.: Наука, 1969. - 676 с.
- Ж - г.Жданов Донецкой обл.
- ЖМ - г.Жданов - по статье /Марков 1892/.
- ЖМПр. - г.Жданов - по приложению к статье /Марков 1892/.
- Зап. - п.Запорожье Великоновоселковского р-на Донецкой обл. (говор К).
- К - с.Комар Великоновоселковского р-на Донецкой обл.
- Кам. - п.Каменка Тельмановского р-на Донецкой обл. (говор Г).
- Кдм. - с.Комар, рукописный песенник Дмитриевой Людмилы Антоновны. - 6 л.
- КК - "Кодекс Куманикус" по факсимиле /Grönbech 1936/.
- Кр. - Краков (Польша): Библиотека Национального музея, отделение Чарторских в г.Кракове. - Рукописи № 2412; 3546 (Dubinska 1961 - факсимиле л. 1; 26 об.- 27; 47 об.- 48; 59 об.- 60; текст псалма № 1; цитаты из разных мест); Библиотека Ягеллонского университета. - Рукопись № 3342

- (Tryjarski 1968: 131 - перечень знаков зодиака);
 Личная коллекция проф. З.Абрахамовича (от наследников М.Левицкого). - Книга Львовского армянского архиепископства (Никола Торосовича).
- ЛВ - "Ленин байрагы", газета на крымскотатарском языке, орган ЦК КП Узбекистана, Верховного Совета и Совета Министров УзССР, издаётся с 1 мая 1957 г.
- Лейд. - Лейден (Нидерланды):
 Библиотека Лейденского университета. - В. У. 878. G. 9 - "Алмыш бітікі" - печатный молитвенник (Львов, 1618 г.) (Schütz 1961a: 125-126 - факсимиле л.1; 168; 1961b - текст л. 37,6-40,7; 66-80,2; 111-128,12).
- Лен. - Ленинград:
 Публичная библиотека им. М.Е.Салтыкова-Щедрина, отдел рукописей. - Рукописи Арм.2; Арм.8; Дорн 636.
- Льв. - Львов:
 Центральный государственный исторический архив Украинской ССР в г.Львове. - Ф.9, оп. 1, ед. хр. 381; ф.52, оп.1, ед.хр. 136; 863; 889; ф.52, оп. 2, ед. хр. 177; 545; 546; 548; ф. 131, ед. хр. 299; 465; 467; 516; 522; 561; 568; 585; 604.
- Мат. - Матенадаран им. Месропа Маштоца АрмССР, Ереван. - Рукописи № 1232; 1763; 2267; 2403; 2493; 3521; 3522; 3833; 5985.
- МГ
 МК - п.Малогнатовка Тельмановского р-на Донецкой обл. (говор СГ).
 - п.Малый Керменчик Великоновоселковского р-на Донецкой обл. (говор СМ).
- НВ
 НВЕ - п.Новобешево Старобешевского р-на Донецкой обл. (говор СВ).
 - п.Новобешево - по данным дипломной работы "Славянско-тюркское лексическое взаимодействие в условиях Донбасса" Н.И. Еременко (ДонГУ, 1981 г.).
- НК - п.Новый Комар Великоновоселковского р-на Донецкой обл. (говор К).
- НКД - п.Новый Комар - по данным дипломной работы "Славянско-тюркское лексическое взаимодействие в условиях Донбасса" М.П. Демишовой (ДонГУ, 1980 г.).
- НЛ
 НМ - п.Новолапа Тельмановского р-на Донецкой обл. (говор СЛ).
 - п.Новомиловка Куйбышевского р-на Запорожской обл. (говор СМ).
- НМар.
 Нов.І, Нов.ІІ - п.Новомаринка Тельмановского р-на Донецкой обл. (говор Г).
 - п.Новоселовка І, Новоселовка ІІ Тельмановского р-на Донецкой обл. (говор Г).
- П
 Пар. - пгт Першотравневое Донецкой обл.
 - Париж (Франция):
 Национальная библиотека. - Арм. 5; Арм. 170; Арм. 176 (Deny 1957 - лексика всех трех рукописей); Арм. 194 (Deny 1957: 26-40 - текст л. 49-65 об. 14; Dachkevych, Tryjarski 1981 - факсимиле л. 65 об. 15 - 67).
- Р - п.Раздольное (совхоз "Богатырь") Великоновоселковского р-на Донецкой обл. (говоры В, У).
- СВ
 СВА - пгт Старобешево Донецкой обл.
 - пгт Старобешево - по рукописному сборнику пословиц Асланова Петра Ивановича. - 16 л.
- СВБ - пгт Старобешево - по данным дипломной работы "Славянско-тюркское лексическое взаимодействие в условиях Донбасса" В.Р.Богонос (Федоровой) (ДонГУ, 1977 г.).
- СВЧ - пгт Старобешево - по рукописному сборнику пословиц Челпанова Антона Христофоровича. - 25 л.
- СГ
 СГС - с.Старогнатовка Тельмановского р-на Донецкой обл.
 - с.Старогнатовка по данным дипломной работы "Опыт урумско-русского словаря" А.Ю.Сагирова (ДонГУ, 1976 г.).
- СК
 СКХ - с.Старый Крым Ильичевского р-на г.Львано-ва.
 - с.Старый Крым, рукописный песенник Харисахал Федора Дмитриевича. - 70 с.

- СКШ - с.Старый Крым, рукописный песенник Шестопаловой Лидии Николаевны. - 25 л.
- СЛ - с.Староласпа Тельмановского р-на Донецкой обл.
- СЛЖ - с.Староласпа, рукописный песенник Косе Веры Степановны. - 4 л.
- СЛХ - с.Староласпа, рукопись Халайджи Дмитрия Николаевича, пьеса "Аших-Гариб". - 32 л.
- СМ - пгт Староминовка Великоновоселовского р-на Донецкой обл.
- СМО - пгт Староминовка - по данным лексической картотеки Оглуха Федора Ивановича.
- ССВ - Сабаньнь саарь вакътында: Кырым-татар халкъ ийрлары. - Ташкент: Эдеб. ве санъат нешр., 1977. - 375 б.
- Ст.К - с.Стала Старобешевского р-на Донецкой обл., румейский говор - по данным дипломной работы "Русско-туркско-румейское лексическое взаимодействие" Т.В.Кусты (ДонГУ, 1983 г.).
- ТРС - Турецко-русский словарь. - М.: Рус. яз., 1977. - 966 с.
- ТХМ - Татар халкъ масаллары. - Ташкент: Девл. нефис эдеб. нешр., 1959. - 262 б.
- У - п.Улаклы Великоновоселковского р-на Донецкой обл.
- ЦНБ - Центральная научная библиотека АН УССР (г.Киев), отдел рукописей. - Ф. II.A., ед. хр. 27 л. (Муз.954); ф.72, ед. хр. 28; ф.V, ед. хр. 732 - 784; 3641 - 3690 - урумские рукописи греческим письмом конца XVIII - начала XIX в.; ф. V, ед. хр. 449 - 546 - рукописные материалы В.Ф.Розанова (архимандрита Гавриила); ф.V, ед. хр. 1198 - текст выступления В.И.Григоровича на I Археографическом съезде в Киеве в 1874 г.
- ЧЗ - п.Червоня Зирка Великоновоселковского р-на Донецкой обл. (говор К).
- Я - п.Ялта Великоновоселковского р-на Донецкой обл. (говор К).
- Thor. Sekr. - Thorosowicz Andrej. Sekreta z ogrodu philozowskiego, zebrane prawdziwe o kameniu błogosławionim philozowskim z wykładem. Pisane roku panskiego 1626 // ЦГИА УССР в г.Киеве. - Ф. 228, оп. 1, ед. хр. 89.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдуллин И.А. Армяно-кыпчакские рукописи и их отношение к диалектам татарского языка // Материалы по татарской диалектологии. - Казань, 1974. - Вып. 3. - С. 166 - 185.
- Баснаков Н.А. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. Словосочетание и предложение. - М.: Наука, 1975. - 287 с.
- Белецкий А.А. Греческие диалекты юго-востока Украины и проблема их языка и письменности // Уч. зап. / Ленингр. ун-т. - 1970. - № 343. - Сер. филол. - Вып. 73, Балканская филология. - С. 5 - 15.
- Бертье-Делагард А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. - Одесса, 1914. - 30 с.
- Вілодід І.К. Вчення М.В.Ломоносова про три стилі і його значення в історії російської і української літературних мов. - К.: Вид-во АН УРСР, 1961. - 36 с.
- Благова Г.Ф. Заметки о взаимно-совместном залоге // Сов. тюркология. - 1976. - № 6. - С. 46 - 59.
- Гаджирахмедов Н.Э. Система времен кумыкского индикатива: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Баку, 1981. - 30 с.
- Гаджиева Н.З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. - М.: Наука, 1973. - 403 с.
- Гайдаржи Г.А. Гагаузский синтаксис. Относительное и бессоюзное подчинение придаточных. - Кишинев: Штиинца, 1973. - 92 с.
- Гайдаржи Г.А. Гагаузский синтаксис. Придаточные предложения союжного подчинения. - Кишинев: Штиинца, 1981. - 133 с.

- Гарипов Т.М. Кыпчакские языки Урало-Поволжья. Опыт синхронической и диахронической характеристики. - М.: Наука, 1979. - 303 с.
- Гаркавец О.М. Розвиток форм вираження спонукальності у вірмено-кыпчакській мові під слов'янським впливом // Мовознавство. - 1975а. - № 1. - С. 81 - 85.
- Гаркавец А.Н. Относительные местоимения в армяно-кыпчакском языке XV - XVII вв. // Вестн. АН КазССР. - 1975б. - № 7. - С. 59 - 63.
- Гаркавец А.Н. Уподобление армяно-кыпчакского глагольного имени на -gaп славянскому причастию и его синтаксические последствия // Сов. тюркология. - 1976. - № 1. - С. 34 - 41.
- Гаркавец А.Н. Конвергенция армяно-кыпчакского языка к славянским в XVI - XVII вв. - Киев: Наук. думка, 1979. - 100 с.
- Гаркавец А.Н. Армяно-кыпчакские письменные памятники XVI - XVII вв. // Средневековый Восток. - М., 1980. - С. 81 - 90.
- Гаркавец А.Н. Две новонайденные армяно-кыпчакские рукописи // Тюркол. сб., 1977. - М., 1981а. - С. 76 - 80.
- Гаркавец А.Н. О происхождении и классификации урумских говоров Северного Приазовья // Сов. тюркология. - 1981б. - № 2. - С. 46 - 58.
- Гаркавец О.М. Проблема виділення інфінітива в урумській мові // Мовознавство. - 1981в. - № 3. - С. 47 - 54.
- Гаркавец О.М. Зміна традиційного порядку слів у тюркських мовах на Україні // Там же. - 1983. - № 3. - С. 41 - 49.
- Гаркавец О.М. Тенденції розвитку первинного дієприслівника на -а в тюркських мовах на Україні // Там же. - 1985. - № 1. - С. 50 - 56.
- Гаркавец О.М. Принципи становлення й розвитку урумської пісенної мови // Там же. - 1986а. - № 3. - С. 55 - 61.
- Гаркавец О.М. Розвиток дієслова в тюркських мовах на Україні / Інститут мовознавства АН УРСР. - К.: 1986б. - 193 с. - Деп. в ІНІОН АН СССР. - № 27202. - 22.10.1986.
- Гаркавец А.Н. Фонетическая субституция как прием "поэтизации" урумской песенной речи // Сов. тюркология. - 1986в. - № 3. - С. 43 - 51.
- Гаркавец А.Н. Развитие согласования в армяно-кыпчакском и урумском языках // Изв. АН КазССР. Сер. филол. - 1987. - № 1. - С. 8 - 15.
- Григорян В.Р. Об актовых книгах армянского суда г. Каменец-Подольска (XVI - XVII вв.) // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы / Под ред. А.С.Тверитиновой. - М., 1964. - С. 276 - 296.
- Григорян В.Р. История армянских колоний Украины и Польши. Армяне в Подолии. - Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1980. - 291 с.
- Гузев В.Г. О значениях взаимного и пунудительного залогов // Сов. тюркология. - 1985. - № 5. - С. 3 - 11.
- Дашкевич Я.Р. Армяно-кыпчакский язык: Библиогр. лит., 1802 - 1978 // Roscz. orientalist. - 1979. - 40. z. 2. - S. 79 - 86.
- Дестанлар / Топаляган ве тертип эткен Дж. Бекиров. - Ташкент: Адаб. ва санъат нешр., 1980. - 152 б.
- Джанмавов Ю.Д. Деєпричастія в кумикському літературному мові (сравнительно с другими тюркскими языками). - М.: Наука, 1967. - 330 с.
- Дмитрков Н.К. Строй тюркских языков. - М.: Изд-во вост. лит., 1962. - 607 с.
- Документи на половецком языке XVI в. Судебные акты Каменец-Подольской армянской общины / Транскрипция, пер., предисл., введ., граммат. коммент. и глоссарий Т.И.Грунина; под ред. Э.В.Севортяна; статья Я.Р.Дашкевича. - М.: Наука, 1967. - 430 с.
- Евсеньева А.П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII - XX вв. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. - 348 с.
- Жирмунский В.М., Зарифов А.Г. Узбекский народный героический эпос. - М.: Гослитиздат, 1947. - 519 с.
- Житецкий П.Г. Про українські народні думи. - К.: Друккар, 1919. - 417 с.
- Журавлева Е.Ф. О фонологической трактовке твердости / мягкости в ново-греческом говоре Денецкой области // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. - 1980. - № 2. - С. 52 - 62.

- Журавлева Е.Ф. Вокализм и некоторые особенности консонантизма тавро-
румейского новогреческого диалекта // Традиции Московской школы и
современные проблемы языкознания: Фортунатовские чтения. - М.,
1981. - С. 66-84.
- Журавлева Е.Ф. Фонологическое описание греческого новокаракубского
говора в сравнении с другими таврорумейскими говорами и северно-
греческими диалектами: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. -
М., 1982. - 27 с.
- Закиев М.З. Татарский язык // Языки народов СССР. - М., 1966. - Т.2. -
С. 139-154.
- Иванов С.Н. Курс турецкой грамматики: Учеб. пособие. - Л.: Изд-во
ЛГУ, 1977. - Ч. 2, Грамматические категории глагола. - 87 с.
- Изидинова С.Р. Фонетические и морфологические особенности крымскотат-
тарского языка в ареальном освещении: Автореф. дис. ... канд. фи-
лол. наук. - М., 1982. - 21 с.
- Історія міст і сіл Української РСР. Кримська область. - К.: Голов.
ред. УРЕ, 1974. - 802 с.
- Кажибеков Е.З. Глагольно-именная корреляция гомогенных корней в тюрк-
ских языках. - Алма-Ата: Наука, 1986. - 272 с.
- Кайдаров А.Т. Структура односложных корней и основ в казахском языке.
- Алма-Ата: Наука, 1986. - 327 с.
- Коланджян С. Краткий каталог армянских рукописей города Герла //
Вестн. Матенадарана. - 1969. - № 9. - С. 433-485. - На арм. яз.
- Кондратьев В.Г. Очерк грамматики древнетюркского языка. - Л.: Изд-во
ЛГУ, 1970. - 65 с.
- Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. -
М.; Л.: АН СССР, 1956. - 569 с.
- Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников УП-IX
вв. - Л.: Наука, 1980. - 255 с.
- Корелов И.А. Язык триалетских урумов и его специфические особенности:
Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Баку, 1970. - 30 с.
- Кормушин И.В. Системы времен глагола в алтайских языках. - М.: Наука,
1984. - 86 с.
- Котвич В.Л. Исследование по алтайским языкам. - М.: Изд-во иностр.
лит., 1962. - 371 с.
- Крымский А.Ю. Історія Туреччини. - К.: Друк. Укр. Академії наук,
1924. - 226 с.
- Крымский А.Ю. Тюрки, їх мови та літератури // Твори в п'яти томах. -
К.: Наук. думка, 1974. - Т. 4. - С. 447-583.
- Курьшжанов А.К. Язык старокыпчакских письменных памятников XIII-XIV
вв.: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - Алма-Ата, 1973. - 58 с.
- Марков С.И. Заметки о быте греков г. Мариуполя // Мариуполь и его
окрестности. - Мариуполь, 1892. - С. 406-438. - Прил. - С. 3-38.
- Маштакова Е.И. О Михри-хатун и ее стихах // Михри-хатун. Диван. - М.,
1967. - С. 5-100.
- Мельничук О.С. Развитие структуры слов"янского" речения. - К.: Наук.
думка, 1966. - 323 с.
- Муратов С.Н. Материалы по говорам тюркоязычных греков (урумов) Донец-
кой области УССР // Кр. сообщ. / Ин-т народов Азии. - 1963. - № 72. -
С. 178-191.
- Мусаев К.М. Грамматика караимского языка: Фонетика и морфология. - М.:
Наука, 1964. - 344 с.
- Мусаев К.М. Краткий грамматический очерк караимского языка. - М.: Нау-
ка, 1977. - 100 с.
- Наджиб Э.Н. Кыпчакско-огузский литературный язык Мамлюкского Египта
XIV века: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - М., 1965. - 94 с.
- Наджиб Э.Н. О средневековых литературных традициях и смешанных пись-
менных тюркских языках // Сов. тюркология. - 1970. -
№ 1. - С. 87-92.
- Олесьникий А. Песни крымских турок: Текст, пер. и музыка. - М., 1910. -
172 с.

- Покровская Л.А. Грамматика гагаузского языка: Фонетика и морфология. - М.: Наука, 1964. - 298 с.
- Покровская Л.А. Гагаузский язык // Языки народов СССР. - М., 1966. - Т. 2. - С. 112-138.
- Покровская Л.А. Синтаксис гагаузского языка в сравнительном освещении. - М.: Наука, 1978. - 203 с.
- Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. - М.: Учпедгиз, 1958. - Т. 1/2. - 536 с.
- Радлов В.В. Образцы народной литературы северных тюркских наречий. - СПб., 1896. - Т. 7. Наречия Крымского полуострова. - 935 с.
- Самойлович А.Н. К истории крымскотатарского литературного языка // Вестн. Научного о-ва татароведения. - 1927. - № 7. - С. 27-33.
- Севортян Э.В. Фонетика турецкого литературного языка. - М.: Изд-во АН СССР, 1955. - 152 с.
- Севортян Э.В. О структуре предложения в тюркских языках // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. - М., 1961. - Ч. 3. Синтаксис. - С. 5-18.
- Севортян Э.В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. - М.: Изд-во АН СССР, 1962. - 644 с.
- Севортян Э.В. Крымско-татарский язык // Языки народов СССР. - М., 1966. - Т. 2. - С. 234-259.
- Сергиевский М.В. Мариупольские греческие говоры // Изв. АН СССР. Отд-ние обществ. наук. - 1934. - С. 533-587.
- Соколов И.И. О языке греков Мариупольского и Сталинского округов // Яз. и лит. - 1930. - Т. 6. - С. 49-67.
- Соколов И.И. Мариупольские греки // Труды Ин-т славяноведения АН СССР. - 1932. - Т. 1. - С. 287-317.
- Спірідонов Д. Історичний інтерес вивчення говірок Маріупільських греків // Східний світ. - 1930. - № 12. - С. 171-181.
- Тенишев Э.Р. Говор урмуов села Прасковеевки // Сов. тюркология. - 1973. - № 1. - С. 92-96.
- Хайичев М.А. Памятник куманских языков // Там же. - 1974. - № 2. - С. 66-70.
- Челеби Эвлия. Книга путешествия. - М.: Изд-во вост. лит., 1961. - Вып. 1, Земли Молдавии и Украины. - 338 с.
- Чернышева Т.Н. Новогреческий говор сел Приморского (Урзуфа) и Ялты, Первомайского района, Сталинской области: Ист. очерк и морфология глагола. - Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1958. - 80 с.
- Чернишова Т.М. Тюркські елементи в соціальній сфері лексики грецьких говірок Донецчини // Мовознавство. - 1975. - № 4. - С. 51-55.
- Чеченов А.А. Язык памятника "Codex Cumanicus" (14 в.). В ареальном освещении. - М., 1978. - 55 с.
- Шерединов Я. Звучит кайтарма. - Ташкент: Изд-во лит. и искусства, 1979. - 231 с.
- Широков О.С. История греческого языка. - М.: Изд-во МГУ, 1983. - 147 с.
- Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Глагол. - Л.: Наука, 1981. - 183 с.
- Ыскаков А. Қазіргі қазақ тілі: Морфология. - Алматы: Мектеп, 1974. - 408 б.
- Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. - М.: Наука, 1965. - 275 с.
- Юлдашев А.А. Соотношение деепричастных и личных форм глагола в тюркских языках. - М.: Наука, 1977. - 270 с.
- Ярцева В.Н. Теория субстрата в истории языкознания // Докл. и сообщ. / Ин-т языкознания АН СССР. - 1956. - № 9. - С. 8-32.
- Blau O. Über Volkstum und Sprache der Kumanen // Z. Dt. Morgenländ. Ges. - 1874. - 22. - S. 556-587.
- Dachkevitch Ya.R., Tryjarski B. "La Chronique de Pologne" - un monument arméno-kiptchak de première moitié du XVII siècle // Rocz. orientalist. - 1981. - 42, z. 1. - S. 5-26.

- Deny J. L'arméno-coman et les Ephémérides" de Kamieniec (1604 - 1613).
- Wiesbaden: Harrassowitz, 1957.- 96 p.
- Deny J., Tryjarski E. "Histoire du sage Hiker" dans la version arméno-kiptchak // Roczn. orientalist.- 1964a.- 27, z. 2.- S. 7-61.
- Deny J., Tryjarski E. La littérature arméno-kiptchak // Philologiae Turcicae Fundamenta.- Wiesbaden, 1964b.- T. 2.- P. 801-808.
- Drimba V. Syntaxe Comane.- Bucureşti: Acad.; Leiden: Brill, 1973.- 335 p.
- Drüll D. Der Codex Cumanicus: Entstehung und Bedeutung.- Stuttgart: Klett-Cotta, 1980.- 143 S.
- Dubinska Z. Z badań nad psalterzami ormiańskimi w języku kipczackim // Przegl. orientalist.- 1961.- 38, z. 2.- S. 203-214.
- Eckmann J. Die Karamanische Literatur // Philologiae Turcicae Fundamenta.- Wiesbaden, 1964.- T. 2.- P. 819-835.
- Gabain A., von. Die Sprache des Codex Cumanicus // Philologiae Turcicae Fundamenta.- Wiesbaden, 1959.- T. 1.- P. 46-73.
- Grønbech K. Codex Cumanicus: Cod. Marc. Lat. DXLIX in Faksimile herausgegeben. mit Einleitung von ... Kopenhagen: Levin, Munksgaard, 1936.- 176 S.
- Grønbech K. Komanisches Wörterbuch: Türkischer Wortindex zu Codex Cumanicus.- Kopenhagen: Levin, Munksgaard, 1942.- 315 S.
- Kraelitz-Greifenhorst F., von. Sprachprobe eines armenisch-tatarischen Dialektes in Polen // Wiener Z. Kunde Morgenlandes.- 1912.- 26.- S. 307-324.
- Lewicki M., Kohnowa R. La version turque-kiptchak du "Code des lois des Arméniens polonais" // Roczn. orientalist.- 1957.- 21.- S. 153-300.
- Németh I. Die Türken von Vidin: Sprache, Folklore, Religion.- Budapest: Akad. kiadó, 1965.- 420 S.
- Schütz E. An Armeno-Kipchak Print from Lvov // Acta orient. Hung.- 1961.- 13, f. 1/2.- P. 123-130.
- Schütz E. Armeno-Kipchak Text from Lvov (A.D. 1618) // Ibidem.- 1962.- 15, f. 1/3.- P. 291-309.
- Schütz E. An Armeno-Kipchak Chronicle on the Polish-Turkish Wars in 1620-1621.- Budapest: Akad. kiadó, 1968.- 215 p.
- Schütz E. Armeno-kiptschakische Ehekontrakte und Testamente // Ibidem.- 1971.- 24, f. 3.- P. 265-300.
- Tryjarski E. Zodyak bölge burclarının bir Ermeni-Kipçak listesi // XI. Türk Dil Kurultayında Okunan Bildiriler, 1966.- Ankara, 1968. 127-149 s.
- Tryjarski E. Dictionnaire arméno-kiptchak d'après trois manuscrits des collections viennoises.- Warszawa: PWN, 1968-1972.- T. I, z. 1-4.- 914 p.
- Tryjarski E. A Fragment of an Unknown Armeno-Kipchak Text from Polish Collections // Roczn. orientalist.- 1976a.- 38.- S. 291-302.
- Tryjarski E. An Armeno-Kipchak Sermon by Anton Vartabed from the 17th Century // Tractata Altaica.- Wiesbaden, 1976b.- P. 647-674.
- Tryjarski E. Der Zweite Brief des Paulus an die Korinther in armeno-kiptschakischer Version und seine Sprache // Altaica collecta.- Wiesbaden, 1976c.- P. 267-344.
- Tryjarski E. The Confession of Anton Vartabed // Studia orientalia.- 1977.- 47.- P. 271-279.
- Tryjarski E. A Fragment of the Apocryphal Psalm 151 in its Armeno-Kipchak Version // J. Semitic Studies.- 1983.- 28, № 2.- P. 297-302.
- Vásáry S. Armeno-Kipchak Parts from the Kamenets Chronicle // Acta orient. Hung.- 1969.- 22, f. 2.- P. 139-189.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
НОВОГРЕЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ УРУМСКОГО ЯЗЫКА	8
Лексические заимствования	9
Фонетические инновации	12
Грамматические преобразования	23
СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ УРУМСКОЙ ПЕСЕННОЙ РЕЧИ	36
Состав и источники урумского фольклора	36
Урумская письменность и ее источники	41
Взаимодействие языков и диалектов в процессе становления и развития урумской песенной речи	46
РАЗВИТИЕ ГЛАГОЛЬНОЙ СИСТЕМЫ И ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТРОЙ УРУМСКОГО И АРМИНО-КЫПЧАКСКОГО ЯЗЫКОВ	78
Категория лица	83
Категория залога	84
Категория утверждения / отрицания	91
Категория возможности / невозможности	92
Категории наклонения и времени	95
Повелительное наклонение	95
Настоящее общее на -а/-й и его рефлекс	99
Настоящее-будущее на -р/-маз	110
Формы настоящего времени именной сказуемости и их производные	117
Прошедшее категорическое на -ды	122
Будущее время конъюктива и индикатива на -рай	126
Желательное (запретительное) наклонение на -(й)ай/-май	129
Настоящее-будущее время условного наклонения на -са	131
Настоящее-будущее время долженствовательного наклонения на -сар	133
Глагольные имена на -ран и -(й)ан и их производные	133
Субстантивное употребление форм на -ран//-(й)ан	134
Атрибутивное употребление форм на -ран//-(й)ан	137
Предикативное употребление форм на -ран//-(й)ан	138
Причастно-предикативная форма на -мыш	141
Глагольное имя на -(й)аджах	144
Субстантивное употребление форм на -(й)аджах	144
Атрибутивное употребление формы на -(й)аджах	145
Будущее категорическое на -(й)аджах	145
Слитное деепричастие на -а/-й	147
Присоединительное деепричастие на -оп	149
Терминативные деепричастия на -рач и -гачох	151
Глагольное имя (инфинитив) на -ма(ра)	152
Глагольное имя на -мах	154
Глагольное имя на -дых	157
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	161
СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ ЯЗЫКОВ	168
СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ ИСТОЧНИКОВ И НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ	168
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	171

2 р. 20 к.

НАУКОВА ДУМКА